

ПЕЛ

неперезагружайте картинку <http://vk.com/looksourceonline>

КОРА КАРМАН

Принцесса или авантюристка.

Долг или свобода.

Королевство или любимый охотник за бурями.

Если Аврора что-то и знает — так это то, что каждый выбор имеет последствия. В попытке всё исправить, она присоединяется к нарастающей на улицах Павана революции.

Под личиной мятежника, в помощь восстанию она выдает сведения об обустройстве замка. Но сезон Гнева на пике, и не проходит и дня без льющих с неба разрушений. Только вот бури эти иные — они кипят темнотой, и обрушиваются на головы горожан ожесточенно и неистово.

Это больше походит на гнев.

Походит на войну.

---

*Переводчик: Lianak, _Kirochka_*

Редактор: svetik99, Marina_lovat

Вычитка: enzhii

Переведено для группы vk.com/booksources.translations

ПРОЛОГ

Тринадцать лет назад

В тот день, когда они забрали его у матери, он ни о чём не догадывался.

Он не понимал, почему солдаты вели себя так жестоко и почему мать не возражала. Она только наблюдала своими усталыми глазами и отворачивалась, когда он брыкался, кричал и кусал запястья солдат в попытках вырваться. Когда ему удалось вырваться, он побежал и проскользнул остаток расстояния на коленях, его поношенная одежда не могла помешать, и камни ободрали кожу на ногах. Не обращая внимания на боль, он схватил мать за ноги и зарылся лицом в ткань её юбки, чтобы не видеть, как она всё ещё старается на него не смотреть.

Круз знал, что он не такой, как другие мальчики. Дома его не ждала большая счастливая семья. Но у него была мать. Пока солдаты короля не оторвали его тощие руки от её колен и не оттащили прочь. Она так ни разу и не оглянулась на него, как бы он ни кричал, ему не выпало шанса запомнить её лицо в последний раз.

Как только его хватка на двери в комнату, которую он делил с матерью, была разорвана, уже нельзя было остановить людей, которые уводили его из дома. Его стащили вниз по лестнице и вывели из ветхого здания. Другие женщины, среди которых он вырос, настороженно наблюдали за ним, но не произнесли ни слова в его защиту, даже те добрые, что предлагали ему убежище в своих комнатах, пока его мать работала. Из дверей и окон они наблюдали, как его запихивают в заднюю часть деревянного фургона. Солдат бросил его, и он упал на бок, больно ударившись бедром о пол повозки. Прежде чем он успел подняться на ноги, они захлопнули и заперли деревянную дверь, оставив его в темноте.

Он заколотил в дверь. Даже когда он почувствовал, что повозка дёрнулась, и лошади тронулись с места, он с яростью обрушился на дерево, молотя кулаками, продолжая звать мать, как будто она всё ещё могла услышать, пока его увозили всё дальше и дальше. И когда это не сработало, и его голос стал хрипеть, он сломался и даже выкрикнул имя своего отца.

Хотя это имя он никогда не должен был произносить вслух.

Его отец тоже не пришёл. А повозка всё ехала и ехала, голос его уже давно не слушался, и он мог говорить только кулаками.

— Достаточно, — вымолвил мягкий голос, плывущий к нему откуда-то из темноты. — Ты уже достаточно навредил себе.

Он быстро встал и, развернувшись, прислонился спиной к двери.

— Кто там?

В темноте послышалось шарканье.

— Кто-то такой же, как ты.

Голос был похож на девчачий. Издёвка свернулась в его горле, и он сказал:

— Я сомневаюсь в этом.

— Мы заперты в одной повозке, не так ли? Это одна общая черта. И я могу уверить тебя, что есть, по крайней мере, ещё кое-что, что делает нас похожими. Никто из нас никогда не вернётся к прежней жизни.

Мальчик впитал это знание. Это был разумный вывод, особенно учитывая солдат и реакцию его матери. Он подумал, что ему следовало бы быть более печальным, ведь он лишился всей своей жизни. Но он всегда думал, что это была довольно жуткая жизнь. Его мать редко позволяла ему покидать их маленький однокомнатный дом. Рядом никогда не было ни мальчиков, ни девочек, чтобы поиграть. Его отец иногда навещал его, когда Круз был младше, но перестал приходить несколько лет назад. И если даже его мать не заботилась о том, чтобы оставить его, зачем ему оставаться?

— Может быть, у нас будет лучшая жизнь, — настоял он.

Темнота вокруг него замерла, и девушка не ответила. Через некоторое время он понял, что это и был её ответ. Его кулаки начали пульсировать, поэтому он опустил на пол и осторожно положил их на колени. Постепенно мягкое покачивание повозки ослабило его защиту, и сон помог ему забыть о боли.

Он ошарашено проснулся через некоторое время, когда двери открылись и другой мальчик, на этот раз ещё младше его, был брошен внутрь. Мальчик всё время плакал по отцу, глаза у него были красные, а из носа текло, выглядел он очень жалобно.

— Папа, папа, папа, — причитал мальчик, его крики были хором, который рос внутри маленькой повозки, независимо от того, насколько слабым становился голос мальчика.

Крузу стало интересно, выглядел ли он так же жалко. В мимолетно омывшем повозку солнечном свете, прежде чем двери снова захлопнулись, он увидел девушку — она была на год или два старше его, с тёмными неммытыми волосами, затравленными глазами и ужасным пурпурно-красным пятном на шее, отчего раны на его кулаках выглядели как детская забава. Их взгляды встретились, и он точно знал, что куда бы его ни везли, это не было лучшим местом.

К тому времени, когда они добрались до места назначения, в фургоне уже было одиннадцать других детей. Они с девушкой оказались бок о бок. Вонь грязи и пота собралась вокруг них, и путешествие, казалось, продолжалось вечно.

Через некоторое время девушка наклонилась и прошептала:

— Почему ты здесь?

Он нахмурил брови и поджал губы.

— Откуда мне знать?

— Тебе не нужно притворяться. Здесь все такие, как мы. Вот почему нас всех забрали.

— Как мы? — спросил Круз.

Она задвигалась в темноте, и он не был уверен, как, но он точно знал, что она прослеживала рукой линию на своём горле. Он хотел спросить, как это случилось, но не смог выдать из себя ни слова.

— Мы все... другие, — прошептала девушка в узкое пространство между ними.

Круз на мгновение задумался. Он никогда не был нормальным, это уж точно. Но он всегда считал, что это больше связано с его родословной, чем с чем-либо ещё.

— А кто твои родители? — спросил он у девушки.

— Это не имеет значения.

Тогда что имеет значение? Почему их всех забрали?

Ответа он не получил. Ни когда фургон, наконец, остановился, и казалось что прошло очень много часов. Ни когда дети были выброшены в дикую местность и удерживались на острие меча, когда они пытались двигаться. Двое солдат держали их под контролем страха, в то время как двое других запирали двери опустевшего фургона. Через несколько минут солдаты погрузились в повозку и дали лошадям жёсткий кнут, который пустил их в галоп.

Некоторые дети бежали за ними, причитая и плача, они быстро отстали и совсем потеряли их, когда повозка свернула за первый поворот. Но Круз остался позади, осматривая окрестности. Они были у реки, солдаты оказали им, по крайней мере, такую любезность. Но на пути к убежищу и защите было мало места. Листья и лианы были так густы на деревьях над головой, что закрывали большую часть неба, затрудняя возможность определить, где над головой висело солнце, и висело ли оно вообще. Наверное, они были слишком далеко от города. С того места, где солдаты оставили их, не было видно даже огромного угрожающего замка, стоявшего на вершине мрачных, омываемых океаном скал.

Он занялся исследованием, главным образом для того, чтобы никто не заметил, как покраснели его глаза, а губы дрожали при каждом вдохе и выдохе.

— Так-то лучше, — сказал себе Круз.

Он сделает свою жизнь лучше. Он сможет. И путь он потерял мать, отца и тот маленький дом, который у него был. Но у него был свой ум, своя сила, и у него была богиня. Его отец перед тем, как перестал навещать его, всегда говорил Крузу, что он благословлён богиней.

И теперь богиня защитит его. Он верил в это.

Он должен.

Потому что, когда он забрался на дерево, чтобы сбить несколько кокосовых орехов для группы, чтобы поделиться, он понял, что это не навес, который блокирует солнце над головой. Это была буря. Тёмные тучи развернулись, словно крылья какого-то ночного зверя, и он услышал, как тот взревел на ветру. Круз не знал как, но когда он смотрел на эту бурю, что-то в ней, казалось, смотрело на него в ответ. Ледяное осознание пробежало по его спине, а затем он услышал голос — не в своем уме, не в своем сердце, но всецело в нём и нигде одновременно.

— Уничтожить, — прошептало что-то. — Смерть. Разрушить, — снова и снова эти слова поселялись в нём. — Уничтожить. Смерть. Разрушить. Такова воля богини.

— Ты что-то сказал? — раздался голос внизу, отвлекая его внимание от облаков.

Девушка стояла под деревом, её руки были полны кокосов, которые он уже сбил, она явно ожидала большего.

— Что? — спросил он.

— Ты что-то говорил о богине?

У Круза пересохло во рту, и он отказался снова поднять глаза на зависшую над головой бурю. Вместо этого он небрежно сполз с дерева, заработав, без сомнения, несколько чудовищных синяков.

Когда его ноги коснулись твёрдой земли, он посмотрел на девушку и сказал:

— Приближается буря. Нам нужно найти убежище, или мы умрём.

С тех пор времена года изменились. Границы зимы не поддавались контролю, как и надежда на весну не всегда могла прорваться на свободу. Было только время, когда бури дремали, и время, когда они бушевали.

— *Времена Потрясений*

1

Пот выступил на затылке Авроры, пока она следовала за своими товарищами охотниками за бурями, пробираясь через толпы людей к растущему поселению, которое граничило с городом Паван. Воздух был тяжёлым от надвигающегося дождя, но не это заставило Аврору сделать глубокий вдох.

Это были души.

Они нападали на неё со всех сторон — они тянулись к ней от земли, прокладывая невидимые пути вокруг её ног, и давили на неё с воздуха, покалывая её кожу. Перекрывающий шёпот сталкивался с более громкими криками и мольбами, образуя какофонию, от которой почти все её мысли остановились. Было трудно разглядеть разницу между толпой живых людей вокруг неё и роем духов, которые приходили с ними, но она знала, что это ненормально, что такое количество неуспокоенных душ собирается в одном месте.

Либо очень много людей погибло здесь за последние недели, либо эти души последовали сюда за своими выжившими близкими после того, как те покинули свои разрушенные дома и стали оборышами. Возможно, было сочетание и того, и другого.

Лагерь оборышей цеплялся за внешние стены города Павана, как раненая рука, привязанная близко к телу. Это место казалось уязвлённым. Это витало в воздухе, в земле, в ползучих лужах воды, которые превращали в грязь места, где люди делали всё возможное, чтобы создать дома из того, что они могли спасти. Аврора наиболее отчётливо ощущала души умерших, но за последние несколько недель её способность чувствовать живые души также возросла. Опустошение здесь имело привкус горечи, которую ей даже не пришлось искать. Она присутствовала каждый раз, когда Аврора открывала рот, чтобы вздохнуть.

Люди строили палатки и навесы из любых подручных материалов, которые могли найти. Рваные и залатанные одеяла местами служили крышами, а разномастные куски дерева, перевязанные бечёвкой или порванной тканью, были ближе всего к стенам. Большинство людей не беспокоились о стенах, предпочитая сосредоточиться на том, чтобы как можно больше укрыться от неба, но Аврора точно знала, что ни одно из этих сооружений не выдержит бури. Да и вообще, у неё было ощущение, что это маленькое сообщество было восстановлено на своих собственных костях больше, чем несколько раз. В этом месте было больше отчаяния, чем мог бы претендовать любой другой клочок земли. И то, что он находился в месте, которое она привыкла называть домом, разрывало что-то внутри неё.

— Роар?

Она отвела взгляд от оборышей и увидела тёмно-карие глаза мужчины, который следовал за ней через дикие земли без единой жалобы, несмотря на то, что она ещё не

сказала ему, почему им надо было вернуться. Ей ещё столько всего предстояло ему рассказать, и сердце её сжалось от неуверенности в том, что произойдёт, когда она это сделает. Будет ли он по-прежнему готов следовать за ней куда угодно, когда узнает, сколько лжи она наговорила?

Киран, человек, которого она сначала знала как Локи, остановился впереди неё и, развернувшись, подошёл к ней.

— Ты плохо выглядишь, — сказал он.

К тому же она и чувствовала себя плохо, но он и так был достаточно напряжён, и меньше всего ей хотелось вызвать один из его приступов чрезмерной опеки.

— Ты мне льстишь. Хватит, как упаду в обморок, тогда и поговорим об этом.

Тёмные брови Кирана сошлись в яростные линии, но губы его дёрнулись вверх, разбивая грубую маску, которую он нацепил на своё лицо. Он постоял неподвижно ещё несколько минут, затем опустил сложенные руки, его плечи смягчились и, наклонившись, он коснулся губами её виска, а потом поднёс губы к её уху.

— Ты хочешь, чтобы я польстил тебе, принцесса? — вопрос прозвучал низким рокотом, от которого по её коже пробежали мурашки.

Небеса, его одержимость этим прозвищем приведёт её к смерти. Это вызывало самую причудливую смесь ностальгии по времени, которое они провели вместе в диких землях, и гноящейся вины за правду, которую она ещё не сказала ему — что она действительно была принцессой, или, по крайней мере, была ею до того, как оставила Паван на милость его врагов. Теперь она не была уверена, кто она такая. Разве имеет значение, что она принцесса, если её королевство перешло к другому?

Он отступил в сторону, предлагая локоть, и Аврора с благодарностью взяла его. Она старалась не слишком сильно опираться на него, пока они шли, не желая выдавать своего дискомфорта, но, тем не менее, она испытывала облегчение от того, что он был сильным и устойчивым рядом с ней.

— У человека действительно есть много времени, чтобы подумать, путешествуя целыми днями, — продолжил он тихим шёпотом. — Так что, если ты действительно хочешь немного лести, у меня было достаточно времени, чтобы обдумать все мои любимые аспекты твоего характера.

— Моего характера? — спросила Аврора.

— Среди прочего, — он одарил её самой озорной улыбкой.

Её щёки вспыхнули от жара, и она попыталась отшутиться, но в этот момент они приблизились к особенно населенному участку лагеря, и от давки душ у неё перехватило дыхание.

Она вцепилась в предплечье Кирана, впиваясь ногтями сильнее, чем намеревалась. Он тотчас же резко остановился, вынуждая её встать к нему лицом.

— Я знал, что что-то не так, — прошипел он. — В чём дело?

Аврора несколько раз сильно моргнула, пытаясь сосредоточиться, хрипло выдохнула, а затем ещё раз выдохнула. Она не знала, как объяснить ему, каково это быть окружённой, обводнённой. Она представила себе, как плывет глубоко в океане, толща воды давит на её лёгкие и уши всё сильнее и сильнее, пока уже не начинает казаться, что они вот-вот лопнут. Нет, нет, это было не совсем правильно. Это было больше похоже на сенсорную перегрузку, как будто её слух стал слишком чутким, и теперь всё было слишком громким, слишком близким. Вот только то, что она чувствовала, было намного сложнее, чем звук, или зрение,

или запах.

Она чувствовала... тоску, сожаление и безнадежность, накатывающую волну за волной. Она видела фрагменты воспоминаний, жизни и любви. Духи, особенно новые, имели склонность задерживаться при уходе, поэтому она снова и снова погружалась в страдания их смерти, неохотно тащась за компанию с ними. Даже когда ей удалось поставить блок, здесь присутствовала такая болезненная энергия, что она чувствовала себя измученной. И это оставляло ей слишком мало сил, чтобы заблокировать другие души, которые она могла чувствовать — те, которые не горевали, не справлялись и не следовали за любимыми, — те, которые давным-давно отпустили свои человеческие жизни и стали чем-то совершенно другим. Искалеченные яростью и охваченные жаждой власти и мести, эти души не были так близко, но это не имело значения. Их присутствие казалось таким огромным, тёмным и притягательным — она знала, что если сейчас осмелится использовать свою силу, чтобы вызвать бурю, то ответит одна из этих душ. Аврора не была уверена, что сможет остановить её.

— Роар. Отвечай или я устрою сцену.

Нет. Они ни в коем случае не могли привлечь к себе внимания. По прибытию она заметила синие флаги семьи Локи, которые теперь развевались на городских стенах Павана. Но не только флаги способствовали смене власти; солдаты Локи стояли на страже у ворот и время от времени совершали обход лагеря. Она пока ещё не узнала никого из своих знакомых, но это не означало, что они не узнают её, если увидят.

— Я в порядке. Только... — она откашлялась, понимая, что должна дать ему что-то, иначе он никогда не сдастся. — Ты помнишь Авиру? — спросила она, имея в виду ведьму духов, которую он искал, когда Аврора захватила сердце небесного шторма в пустыне Сангсорра и упала без сознания на несколько дней.

В ту ночь в пустыне она проявила невероятно редкую способность взять сердце бури и не традиционным способом победить, буквально принимая бурю в себя. Киран мало говорил об этом, но она знала, что та ночь была для него травмирующей, не говоря уже о том, что она оставалась без сознания в течение нескольких дней с имитацией грозы там, где должно было быть её сердце. Удивительно, что он до сих пор не убежал в горы.

— Конечно, я её помню. Она вернула мне моё имя, — он нежно сжал её руку и поморщился. — И я никогда не забуду, как она всё время оглядывалась по сторонам, словно вела десять разных бесед, которые я не мог расслышать. Это было тревожно.

Аврора изо всех сил старалась не вздрогнуть, и от усталости ей пришлось долго и медленно моргать.

— Роар?

Она заставила себя открыть глаза с отяжелевшими веками, внезапно почувствовав усталость.

— Хм?

— Так что насчёт Авиры?

— Скажем так, у неё здесь было бы с чем поработать.

Он оторвал от неё взгляд и осмотрел лагерь вокруг, смягчаясь в понимании.

— Вот почему ты такая бледная? Потому что ты их слышишь?

Она хотела было возразить, что всегда была бледна, но решила, что не стоит этого делать.

— Что-то вроде этого, — сказала она. — Слышу. Чувствую. Вкушаю. Вижу. Это зависит

от того, что они дают. Но да, они повсюду.

— Это самый близкий к тебе город с момента твоего пробуждения. Всё из-за близости?

Она прижалась ближе к нему, стараясь, чтобы их разговор был как можно более приватным.

— Это может иметь какое-то отношение к делу. Но причина ещё и в оборышах, — она тщательно сформулировала свою следующую фразу, надеясь, что он поймёт. — Они все пережили столько потерь. И многое из этого последовало за ними сюда.

Их взгляды встретились, и он посмотрел на неё с такой понимающей печалью, что ей захотелось рухнуть в его объятия прямо там, посреди всех. Вместо этого она позволила себе опереться на него и сделала ещё один шаг вперёд.

— Мы можем разбить лагерь подальше отсюда, — предложил Киран. — Это даст тебе некоторое пространство. Да и Скала слишком бросается в глаза.

Громадное металлическое приспособление, которое походило на дорожную карету, было довольно необычным.

— Но нам нужно получить информацию, наладить связи, узнать о ситуации с охраной...

Он прервал её:

— И мы это сделаем. Мы все можем совершать вылазки в лагерь для разведки и связи. Ещё одна причина разбить лагерь в другом месте... Джинкс может выращивать нам еду и травы для торговли, и это будет нашим лучшим способом наладить отношения в этом лагере.

Отчасти она чувствовала, что должна возразить, потому что таков был способ их общения. Даже когда они соглашались, они всё равно спорили, изучая каждый аспект ситуации, пока он не был исчерпан. Но сейчас она была измотана, и его план действительно казался разумным. Он настаивал на этом месте не только ради неё.

Она не хотела, чтобы он нянчился с ней. Она не могла себе этого позволить. Если присутствие душ было столь же многочисленным внутри города, ей нужно было научиться быстро справляться с последствиями, потому что она не могла ждать дольше, чем это было абсолютно необходимо, чтобы попасть в город и найти ответы, которые ей требовались. Что-то случилось с её матерью. Другого объяснения тому, как могли развеяться флаги семьи Локи на замке, не было. Королева Афра была, прежде всего, гордой и могущественной правительницей, и она не рассталась бы со своей короной с легкостью. Нет, если только... Авроре надо было перестать думать о возможных вариантах, иначе её прямо сейчас стошнит, рядом с чьим-то домом.

Теперь она не могла позволить себе колебаться. Она представляла, что это мало отличалось от подготовки к битве с бурей. Другие охотники научили её трюкам и заставили пройти через тренировки и упражнения на выносливость, но, в конце концов, они сказали, что это всегда сводится к тому, какое сердце сильнее — твоё или бури. Аврора не знала, что ждёт её в родном городе, знала только, что это не для слабонервных.

— Тогда давай найдём место, где можно разбить лагерь, — сказала Аврора.

Чем скорее они устроятся, тем скорее смогут приступить к работе, и она сможет сделать то, что должна.

* * *

Настроение Кассия было таким же мрачным, как облака, которые, казалось, окружили город навечно. Не имело значения, что он рассеивал одну бурю, потому что новые бури всегда поджидали прямо на горизонте. Но он усвоил урок, полученный в прошлый раз, когда его город был в осаде; он не был настолько самонадеян, чтобы снова совершать те же

ошибки. На этот раз он будет готов.

Недостаточно было просто отражать атаки Повелителя бурь. Он был слишком силен. Здешние Бурерождённые привыкли к свирепому сезону Гнева с почти ежедневными бурями, но они никогда не знали, каково это быть осаждёнными несколькими бурями сразу, с разных сторон, которые не играют по правилам природы.

Падение Локи стало результатом взаимодействия циклонов, огненных смерчей, небесного огня и снежные буранов — бок о бок лежали тела обмороженные и обожжённые. Он пытался подготовить здешних людей к тому, с чем они вскоре столкнутся, но никто из них по-настоящему не понимал.

Пока что.

Но он их заставит понять. Если ему придётся самому сжечь, заморозить или утопить их, чтобы они поняли, какая опасность надвигается, он пойдет на это.

Пройдя полпути по коридору к своей комнате, он начал рвать пуговицы на своём сюртуке, страстно желая избавиться от толстого одеяния на потном теле. Он пришёл с тренировки с самыми талантливыми солдатами Бурерождённых — смеси Паванских мужчин и женщин и нескольких его собственных выживших людей. Возможно, если бы он не потерял так много своих солдат в диких землях во время поисков принцессы Авроры, он был более уверен в их шансах. Но при нынешнем положении дел им предстояло пройти долгий путь, прежде чем солдаты, которых он обучал, смогут предотвратить разрушение, охватившее его родину.

Нахмурившись, он сорвал с себя пальто и распахнул дверь в свой кабинет. Он бросил тяжёлую одежду на ближайший стул и принялся за пуговицы рубашки и, не потрудившись аккуратно расстегнуть их, он одним резким рывком распахнул рубашку.

Затем он замер, слишком поздно заметив, что его апартаменты не пусты. Он напрягся, готовый потянуться за одним из своих ножей, прежде чем из спальни появился второй человек с шёлковым шарфом, обмотанным вокруг его кулаков. Кассий расслабился, но лишь слегка, затем прошествовал через комнату, и вырвал красивый кусок шёлка из рук брата.

— Что это ты делаешь? — прорычал он.

Его младший брат бесцеремонно ухмыльнулся, но ослабил хватку, и пурпурная ткань легко высвободилась.

— Просто пытаюсь понять, почему ты до сих пор живёшь в этом месте, а не занимаешь свои покои, как все мы, — поинтересовался Казимир.

— Мне нравятся эти комнаты, — сказал Кассий резким тоном.

Он начал сворачивать шарф, но скрип стула за его спиной напомнил ему, что в комнате находится третий человек. Не желая выдавать больше, чем уже показал, он скомкал шёлк и отбросил его в сторону так же, как и пальто.

— Ты мог бы, по крайней мере, всё тут изменить, — добавил его брат. — Проклятые небеса, в шкафу всё ещё полно платьев.

Кассий стиснул зубы и проглотил ответ, который хотел дать — что Аврора вернётся, он найдёт её, сколько бы времени это ни заняло. Вместо этого он усмехнулся:

— Я был слишком занят, чтобы заниматься ремонтом. Надвигается гибель.

Казимир прошёл перед ним и лениво опустился на диван посреди комнаты, беззаботно скрестив в лодыжках ноги и закинув ногу в сапоге поверх другой ноги.

— Ты не единственный, кто здесь работает, брат. Только сегодня утром я разыскал

мятежную крысу. Его поймали на краже припасов, и я отрубил ему руки в качестве показательного примера. И голову тоже, конечно. Но сначала руки, чтобы он мог смотреть. Устроил довольно милое представление у этих безвкусных дворцовых ворот. Это очень оживило место, на мой взгляд.

Не обращая внимания на садистское бахвальство брата, Кассий перевёл взгляд в дальний конец комнаты, где его отец невозмутимо сидел за столом Кассия, сцепив пальцы и слегка улыбаясь.

— А ты? — спросил Кассий. — Чем ты занимался?

— Наблюдал за всем, как это обычно делает король. Казимир до сих пор производит довольно сильное впечатление в своих заданиях. Как проходит твоё обучение?

У Кассия скрутило живот. С его отцом всегда так было. Он видел во всём возможность манипулировать, и он неумолимо натравливал братьев друг на друга, и так будет до тех пор, пока один из них наверняка не умрёт.

— Дурно. Они плохо подготовлены к силе, которую принесёт Повелитель бурь.

Отец выпрямился в кресле.

— Тогда подготовь их.

— А тебе не кажется, что я это и пытаюсь сделать? — он нахмурился. — Я не хочу быть здесь, когда падёт ещё одно королевство. Но я не могу сделать это в одиночку, а среди оставшихся Бурерождённых просто не хватает мастерства, чтобы пережить долгую осаду.

— Тогда придумай что-нибудь ещё, — прорычал отец.

— Ещё не поздно уехать, — предложил Кассий. Раз уж вы полагаете, что Повелитель бурь последовал за нами сюда, может быть, будет лучше, если мы исчезнем на некоторое время.

Король резко поднялся, опрокинув стул на книжный стеллаж.

— Этот ублюдок не заставит меня уйти. Я Бурерождённый. Я король. Я не убегу, потому что какой-то аббераций с долей магии думает, что изменит ход вещей.

— Технически, ты уже однажды сбежал.

Кассию не должна была понравиться кислая гримаса, промелькнувшая на лице отца, но он испытал крайнее удовольствие от этого. Этот человек был высокомерным дураком. Отец он или нет, Кассий не собирался умирать за него.

— На этот раз мы просто должны действовать по-другому, — сказал король, отходя от стола и проводя кончиками пальцев по корешкам книг, стоявших на книжных полках Авроры.

Кассий боролся с желанием огрызнуться на отца за то, что тот прикасался к одной из немногих оставшихся вещей, которые давали ему ощущение связи с его почти-невестой. Ему не нравилось, что отец и брат находятся в этих комнатах. От этого его кожа начала зудеть глубоко под поверхностью, куда он не мог дотянуться, чтобы почесать.

Желая, чтобы они ушли, он сказал:

— Это моё намерение, если не я найду Бурерождённых достаточно сильных, чтобы поддержать меня. Я не хочу просто ждать и готовиться к возможной осаде Повелителя бурь. Я хочу сражаться с ним. Он может принести с собой множество бурь, но он всё ещё один человек. Если я смогу сразиться с ним лицом к лицу, я знаю, что выиграю.

Закончив разговор, Кассий снял рубашку, которую расстегнул при входе, и вытер ею пот с лица и груди.

— А теперь, если вы вдвоем закончили со своим вторжением в мою личную жизнь, —

сказал он, — я бы хотел принять ванну и отдохнуть до следующей бури. Если, конечно, кто-нибудь из вас не хочет сменить меня?

Казимир первым направился к двери.

— Прости. У меня есть дела. Численность оборышей за пределами города вышла из-под контроля. И у меня всё ещё есть кое-какие зацепки по мятежникам, которые нужно проверить, — Казимир вновь оглядел комнату и добавил. — Тебе всерьёз стоит подумать о том, чтобы избавиться от этой навязчивой идеи с Паванской девчонкой, братец. Тебе будет лучше без неё.

Потом он ушёл, оставив дверь приоткрытой. Кассий, раздетый и раздражённый, остался стоять лицом к лицу с отцом. Вместо того чтобы ждать следующего подстрекательства отца, Кассий выбрал свой собственный укол.

— Как мама?

Король пожал плечами.

— Хорошо, я полагаю.

— Ты полагаешь?

Эти двое никогда не были парой любящих сердец, но они разделяли интерес к власти, и этого было достаточно, чтобы поддерживать их брак все эти годы. Но с момента их прибытия в Паван мать Кассия стала замкнутой и незаинтересованной даже в тех манипулятивных играх, в которые её муж играл с их сыновьями и новыми подданными.

— Если ты так обеспокоен, иди и выясни сам, — с этими словами отец ушёл, закрыв за собой дверь его комнаты.

Кассий долго стоял, размышляя о своей матери. Он не любил её, в той манере как, по его мнению, дети должны любить своих матерей. Но ему было интересно, не слишком ли много она думает о доме, как иногда думал он. Он никогда не был ласковым или любящим ребёнком. Он никогда бы не подумал, что будет тосковать по дому. Но он скучал по морю, по запаху соли в воздухе, по тому, как слышишь волны задолго до того, как их увидишь. Его дом был попеременно холодным, жестоким и опасным, но иногда... иногда он был красивым, тёплым и мягким. И Кассий скучал по всему этому — по жестокости и по прекрасному.

Это было место, куда он вписывался, и он предполагал, что именно это и составляло его дом.

Душа привыкла быть лишь частью целого. Без земного тела, за которое можно было бы цепляться, она будет искать что-то другое, чтобы заполнить эту пустоту. Одни находят покой в ветре, другие теряются в стремительном течении реки, а третьи находят утешение в самых тёмных спутниках — бурях.

— Из личного дневника ведьмы Авиры Круашель

2

Киран привык первым просыпаться по утрам. Это было частью его повседневной жизни. Ему нравилось смотреть на мир с несколько иной точки зрения, чем все остальные. Он многое узнавал о людях, просто взглянув на них. А в последнее время, когда Роар спала в его палатке, он особенно наслаждался теми мягкими мгновениями утренней тишины, когда всё было темно и спокойно, и он мог наблюдать за мерцанием небесного огня, бушующего в её груди с молчаливой красотой.

Но сегодня утром, когда он проснулся, её не было в палатке. Он почувствовал укол тоски, который напугал его больше, чем любое тёмное небо. Она начинала так много

значить для него, затмевая всё и вся, что было до неё. У него не было чувства, с которым можно было бы сравнить это, кроме одновременного трепета, который он испытывал во время охоты на бурю, и неумолимой боли, которая иногда приходила вместе с выбором поприща.

Он быстро оделся и, выбравшись из палатки, обнаружил Роар. Она разводила небольшой костёр возле Скалы в лесном массиве, который они выбрали для разбивки лагеря. Они разбили лагерь на приличном расстоянии от города, чтобы их огонь не привлекал странников, и им пришлось зайти немного глубже в лес, чтобы избежать постоянного потока оборышей, которые всё ещё прибывали по дороге. Их лошади были привязаны неподалеку и лениво паслись в свете раннего утра.

Киран сел рядом с Роар и спросил:

— Как давно ты встала?

Она пожала плечами.

— Недавно.

Судя по тому, как она ворочалась прошлой ночью, и по синякам под глазами, он опасался, что она почти не спала.

— Сегодня тебе лучше? — поинтересовался он.

Накануне вечером у них состоялся долгий разговор о том, что она пережила в лагере оборышей.

Роар сделала глоток воды и снова пожала плечами.

— Возможно. А может, и нет. Думаю, мы поймем это, как только я вернусь в лагерь.

Его желудок неприятно сжался, и ему потребовалось всё его самообладание, чтобы не принудить её вернуться в палатку и заставить ещё немного отдохнуть, прежде чем предпринимать что-либо подобное. Он знал Роар, и он понимал, куда это приведёт его — однозначно в никуда. Но совсем недавно она лежала без сознания на койке, а он не знал, очнётся ли она когда-нибудь. Инстинкт покровительства подсказывал ему отвезти её куда-нибудь подальше, где они будут вдвоём, и никто не сможет причинить ей вреда. Возможно, это было больше, чем просто его защитные инстинкты, которые хотели, чтобы они остались вдвоём.

Но всё было бы лучше, чем то, куда он привёз её — назад, в то самое место, откуда она сбежала, место, которое явно находилось в эпицентре ужасной суматохи, в которой они не нуждались, не говоря уже о том, что королевская семья, которую он презирал, по-видимому, избежала уничтожения в Локи и теперь обосновалась здесь. На самом деле, если информация Роар была верна, то вся семья Локи разместилась в Паване ещё до того, как она уехала с ними в дикие земли.

Киран не знал, можно ли доверять слухам, которые она слышала, но она, казалось, совершенно уверена в этом. Если она действительно окажется права, это будет означать, что жестокий, продажный король, который приказал повесить его сестру, когда она была еще ребёнком, снова избежал любой формы правосудия, и снова живет богатым и свободным деспотом. Не то чтобы Киран испытывал симпатию к Повелителю бурь. Небеса, этот безумец сравнивал с землёй целый город, забрав неизвестно сколько невинных жизней. И если рассказы, которые они слышали от оборышей, были правдой, он уничтожал и более мелкие деревни в диких землях, продвигаясь всё ближе и ближе к Павану. Но если бы Вселенная была хоть сколько-нибудь справедливой, семья Локи погибла бы вместе с городом, которым они правили. Такое мнение не вызывало у него чувство вины.

— Мы должны разделиться на пары или небольшие группы, — сказал Киран Роар. — По крайней мере, до тех пор, пока мы не разберёмся в обстановке лагеря и не узнаем обо всех рисках и уязвимостях.

Он учился выбирать свои выражения с ней. По какой-то причине она решила вернуться домой. Он не мог отговорить её от этого, поэтому лучшее, что он мог сделать, это быть там с ней. Надеюсь, что с помощью их команды она сможет сделать то, что ей нужно, и выбраться отсюда как можно быстрее.

— Звучит неплохо.

Она сделала ещё глоток воды, её мысли явно были далеко, поэтому он оставил её в покое. Вместо этого он начал упаковывать некоторые вещи, которые, по его мнению, они могли бы продать сегодня и вторгнуться на рынок общины оборышей.

Через некоторое время солнце уже прочно проникало сквозь деревья, и остальная команда выползла из своих постелей, чтобы начать день. Киран упаковал три отдельных мешка с дополнительными припасами и оборудованием, а также фруктами и овощами, рождёнными прошлой ночью от магии земли Джинкс. Они могли разделиться на пары, и каждый взял бы сумку и использовал её, чтобы попытаться выведать информацию.

Он предложил Джинкс первый мешок, как местная земная ведьма, она была ответственна за создание хорошей части его содержимого. Он бы предложил следующий Рансу, но его дородный друг уже встал рядом с Джинкс, возвышаясь над её невысоким телом. Ведьма закатила глаза, но жаловаться не стала, поэтому он повернулся к остальным членам экипажа.

— Кто-то должен остаться со Скалой, — сказал он, желая, чтобы это была Роар, но прекрасно понимая, что она никогда не пойдёт на это. — Дьюк, ты не против остаться и поддерживать лагерь?

Старик заслужил покой после того бешеного темпа, с которым они пересекли дикие земли.

Но Дьюк стоял на своём, его упрямство было сильнее, чем за все последние годы.

— Нет, я пойду. Я приезжаю в этот город дольше, чем кто-либо из вас живёт. Есть большой шанс, что я узнаю кого-то, кто может нам помочь.

Киран моргнул, но спорить не стал. В последние годы он во многом взял на себя руководство командой, потому что Дьюк не выходил в бури так часто, как раньше, но этот человек всегда будет главным. Всё, что он говорил, выполнялось.

— Хорошо. Тогда это будешь ты, Бейт.

Тотчас же долговязый рыжеволосый подросток вскочил на ноги.

— Да ладно, я уже не новичок.

Рансу фыркнул, стоя за спиной Джинкс.

— Ты всегда будешь новичком. Новичок.

— Ах, так, — заявил Бейт. — В следующий раз, когда ты заснёшь, эта борода будет моей.

Он изобразил пальцами щёлкающие движения в сторону охотника, который был шире, чем двое из них вместе взятых.

Киран вздохнул, испытывая одновременно раздражение и облегчение оттого, что хоть на что-то можно положиться.

— Роар может и новенькая, но ей нет смысла оставаться, потому что мы тут из-за неё. Теперь ты можешь пустить слезу перед Слай и посмотреть, поменяется ли она с тобой

местами, но я почему-то сомневаюсь, что твои слёзы её тронут.

Говоря о Слай, он огляделся в поисках самой тихой из их группы и нашёл её на краю леса, с одной из сумок с товарами в руках. Он опустил взгляд к ногам, туда, где оставил третий мешок. Ну, конечно же, он исчез, а Киран ничего и не заметил.

— Ну что? — спросила темнокожая, бесшумная охотница. — Мы готовы?

— Почти. Будьте осторожны там. Мы не знаем точно во что ввязываемся. Не уходите в одиночку. Если кто-то почувствует себя не в своей тарелке, убирайтесь оттуда. Мы всегда можем вернуться к определённым людям или в какие-либо районы. Будьте осторожны в своих вопросах. Не давите слишком сильно, иначе мы можем привлечь ненужное внимание. Просто принимайте то, что можете, не будучи слишком навязчивыми. Когда вы закончите, возвращайтесь сюда, но убедитесь, что за вами не следят.

Джинкс хлопнула его по плечу и сказала:

— Хорошая речь, Киран.

Его новое имя, вернее, старое, было непривычным, но Роар и Джинкс в значительной степени вымуштровали остальных членов команды пользоваться им. Джинкс передала свою сумку Рансу, глупо отсалютовала Кирану, и направилась к деревьям.

Он смотрел, как его друзья расходятся, и Бейт помахал ему рукой, без сомнения ворча себе под нос, пока забирался внутрь Скалы. Наконец Киран позволил себе повернуться и посмотрел на Роар. Она молчала в течение всего разговора, но это не означало, что он не мог чувствовать её, её присутствие было таким же напряжённым и мощным, как буря, которую она держала в себе.

— Готова?

Она не выглядела готовой. Она выглядела... бледной. Но он снова прикусил язык, зная, что она скажет, если он сделает замечание. Она отпускала какую-нибудь шутку, чтобы успокоить его, или находила что-нибудь, чем можно было бы подколоть его и перевести разговор. И он знал, что такое притворство требует энергии, которую он не хотел, чтобы она тратила впустую. Поэтому он просто предложил ей руку. Она встала, принимая его руку, другой рукой он схватил сумку с товарами.

Их путь к лагерю оборышей был медленным, отчасти потому, что они выбрали себе участок на приличном удалении, но также и потому, что Роар, казалось, не торопилась. Он наблюдал, как она глубоко вздыхает, и знал, что её ум напряжённо работает, устанавливая барьеры, как они обсуждали прошлой ночью. Дьюк, Джинкс и Слай — все завалили её советами, — и Роар, казалось, была уверена, что сегодня ей удастся лучше отгородиться от окружающих её душ.

Он не мог себе представить, с чем она сейчас имеет дело. Больше всего в охоте за бурями он презирал возможность того, что его разум может пасть под влияние магии бури. Эта потеря контроля ужасала его. Но такое случалось очень, очень редко, когда он сталкивался с бурей, достаточно сильной, чтобы застать его врасплох. Роар, напротив, постоянно находилась в осаде. Угроза такого рода вторжения была изнурительной, не говоря уже о бесконечном паническом страхе.

Боги, она была сильной. Неудивительно, что он любил её. У него никогда не было никаких шансов.

Когда показался город, а вместе с ним и лагерь, он, наконец, нарушил их молчание.

— Прежде чем мы туда зайдем, есть ли что-нибудь особенное, о чём ты хотела бы спросить? — он откашлялся и добавил: — Кого-нибудь?

Она замедлилась, её шаги стали неуверенными.

— Что ты имеешь в виду?

Он вздохнул.

— Должна же быть какая-то причина, по которой мы вернулись сюда, Роар. Я стараюсь не давить на тебя. Но ты должна знать, в какую опасную ситуацию мы попали. Предполагаю, что в городе есть кто-то, о ком ты беспокоишься и он в опасности. Я прав?

Роар впилась зубами в нижнюю губу и затеребила её. Наконец, она сказала:

— Это сложно. Но да, отчасти. Внутри моя мама.

У Кирана отвисла челюсть, и он уставился на неё.

— Твоя мать?

Он всегда считал, что она каким-то образом осиротела, как и все остальные члены их команды. Почему он так считал, неизвестно. Она никогда не говорила о своих родителях. Но у него сложилось впечатление, что она была в довольно тяжёлом положении перед тем, как сбежала. По сути, она была сама по себе.

Роар кивнула, и его мысли, наконец, сумели уловить ситуацию. Он отпустил её руку, обнял за шею и притянул к своей груди.

— Ох, принцесса. Ты должна была рассказать. Мы доставим тебя к твоей матери.

Её лицо исказилось в болезненном выражении, и он не знал, что делать, кроме как крепче прижать её к себе. Так он и сделал. И через слишком короткий миг он отстранился и сказал:

— Давай заведём новых друзей.

* * *

Если раньше Аврора и думала, что ей трудно сосредоточиться, то теперь это было ничто по сравнению с тем, что она чувствовала, когда в животе у неё бурлило чувство вины. Формально она не солгала. Она отчаянно хотела попасть в город и узнать, что случилось с её матерью, надеясь найти мать, если та ещё жива. Но когда Киран заключил её в объятия и, судя по его виду, явно сожалел, что подтолкнул её к этому разговору, её полуправда отнюдь не стала ощущаться менее лживой.

Она была ужасным человеком. Ужасным, отвратительным, эгоистичным человеком. Всё это — это была её вина. Она посмотрела на обгоревшей вокруг себя, размышляя, как всё могло бы измениться, если бы она осталась. Были бы эти бедные люди здесь, уязвимые и напуганные, если бы не флаги семьи Локи, развевающиеся на стенах замка?

Ужасная правда заключалась в том... что она не знала.

Ох, она надеялась, что всё будет по-другому. Что её мать, что она никогда бы не позволила этому зайти так далеко. Но потом Аврора вспомнила о множестве причин, по которым она изначально уехала — включая все те бумаги, которые она нашла на столе своей матери, штрафы и исключения за мелкие нарушения, груды и груды отклоненных заявлений о предоставлении гражданства. Всё это казалось таким холодным и жестоким, и совсем не походило на то королевство, каким она наивно считала свой город.

Но теперь у неё был шанс изменить ситуацию, пусть даже совсем незначительно.

Аврора оторвалась от Кирана и подошла к группе женщин, наблюдавших за несколькими маленькими детьми, игравшими в грязи. Малыши были изобретательны, они делали игрушки из веток и камней, связывая их вместе бечёвкой и создавая фигурки, и они использовали их для борьбы, издавая своими потрескавшимися ртами звуки, похожие на гром и ветер.

Аврора подошла ближе к женщинам и приветственно подняла руку.

— Привет. Могу я присесть с вами?

Женщины посмотрели на неё, долго и молчаливо, но, в конце концов, одна из них кивнула, и Аврора заняла место на камне средних размеров, который, похоже, притащили сюда именно с этой целью.

— Мы только что приехали, — сказала им Аврора. При этих словах женщины оторвали от неё взгляды и подняли глаза, посмотрев поверх её головы, туда, где, как она догадалась, Киран занял позицию часового. — Мы пришли издалека. И не слышали новостей о том, что здесь произошло. Вы здесь уже давно?

Аврора не была уверена, получит ли она ответ, но тут один из детей отвлек её невероятно драматическим рёвом. Он бросился в грязь со своей игрушкой, размахивая руками и крича так громко, как только мог. Девушка напротив него вскинула руки вверх в победном крике:

— Я победила Повелителя бурь!

Одна из женщин быстро вскочила, схватила девочку за руку и строго её утихомирила. Атмосфера становилась напряжённой, как будто одно упоминание его имени могло вызвать бурю на их головы.

Дети, однако, ничего не замечали. Как только женщина вернулась на своё место, они продолжили играть, но на этот раз уже тише. Один или двое притворялись бурями, в то время как другие отбивались от них с помощью своих самодельных игрушек.

Аврора улыбнулась, точно зная, каково это — играть в такую игру. Когда она была маленькой, её старший брат изображал из себя смерч, зловеще кружась вокруг неё, иногда даже подхватывая её на руки и кружа так быстро, как только мог. В конце концов, он всегда позволял ей побеждать.

Старая, знакомая боль открылась при мысли об её брате. Она скучала по нему, всегда будет скучать, но такого количества времени осталось так мало воспоминаний, которые она могла вспомнить ясно.

— Недели, — произнёс бархатистый голос рядом с ней, но они сидели молча так долго, что Авроре потребовалось мгновение, чтобы понять, что женщина отвечает на её вопрос. — Мы здесь уже почти три недели.

Аврора с трудом сглотнула. Три недели? И ничего не было сделано, чтобы помочь им? Никто не предоставил им приюта и не впустил в город? Значит ли это, что Локи держали город под контролем, как минимум, в течение этого времени? Или она оказалась права в своих прежних страхах? Могла ли её мать всё ещё контролировать ситуацию, когда это началось?

— Недели. Ничего себе. Значит, вы знаете довольно много.

Женщина пожала плечами.

— Нечего знать. С такими бурями, как они есть, лучшее, что мы можем сделать, это быть как можно ближе к Бурерождённым.

Аврора кивнула.

— Правильно. Это ужасно, сколько деревень было разрушено. Вы жили неподалёку?

— На нижних равнинах, — ответила она. — Между Одиларом и Паваном.

В этом был смысл. Судя по тому, что они слышали, Повелитель бурь проложил путь из разрушений от Локи до Павана, задержавшись особенно в тех районах, где патрулировали солдаты Локи. Конечно, именно её искали те солдаты — ещё один камень вины, который

давил ей на грудь.

— Вы уже бывали в Паване? — спросила Аврора. — Я слышала слухи о смене власти или что-то в этом роде. Что-то связанное с Бурерождёнными. Вы что-нибудь об этом знаете?

Женщина немного напряглась и огляделась, но через мгновение, казалось, была достаточно удовлетворена, чтобы сказать:

— Это было до нашего прихода, но да, это правда. Сейчас в этих краях Бурерождённые — это Локи.

Сердце Авроры бешено заколотилось в груди, словно только сейчас она осознала, как близка была к жизни, к человеку, от которого не так давно сбежала. В её сознании возник образ Кассия Локи — мрачного, грозного и неумолимого. Её ментальные барьеры дрогнули, и она почувствовала давление тысячи других душ на свою собственную, грубое и цепкое одновременно.

То, что Локи завладели Паваном, не стало новостью, но то, как женщина произнесла это, с такой прозаичностью, словно эти две семьи были просто взаимозаменяемы, вывело Аврору из себя. Она боролась с желанием начать выведывать подробности, насколько это было возможно, но вместо этого посмотрела на Кирана и сумку, которую он нёс.

— Мы принесли кое-какие товары, чтобы поделиться, — она оглянулась на группу женщин. — Немного фруктов и овощей.

Наконец заговорила одна из женщин, та самая, которая раньше шикала на девочку.

— В чём подвох? Что ты хочешь за это?

У неё были светлые волосы, но не такие яркие и белые как у Авроры, а скорее золотистые, как солома. Аврора смущённо дотронулась до шарфа, которым была обмотана её голова, желая убедиться, что её волосы всё ещё скрыты, хотя сегодня утром она была очень осторожна, чтобы тщательно их спрятать.

— Никакого подвоха, кроме компании. Как я уже сказала, мы проделали долгий путь, — Аврора видела, что женщина всё ещё не верит ей, и поэтому она протянула руку назад и сорвала пучок свежих ягод на стебельках. — Я обещаю. Думаю, детям это понравится.

Она протянула ягоды в знак подношения. Но когда женщины по-прежнему не решались принять дар, она сорвала ягоду для себя, положила её в рот и позволила аромату взорваться на языке.

После этого первая женщина, единственная, кто открыто говорил с ней, протянула руку и взяла предложенные ягоды. Она резко свистнула, и головы нескольких детей появились оттуда, где они играли. Они все подбежали, когда она подняла ягоды, пронзительные крики возбуждения неслись за ними по пятам.

— Как тебя зовут? — спросила Аврора у женщины.

— Назара, — сказала она, срывая ягоды со стебелька и раздавая их детям. — А тебя?

Аврора заколебалась, не зная, какое имя ей дать, но в итоге решила оставить всё как есть.

— Ты можешь звать меня Роар.

Только после того, как все ягоды были разделены, она поняла, что среди маленькой группы детей скрывалась душа ребёнка того же возраста. Аврора замерла, ожидая увидеть, что будет делать душа, но, казалось, она её мало волновала. Вместо этого душа наблюдала, как другие дети едят ягоды с печальной, простой тоской, от которой у Авроры на глазах выступили слёзы.

Нуждаясь в отвлечении, Аврора повернулась к Кирану, жестом прося его передать сумку. Он неохотно сжал губы в тонкую линию, но все же уступил.

— Это Киран, мой...

Она замолчала, совершенно не зная, как его назвать. Другом — этот титул казался слишком тривиальным, партнёром — не дотягивал до того, что она испытывала к нему, но каждое другое слово, которое приходило на ум, казалось слишком личным.

— Муж, — подсказал Киран, усаживаясь на землю рядом с ней и кивая женщинам.

Аврора чувствовала, как вспыхнули щёки, и не осмеливалась взглянуть на него, просто улыбнулась женщинам, как будто он только что не потряс её до глубины души.

Вероятно, он выбрал это слово потому, что оно было наименее подозрительным объяснением того, почему они путешествовали вместе. Это лучше, чем представляться её братом. Но всё же, это слово проникло ей под кожу и заставило вздрогнуть. Хотел ли он этого? Часть её хотела, чтобы он хотел этого. Но от этого она чувствовала себя ещё более виноватой за все секреты, которые хранила.

Они пробыли с женщинами ещё час, готовя овощи на маленьком огне. Разговаривая, они разделили небольшую трапезу. Киран взял на себя допрос на некоторое время, его защитная сторона проявилась, когда он спросил об охранниках — сколько их было, как часто они патрулировали, и сколько среди них опасных.

Женщины неохотно заговорили о последнем, но всё же дали Роар небольшой совет.

— Не оставайтесь нигде наедине с одним из них.

Им не нужно было вдаваться в подробности, чтобы она поняла, что это за опасность, она могла догадаться.

Назара добавила:

— И если принц нанесёт визит, лучше быть настороже.

У Авроры неприятно пересохло во рту.

— Принц?

— Он хочет, чтобы мы ушли, — отозвалась одна из женщин. — Он арестует вас или того хуже, если вы дадите ему повод.

Чувство вины внутри Авроры начало перерастать в гнев. Кровавые небеса, мир не должен быть таким. Её дом не должен быть таким. Это было нечестно. Если бы она уже не презирала Кассия Локи, этого было бы более чем достаточно. Эти женщины, эти дети, они заслуживали гораздо большего. Они заслуживали, по меньшей мере, сострадания, достоинства и уважения. Они заслужили...

Её стены разлетелись с ужасающим грохотом, и на неё обрушились сотни и сотни различных ощущений одновременно — ни одно из них не было её собственным. Она стала ловить ртом воздух, задыхаясь и пытаясь удержаться на плаву в потоке. Она попыталась сосредоточиться на чём-то одном, выбрав дух маленького мальчика, который был прямо перед ней сейчас. Ему было грустно, но любопытно, она видела в его мыслях, что он вертелся среди других детей, пока они играли, надеясь, что каким-то образом сможет почувствовать то же, что и они. Это не сработало. Он так давно не испытывал радости.

Она хотела дать ему это, она пыталась, но было и другое присутствие, душашее её — болезненное и тёмное, оно цеплялось за неё, и она чувствовала отвратительный запах его прикосновения глубоко внутри себя.

«Уничтожь», — прошептало оно, скользя глубже в неё.

Это было всё предупреждение, которое она получила, прежде чем заколдованный

кристалл, который она носила под одеждой, вспыхнул ярким пламенем, и небо раскололо молнией над головой. Аврора не знала, куда попал небесный огонь, только то, что он был рядом. Запах гари был резким и внезапным в воздухе, и волосы на её затылке встали дыбом.

Тёмная душа снова надавила на неё, и прежде чем она смогла собрать силы, чтобы восстановить свои стены, мир погрузился в хаос. Люди бежали, разбегались, не заботясь о том, что или кого они опрокинули в процессе. Киран схватил её и потащил за собой, но она слышала крики детей, и взрослых тоже. Она попыталась найти Назару и остальных, но теперь её захлестнула волна тел, и все они бросились к городским стенам, в то время как новые крики и раскаты грома боролись за превосходство.

Дым затуманил воздух, и Аврора изо всех сил вцепилась в Кирана, когда они были отданы на милость толпы. В конце концов, люди добрались до стен, и идти было некуда, но они продолжали толкаться и карабкаться друг на друга, каждый наперебой стремясь подобраться как можно ближе к городу.

Аврора откинула голову назад, посмотрела через плечо и увидела несколько молний небесного огня, ударяющих в землю. На этот раз была вспышка огня, а не просто дыма. Крики вокруг неё были хриплыми от отчаяния, и тела неоднократно врезались в неё, плотно прижимая её к людям, которым некуда было идти. Киран что-то кричал ей, но она не слышала его из-за шума внутри и снаружи её головы. Она никогда не испытывала такого излияния — эмоций, паники, страха, ненависти и безнадёжности. Ей казалось, что она вот-вот взорвётся от всего этого. И всё это время эта испорченная душа подползала всё ближе и ближе к её собственной. Аврора чувствовала, как эта темная душа опутывает её изнутри, и её стало тошнить. Она не будет первой в этом — зловоние страха, мочи и рвоты было повсюду вокруг них, и оно только усиливалось по мере того, как молнии небесного огня били всё ближе и ближе к людям, сбившимся в кучу, как крысы для выживания.

Затем, наконец, что-то сдвинулось в воздухе. Сокрушительное давление ослабло, и тёмный дух, которого она изо всех сил пыталась оттолкнуть, оказался немного дальше. Странно знакомая волна силы наполнила воздух. Следующий удар небесного огня пришелся по невидимому барьеру над ними и разбился вдребезги, как стеклянная звезда.

Крики вокруг неё переросли в рыдания, и давление тел ослабло, давая ей возможность сделать более глубокий вдох. Она немедленно вернулась к работе над своими щитами, зная, что долго не выдержит этого открытого и уязвимого контакта с множеством душ. Она не знала, сколько времени прошло, и когда она открыла глаза, Киран всё ещё был с ней, хотя большая часть толпы уже разошлась. Небо над головой было бледно-голубым, словно будто и не проливался такой жестокий дождь.

Вместе с Кираном, они пробирались назад через то, что осталось от лагеря оборышей. Они не стали утруждать себя поисками сумки с припасами. Скорее всего, её растоптали или она сгорела, а если и нет, то кто бы её не нашел, уже порадовался.

Что Авроре сейчас было нужно, так это...

Что ж, ей нужен был дом.

Но дом больше не выглядел и не ощущался как дом.

Но у неё был Киран, и это ощущение было близко к ощущению дома. Она тяжело опиралась на его бок, пока они шли, желая убежать в их палатку, спрятаться от мира и забыть всё, что произошло. Но она знала, что никогда не забудет эти крики. Во всяком случае, пока она жива.

Природа — самый жестокий хозяин.

На следующий день они вернулись в лагерь на рассвете. Большую часть ночи была гроза, и лагерь выглядел ещё хуже, чем когда они покинули его накануне. Затопленные, сожжённые и разбитые строения — было трудно разглядеть хоть что-нибудь из того скудного существования, которое создали оборыши. План на сегодня был двойкой. По мере сил они будут помогать, но при этом продолжают собирать информацию, и они планировали провести день, наблюдая за охранниками, делая заметки, ища закономерности.

Накануне их команда собрала довольно много информации, но ничего из этого не было достаточно конкретным, чтобы помочь им сделать невозможное — проникнуть в город. А им придется это как-то сделать. Дьюку удалось выяснить, что предыдущий охранник, которого экипаж подкупил за въезд в город, был мёртв. И все они понимали, что не стоит рисковать и приближаться к любому из солдат Локи.

Поэтому вместо этого они будут наблюдать, выяснять и ждать удобного случая.

Они принялись помогать восстанавливать то, что было разрушено, но в основном они просто собирали мусор, сортируя его в поисках того, что можно было использовать, а что нет. Аврора работала достаточно долго, и тонкий слой пота собрался под слоями одежды, которые она носила, чтобы скрыть свою личность и отличительный штурм небесного огня, который проявлялся на её груди, заставляя её чувствовать себя некомфортно, несмотря на утренний холод, когда она начала чувствовать, что происходит нечто ненормальное.

Как и все остальные, она исподтишка наблюдала за солдатами, охранявшими ворота. Она размышляла о том, где они укрылись вчера во время безумной атаки небесного огня. Неужели они тоже попали в давку? Или им каким-то образом удалось проскользнуть внутрь городских стен? Если так, то это могло быть тем вариантом, который они могли бы использовать, чтобы попасть внутрь. Само собой, буря обеспечивала естественное отвлечение.

Только она об этом подумала, как большие городские ворота начали открываться, и удивительно большой контингент солдат прошёл через них. Аврора ждала, гадая, хватит ли здесь отчаяния, чтобы народ решил прорваться внутрь, пока ворота открыты, но когда солдаты продолжали приближаться, по крайней мере, двадцать человек, она поняла, что эта попытка станет самоубийством для любого, кто попытается это сделать.

Аврора остановилась у груды мусора, который она разбирала, и стала наблюдать, как мужчины остановились массивным строем перед воротами. Потом она увидела человека, который следовал за ними, и почувствовала, как внутри неё образовался кратер. Он тоже был одет в синее, но его одежда была гораздо более изысканной, чем стандартная солдатская форма. Его волосы были почти чёрными, с естественными завитками, и она вспомнила, что в последний раз, когда она видела его, он показался ей харизматичным. Сейчас он выглядел совсем не так, его губы скривились от отвращения, а глаза опасно сузились. Он был ниже ростом и стройнее своего брата, но это не делало его менее пугающим. Вместо этого у него был суровый вид человека, стремящегося проявить себя в своей семье, а она не хотела знать, на что это было похоже.

Взгляд Казимира Локи скользнул по лагерю, и Аврора поспешно отвела глаза, когда его взгляд приблизился к ней. Сердце бешено заколотилось в её груди. Она не знала наверняка, что произойдёт, если Локи найдут её, но она прочитала достаточно романов о политических интригах, чтобы осознавать, что, скорее всего, они не захотят иметь рядом никого, кто мог

бы бросить вызов их правлению. Если её найдут, то в лучшем случае ей грозит тюремное заключение, а в худшем — мириады разных смертей.

К тому времени, когда она рискнула взглянуть в сторону Казимира, он уже двинулся, как и все солдаты. На мгновение Авроре показалось, что они помогают, пока они пробирались через лагерь, собирая обломки, но затем они начали складывать их в том месте, где, как она теперь видела, ждал Казимир. Она услышала шум и, обернувшись, увидела протестующую Назару, когда солдат сорвал недавно построенную палатку. Он оттолкнул Назару, и она упала на кучу обломков. Однако солдат не остановился, он собрал свою находку и направился к своему предводителю, как и все остальные. Вскоре солдаты закопошились, забирая все части, которые уже были отложены в сторону, как пригодные для восстановления.

Аврора не сопротивлялась, когда к ней подошли двое мужчин. Она опустила голову и попятилась, боясь, что кто-нибудь из них может узнать её, несмотря на все её попытки замаскироваться. Они забрали и её коллекцию, и пока они это делали, она чувствовала постоянное тепло на спине и руку на талии. Киран оказывал ей поддержку.

Как только куча возле Казимира выросла до высоты нескольких человек, солдаты вернулись в свой массивный строй, и принц шагнул вперёд. Он одарил толпу оборышей почти радостной улыбкой, а потом зажег спичку и поджег материалы.

О силе и выносливости окружающих её людей свидетельствовало то, что ни один из них не издал ни звука. Они не плакали, не кричали и не вызывали у Казимира той реакции, на которую он рассчитывал. Они просто смотрели, как сгорает последнее из того, что они нашли.

От дыма глаза Авроры наполнились слезами, но она не отвела взгляд. Она не ответит глаза.

Когда огонь разгорелся до размеров огромного инферно, Казимир встал перед ним, как будто ждал, когда пламя достигнет своей полной высоты, прежде чем использовать его в качестве фона.

— На что бы вы ни надеялись, здесь вы этого не найдёте. Так что возвращайтесь туда, откуда пришли. Вы не принесёте это бедствие в мой город.

Аврора вздрогнула от его слов. Киран рассказывал ей, как некоторые реагируют на оборышей, что они называют их бедствием и обращаются с ними как с болезнью, которая каким-то образом приносит несчастье вместе с ними. Но слышать это от кого-то, кто должен был знать лучше, было отвратительно. Казимир был Бурерождённым. Он лучше, чем кто-либо здесь, знал, как действуют бури, и знал, что эти люди не виноваты в том, что с ними случилось. Бури были не избирательны в своём разрушении. Вернее, природные бури были. Те, которые привёл Повелитель бурь, были совсем иными, потому что они отвечали ему, но всё же эти люди были просто пушечным мясом в большой войне. В войне, которая, казалось, началась в Локи, а теперь добралась и сюда.

И он только что назвал Паван своим?

Вскипев от гнева, она повернулась лицом к Кирану и увидела, что он смотрит на принца Локи с такой твёрдостью в глазах, какой она никогда раньше не видела. Возможно, он ненавидел эту семью даже больше, чем она. Аврора сказала:

— Нам нужно найти способ проникнуть в город. Быстро.

* * *

Две ночи спустя пришло время сделать свой ход. Они спрятали Скалу глубоко в лесу,

надеясь, что этого будет достаточно, чтобы сохранить её в безопасности. Аврора не могла сдерживать эмоций, когда они отпустили лошадей в дикие земли. Хани попыталась последовать за ней в лагерь оборышей, но послушалась, когда Аврора приказала ей остаться. Так долго эта лошадь была её единственной компанией, её единственным утешением. Ей ненавистно было оставлять лошадь. Но взять её с собой было невозможно.

Ночь умерла тысячью смертей, пока они ждали идеального момента. Снова и снова тёмное небо освещалось, словно сам мир трещал по швам. Возможно, так оно и было.

Аврора была одета в плотный плащ, но когда ночь становилась тёмной в перерывах между вспышками небесного огня, она всё ещё видела слабое свечение своего собственного сердца под тканью. Оно мерцало быстрее, напоминая ей с каждым бешеным ударом сердца, что она собирается домой. Аврора собиралась получить все ответы, которых так желала и боялась. Она уже не была той девочкой, какой была в прошлый раз, когда стояла так близко от своего дома. Она ушла немощной, не имея в руках ничего, кроме надежды, и вернулась с бурей, окутавшей её сердце.

Буря небесного огня наступала с юго-запада, и хотя она ещё пока не была прямо над городом, Аврора уже слышала голоса оборышей, несущихся по ветру. Люди умоляли стражей у городских ворот впустить их. Ей очень хотелось вернуться к ним, сделать хоть что-нибудь, но как только она повернула голову в их сторону, Киран уже был там. Его голос был тихим шёпотом, когда он сказал:

— Мы должны идти сейчас, пока есть возможность.

Она понимала это, понимала, что Киран и остальные охотники делали всё это для неё, а она даже не набралась смелости сказать им о причине. Но она не понимала, что, вернувшись домой с магией, она всё ещё могла чувствовать себя такой же совершенно беспомощной, как и раньше.

Она открыла рот, чтобы возразить, но на этот раз её остановил Дьюк.

— Мы не можем бороться с бурей, Роар. Это территория Бурерождённых. Мы подвергнем людей ещё большей опасности, если попытаемся вмешаться.

В тысячный раз ей захотелось откинуть капюшон, закрывавший её волосы, и объявить всему миру, что она Бурерождённая, что она дома. Что она хочет всё исправить.

Но наравне с тем, что она превратилась в нечто новое в диких землях, Паван тоже изменился.

В своё время Аврора сделала всё, что могла, чтобы помочь оборышам. Киран продолжал ругать её за то, что она отдаёт еду и припасы бесплатно, вместо того чтобы пытаться обменять, утверждая, что это слишком выделяет их. Но после той демонстрации Казимира она поняла, что этим людям нечем торговать, и даже если бы они и торговали, она бы не взяла с них оплату. С каждым часом на её плечи наваливалось всё больше вины, пока она не начала гадать, как всё ещё может ходить прямо. Как только они окажутся в городе, она расскажет Кирану правду. Она расскажет им всю правду. Даже если это означало, что они все покинут её.

Сегодня вечером она провела их через то, что осталось от знаменитых пшеничных полей Павана. Они были в значительной степени выжжены или иным образом уничтожены бурями, а в немногих нетронутых районах за ними явно не ухаживали в течение нескольких недель. Земля заросла сорняками и другими растениями.

К тому времени, когда они остановились в пункте назначения, в точке у городской стены вдали от ворот, на которых сейчас было сосредоточено всё внимание солдат, она уже

не могла расслышать крики оборышей из-за грохочущей бури. В последние дни она с грустью заметила, что, когда начиналась буря, дежурные, казалось, больше заботились о том, чтобы удержать оборышей снаружи, чем о том, чтобы быть начеку, если буря проскользнёт сквозь штормовую оборону города, а это означало, что единственной их заботой были солдаты, размещённые в каждой из высоких башен, обращённых к сторонам света. Поэтому они выбрали место, равноудалённое от двух ближайших башен, и таким образом у них был лучший шанс взобраться на стену незамеченными.

Это была азартная игра. Но никто не ожидал, что на их стороне окажется земная ведьма.

Джинкс опустилась на колени в грязь и, запустив руку в нагрудный карман своей кожаной куртки, вытащила оттуда одно зёрнышко. Она втокнула это ничтожное семя в почву, выводя пальцем вокруг рисунок в виде корней дерева.

Потребовалось всего несколько вдохов, прежде чем крошечный зелёный лист вырвался на открытый воздух, разворачиваясь, как будто делал свой первый вдох. Листья росли и множилось, за ними тянулись виноградные лозы, которые быстро двигались по земле, пока не нашли каменную стену, окружавшую город Паван. Ещё быстрее виноградные лозы начали разворачиваться, поднимаясь всё выше и выше, обвивая друг друга, чтобы достичь вершины. Роар узнала в этом растении Покой Резны, то самое растение, на которое она полагалась в течение многих недель в диких землях, чтобы вырубить её, когда она теряла контроль из-за бури. Растение, казалось, шептало, карабкаясь вверх, задыхаясь и разрастаясь так, что это слишком сильно напоминало ей людей, которые даже сейчас в страхе хватались за передние ворота, моля о пощаде, надеясь лишь на отсрочку от натиска этого опасного мира.

Когда виноградные лозы стали толстыми и крепкими, Джинкс откинулась назад, её обычно смуглое лицо покрылось испариной, а кожа стала на несколько оттенков бледнее, чем обычно.

— Это должно сработать, — прошептала она.

Секундой позже рядом с ней возник Рансу, помогая ей подняться на ноги. Джинкс отмахнулась от него с бесцеремонной улыбкой и повернулась, чтобы посмотреть на остальных.

— Кто хочет попробовать первым? Это абсолютно безопасно. Наверное.

— Наверное? — переспросил Бейт, преувеличенно приподняв брови.

Роар шагнула вперёд, её голос был тихим, но твёрдым, когда она сказала:

— Я пойду, — краем глаза она заметила, что Киран собирается возразить, и подняла руку. — Я сделаю это.

В конце концов, они все были здесь только из-за неё, из-за её просьбы, и потому что теперь они считали её частью своей команды. Её желудок сжался, и она отказалась позволить себе думать о том, как скоро они будут чувствовать себя по-другому.

Прежде чем кто-либо успел возразить, она подошла к толстой лозе и схватилась за неё. Она подняла ногу, нащупав крепкую выемку в лианах, а затем немного подтянулась на руках. Ей хотелось взбираться медленно, осторожно, но она понимала, что риск слишком велик, нужно действовать быстро и эффективно. Добравшись до вершины, она с облегчением обнаружила, что Джинкс вырастила виноградную лозу не только на стене, но и с другой стороны. На одну короткую секунду она позволила себе взглянуть на город Паван. Фонарей почти не было видно, и улицы были пустынные. Она знала, что все люди, скорее всего, прячутся в убежищах, но это не остановило беспокойство, которое она испытала, увидев

свой город таким безжизненным. Если бы она осмелилась опустить свои щиты, то, вероятно, смогла бы почувствовать души людей внизу, возможно, даже уловить немного их эмоций, но было слишком опасно рисковать тем, что её стены будут разрушены.

Она почувствовала шорох виноградной лозы, когда кто-то ещё начал свой подъём, и быстро перекинула ноги, чтобы продолжить спуск. Когда она оказалась в нескольких футах от земли, она спрыгнула, звук её приземления поглотил раскат грома, который, казалось, сотряс небеса.

Киран уже был там ко времени, когда она нашла устойчивую опору, он спрыгнул с вершины, даже не потрудившись спуститься вниз.

— И ты называешь меня безрассудной, — прошептала она. — Ты мог сломать ногу.

Он не ответил, просто сократил расстояние между ними, обвил рукой её шею и притянул к себе в самом нежном поцелуе, который когда-либо дарил ей. Это длилось всего лишь мгновение, но они оставались рядом, склонив головы друг к другу и шепча одними губами. И медленно, неистовое биение её сердца стихло, напряжение в её пальцах ослабло, и она почувствовала, как весь её страх скользнул куда-то далеко на задворки разума, оттесненный интенсивностью, которая всегда поднималась между ними.

Она справится. Они смогут сделать это.

Этот мужчина побеждал ураганы и переживал огненные бури, и он любил её. Она скажет ему правду, и он поймёт. Он должен был понять, потому что она не была уверена, как сможет прожить следующие несколько дней без него. Если её поиски матери увенчаются самым худшим... она не знала, что тогда будет делать.

— Я чувствую, как ты снова становишься вся натянутая, — прошептал Киран.

Глухой удар возвестил о появлении ещё одного охотника по эту сторону стены. Роар одарила Киран самой лучшей улыбкой, на какую только была способна, и пообещала:

— Позже.

Она обещала это «позже» уже в течение нескольких дней, но на этот раз она действительно это подразумевала. Она притянула его к себе для ещё одного крепкого поцелуя, и когда они оторвались друг от друга, он выглядел ещё более обеспокоенным, а не наоборот.

— Я обещаю, что расскажу тебе всё...

Он прервал её:

— Но сначала мы должны найти твою мать. Я понимаю, принцесса.

Она поморщилась, надеясь, что он не видит этого в темноте.

— Мне также нужно выяснить, что произошло с тех пор, как я уехала.

— Как и всем нам. Нам нужно знать, в какие неприятности мы себя втянули.

Неприятности, в которые она их втянула. Боги, она была эгоисткой. Если бы у неё была хоть капля чести, она сказала бы им прямо здесь, прямо сейчас и позволила им уйти, пока они не втянулись в это ещё больше. Но жадная часть её не собиралась облегчать Кирану задачу покинуть её. Если бы она могла просто подготовить его и сказать нужные слова в нужное время, возможно, ей не пришлось бы терять всё, что она приобрела за последние несколько месяцев.

Киран положил ладонь ей на сердце, и она почувствовала, как вспыхнул небесный огонь, встречая его прикосновение. Она сомневалась, что он чувствует это, но ей всегда казалось, что её сердце переполнено и что оно может разорваться от его внимания.

— Что вы там двое делаете? — спросил Бейт. Роар даже не слышала, как он спустился.

Он продолжил: — Увижу ли я что-нибудь неуместное в следующий раз, когда небо вспыхнет? Потому что у некоторых из нас девственные глаза. Не от недостатка усилий, заметьте.

Киран закатил глаза и ровно выдохнул, а потом уже отстранился от неё.

— Смотреть не на что. Твоя невинность останется нетронутой.

— Очень плохо, — было темно, но каким-то образом Роар почувствовала, как взгляд Кирана остановился на начинающем охотнике, и по тому, как рыжеволосый подросток вскинул руки, он тоже это почувствовал. — Что? Я только говорю, что вы оба могли бы расслабиться. Вы ведёте себя так, будто мы врываемся во враждебный город посреди сильного шторма глубокой ночью и в любой момент можем быть пойманы и заключены в тюрьму.

В течение длительного момента никто не отвечал. В ярком свете небесного огня они увидели, как Джинкс грациозно сошла с виноградной лозы и направилась к ним.

— Что? И никто не смеётся над этим? — Бейт нахмурился. — Я думал, что это было умно.

— Сейчас не время умничать, — сказала Джинкс.

— Всегда хорошее время, чтобы поумничать.

— Нет, это не так, — сказал Дьюк, висая на середине виноградной лозы.

Старику понадобилось больше времени, чем всем остальным, и Роар следила за ним, как могла, в крошечной темноте. Она хотела сказать ему вторым, после того как признается Кирану. Она была почти уверена, что он уже разгадал её тайну, но ей понадобится его поддержка, если она собирается убедить команду остаться и помочь ей привести всё в порядок. Если это вообще было возможно — неизвестные факторы постоянно разворачивались в её сознание, угрожая втянуть её в панику.

Конечно, Дьюк был не единственным в их команде, кто подозревал, что Роар лгала о некоторых аспектах её прошлого. Слай, которая каким-то чудом появилась по эту сторону стены, — Роар совершенно не заметила её на лиане, — стояла, прислонившись к камню. Скрестив руки на груди, с острым, как всегда, взглядом Слай осматривала опустевший город. Роар почувствовала облегчение от того, что эти зоркие глаза для разнообразия не следят за ней.

Рансу спустился по виноградной лозе последним, его крупное тело двигалось с удивительной ловкостью. Роар предположила, что она не должна была быть шокирована — в конце концов, он был охотником.

Как только все покинули стену, Джинкс вернулась к виноградной лозе. От прикосновения её пальцев и нескольких прошептанных слов умиротворения виноградная лоза стала сухой и хрупкой и распалась на ветру. После нескольких порывов бури не осталось никаких признаков их проникновения.

— Нам нужно двигаться, — сказал Киран, входя в круг, образованный остальными. — Бурерождённым не понадобится много времени для умиротворения этой бури. Нам нужно добраться до Глаза раньше, чем люди начнут выглядывать из своих укрытий.

Этим утром они с Кираном договорились, что тайный чёрный рынок, где покупают и продают магию бурь, станет их первой остановкой. Глаз был единственным местом, где она могла получить честный отчёт о том, что случилось с Паваном в её отсутствие. Потребовалось некоторое объяснение, почему они не должны были первым делом заняться поисками её матери. Формально она не солгала, когда сказала ему, что не знает, где

находится её мать, хотя всё равно чувствовала себя обманщицей. Но она не могла подойти к воротам дворца, назвать себя и спросить об аудиенции с матерью, не зная, что ждёт её по ту сторону.

Они двигались быстрой и бесшумной поступью по пустому городу. Киран с его длинными шагами возглавил шествие, а Роар держалась в ровном темпе с Джинкс прямо позади него. Они металась по углам и переулкам, и её поразило осознание того, что Киран знал Паван гораздо лучше, чем она.

Она не знала их маршрута, но по мере того, как дома и здания становились всё более заброшенными, она чувствовала, что они приближаются. Они свернули на знакомую улицу как раз в тот момент, когда небесный огонь над головой достиг края города. Роар запрокинула голову, наблюдая за обманчиво красивым проявлением света, когда небесный огонь обрушился вниз, разбившись о невидимый барьер над городом. Мерцающий серебристо-белый свет бежал, как ручейки, по барьеру. Они напоминали ей большие солёные слёзы, как будто богиня была где-то там, наверху, оплакивая то, во что превратился её мир.

Она была слишком увлечена зрелищем над головой, чтобы сразу заметить, что случилось. Сначала она почувствовала жжение в ноздрях и обвинила в этом молнию над головой. Несколько дней назад она испытала такое же обжигающее ощущение в лагере оборышей, а также в пустыне Сангсорра, когда оказалась прямо в центре той огненной бури. Фантомная боль пронзила её лёгкие при мысли о том дне, и она прижала руку к груди, как будто могла успокоить бушевавшую под ней бурю. Но небесный огонь был слишком далеко, чтобы быть его причиной. Барьер Бурерождённого был плотным и мощным, и даже когда она попыталась, она смогла обнаружить только тусклое присутствие души внутри шторма. Она оторвала взгляд от серебряных огней над головой, чёрные вспышки заплясали в её глазах, когда она попыталась сосредоточиться на улице впереди, где замерли все остальные охотники.

На мгновение ей показалось, что это всего лишь игра тьмы над улицей, из-за которой она выглядела такой зловещей. Но по мере того, как всё больше света мерцало над головой, она начала понимать смысл почерневшей, пустотелой шелухи и зловония, которое заставляло её моргать слезящимися глазами. Вся остальная улица выглядела так, словно уже пережила огненный шторм. В воздухе висел запах гари, а улицы были завалены обгоревшими досками от рухнувших зданий. Когда она открыла рот, чтобы заговорить, то почувствовала на ветру вкус пепла, и слова пересохли у неё в горле. Здания, скрывавшие Глаз, были разрушены, не осталось ничего, кроме сгнивших лестниц и обвалившихся стен. Она могла видеть район, где раньше располагался чёрный рынок, даже остатки нескольких ларьков были различимы в развалинах.

Ни одна из соседних улиц не была разрушена. Не похоже, чтобы кто-то вообще пытался убрать то, что здесь произошло. Казалось, будто вся область была выжжена бурей небесного огня, а затем оставлена позади, словно... словно это было предупреждением.

Как то, которое Казимир преподнёс оборышам несколько дней назад.

Глаза Кирана потемнели, брови сошлись в мрачную линию, когда их взгляды встретились. Она видела его беспокойство и то, как он пытался скрыть его, стиснув челюсть и сжав кулаки. Она знала, что он предпочёл бы оказаться где угодно, только не здесь, под властью семьи, которая уничтожила его семью. Но он не сказал этого, не сказал ей, что глупо было приходиться сюда.

Вместо этого он спросил:

— Что теперь?

Она посмотрела на то, что осталось от их единственного плана. Она надеялась, что все обитатели Глаза в безопасности, что ущерб был нанесён, когда рынки опустели. Но боялась, что это не так. Во время своего путешествия по диким землям они столкнулись с погребальным костром, и зловоние сожжённой плоти она никогда не сможет забыть. И хотя повреждения здесь не выглядели недавними, тошнотворный запах цеплялся за оболочку рынка.

Она отвернулась, захлопнула глаза и сильно прикусила губу, сдерживая крик. Она должна была понять, что Глаз будет скомпрометирован. В конце концов, она нашла его, последовав туда за Кассием. Она не ожидала, что он его уничтожит, потому что когда-то он был ему нужен. Но, очевидно, она знала о принце Локи гораздо меньше, чем полагала.

Она не знала, что делать дальше, куда идти и кому доверять. Прежде чем она успела ответить на вопрос Кирана, барьер над головой внезапно исчез. Роар судорожно вздохнула, когда на неё напала тёмная, бурлящая душа, бушевавшая высоко над головой. Её присутствие ощущалось густым, как масло, даже сквозь щиты Роар, и знакомое чувство раньше было ничтожным по сравнению с тем, как горели сейчас её глаза и нос. Тугие бугорки натянулись на её коже в ответ на огромную силу в воздухе. Затем свет вспыхнул ярко и яростно, блокируя весь дворец, над которым он парил. Роар зажала уши руками, когда завыл ветер, и прижала локти к коленям, используя всю свою силу, чтобы заблокировать душу, которая хлестала во всех направлениях наверху. Она изо всех сил пыталась дышать под градом ярости, которая высвободилась, и могла поклясться, что чувствует маслянистые щупальца силы, пытающиеся схватить её, найти в ней убежище.

Затем с оглушительным грохотом грома и ослепительным взрывом света ночь замерла и затихла в последний раз.

Роар медленно выпрямилась, расправив затёкшие плечи. Она перевела взгляд с купола дворца на выжженную дорогу, на своих доверчивых друзей.

Что теперь?

Хотела бы она знать.

«Встретимся на рассвете.»

«

— записка, которая была сожжена после прочтения

4

Аврора не могла уснуть, поэтому с приближением рассвета она оказалась на крыше гостиницы, где они укрылись накануне вечером. Все были настолько усталыми, что все пошли сразу же спать. Аврора попыталась сделать то же самое, радуясь, что наконец-то у неё снова есть настоящая кровать. Но как бы она ни ворочалась, она не могла перестать думать о своей матери, Киране, Кассие и Повелителе Бурь, и о том, что всё это может рухнуть в любой момент.

Она смотрела на медленно светлеющее небо, расцветающее розовыми, оранжевыми и голубыми цветами, которые приносили хоть малейший покой её хаотичному сердцу. В последнее время её мысли и эмоции слишком часто путались. Она пришла на крышу именно по этой причине, надеясь собрать себя воедино, прежде чем сделать то, что нужно было сделать сегодня.

Затем её внимание привлекло какое-то движение на улице, и она нырнула за карниз

крыши. У неё перехватило дыхание, когда в свете рассвета показалась группа солдат. Она инстинктивно потянулась к своим волосам, и, несмотря на то, что они были прикрыты, её сердце всё ещё тревожно колотилось. Её сердце не билось как прежде, с той ночи в пустыне. Скорее, оно пронеслось сквозь неё, как гром, и она почувствовала беспорядочную молнию небесного огня до самых пальцев. Иногда она чувствовала, что у неё не осталось крови, только небесный огонь, шипящий в потоках под её кожей, и она задавалась вопросом, будет ли она кровоточить так же. Будет ли что-нибудь когда-нибудь таким же, как прежде...

Глубокий, выразительный голос снизу прорезал её мысли, возвращая её к самому реальному и потенциально опасному настоящему.

Солнце едва успело расколоть небо, а солдаты уже патрулировали окрестности, где она с командой случайно нашли жильё. Могло ли это быть совпадением? Неужели это происходит по всему городу? Или они пришли за ней?

Она приподнялась на коленях и выглянула через край крыши на людей в синей униформе, рыскающих внизу. Одна высокая тёмная фигура заговорила с остальными, посылая их парами в разные стороны. Солдаты рассыпались веером по улицам, двигаясь в неторопливом темпе, останавливаясь и заглядывая в окна и дверные проёмы. Когда командир остался один, он поднял голову к утреннему небу, и всё внутри Авроры резко сжалось.

Она знала это лицо — короткие, почти выбритые волосы, тёплая смуглая кожа и выступающий лоб в сочетании с вечной хмуростью. Он был её учителем, охранником и почти другом. И всё же, несмотря на уверенность в личности этого человека, её мозг всё ещё пытался осмыслить увиденное. Тавен, человек, который научил её метать нож, был облачен в синюю униформу семьи Локи.

Аврора сделала резкий, болезненный вдох. В этом не было никакого смысла. Из всех она больше всего положила бы Тавену в верности ей и её матери. Возможно ли, что она чего-то недопонимает? Могло ли всё быть не так плохо, как казалось?

Тавен вздохнул и с явной апатией наблюдал, как последние из его людей исчезают на разных улицах и переулках. Аврора хотела открыть рот и окликнуть его, но какая-то настороженность сдержала её. И буквально секундой позже она обрадовалась, что смогла сдержать себя, когда его незаинтересованность исчезла, не успела она и глазом моргнуть. Его высокая фигура была натянута как струна от напряжения, Тавен огляделся, а затем развернулся и быстро зашагал по дороге, ведущей к тому, что осталось от Глаза.

Аврора выждала пару секунд. Она покачала головой, понимая, что её поступок безрассуден, даже когда перекинула ногу через край крыши.

Три этажа. Слишком высоко для прыжка. Она пнула ногой металлическую водосточную трубу и решила, что та достаточно прочная, и она сможет добраться по ней, по крайней мере, до ряда нижних окон. Ей бы очень пригодилась лоза Джинкс прямо сейчас.

Аврора дала себе время только на короткий вдох, а затем свесилась с крыши, упираясь ногами в стену и крепко держась за водосточную трубу. С громко бьющимся сердцем она начала неуклюже сползать вниз по стене здания. Труба заскрипела под её весом, но продержалась достаточно долго, и Аврора смогла опуститься на карниз окна второго этажа.

Взглянув на Тавена, она поняла, что тот почти скрылся из виду. Аврора решила, что нет времени на осторожность. Она присела на карнизе, а потом прыгнула.

Она приземлилась с толчком, боль пронзила её ноги, но она позволила инерции нести её вперёд в перекате, и Аврора поднялась на ноги, лодыжки болели, но в остальном ноги

были невредимы.

Она проверила волосы и убедилась, что они по-прежнему прикрыты капюшоном, а затем бросилась вглубь по дороге вслед за Тавеном, прихрамывая только при первых нескольких шагах. Она держалась в тени и старалась не обращать внимания на свои противоречивые мысли. Она могла совершить серьёзную ошибку, но она уже устала от чувства безнадёжности. Впервые с тех пор, как она увидела разрушенный Глаз, она увидела ясный путь вперёд. Тавен мог бы рассказать ей всё, что ей нужно было знать... если она сможет довериться ему. И это мог быть её единственный шанс застать его одного.

Миновав несколько улиц, она нагнала достаточно, чтобы замедлить шаг. Она тяжело дышала, её лодыжки изнывали в протесте, но глаза оставались прикованными к Тавену. Когда её бывший охранник проходил мимо обугленных руин Глаза, он даже не взглянул на разрушение. Он прошёл мимо него с холодным безразличием.

Аврора хотела бы сделать то же самое. Но, огибая почерневшие остатки рыночных прилавков, она не могла остановить своё воображение, которое становилось всё мрачнее и мрачнее. Каждый раз, когда она приходила сюда, на рынке были десятки людей. Где были все эти люди сейчас? Выжили ли они? Она не чувствовала более сильного, чем обычно, присутствия душ в этой области, но это не означало, что не было жертв. Она была так сосредоточена на своих воображаемых ужасах, что едва не пропустила резкий поворот Тавена в переулок, усыпанный мусором, обломками и гадостью сомнительных источников.

Споткнувшись, она остановилась за миг до того, как вышла бы на открытое место. Быстро выглянув из-за поворота, она поняла, что Тавен остановился на полпути вниз по переулку. Над заброшенной аптекой висела сломанная, раскачивающаяся вывеска. Окна были заколочены досками, а ступеньки крыльца прогнили. Надежда начала разворачиваться снова. Это уже не первый раз, когда она следовала за кем-то в кажущееся заброшенным место только для того, чтобы найти другую реальность. Может быть, Глаз просто сменил место?

Аврора ещё больше высунулась из-за угла, пытаясь получше разглядеть, что происходит. Она почувствовала, как что-то коснулось её руки, и через мгновение кто-то прошептал:

— Я всегда прикрывала твою спину, новичок. Но это кажется... скажем так, неразумным.

Страх сжал сердце на продолжительную минуту, и отвлечение заставило её ментальные щиты ненадолго дрогнуть, посылая в Аврору перегрузку ощущений от окружающих её духов — живых и мёртвых. Она повернулась, и её взгляд упал на знакомую улыбку Джинкс. Сделав глубокий вдох, Аврора спросила:

— Как ты меня нашла?

— Я видела, как ты падала мимо моего окна.

Нахмурившись, Аврора прошептала:

— Я не падала.

— Кувырок в конце был хорошим дополнением. Вид был почти целеустремлённый.

Аврора не хотела спорить, особенно когда Тавен мог их подслушать. Но она прошептала:

— Ты последовала за мной.

— И это тоже хорошо. Похитить этого парня будет намного проще вдвоем.

— Похитить? — глаза Авроры распахнулись, и она яростно затрясла головой. — Никто никого не похищает.

В конце концов, последнее похищение, которое она спланировала, имело крайне непредвиденные последствия.

— Ты уверена? — Джинкс наклонила голову. — Его информация была бы невероятно ценной. К тому же, если он хоть немного похож на тех солдат Локи, которых мы встречали раньше...

— Это не так, — по крайней мере, Аврора надеялась, что это не так. — Я... знаю его. Знала его. Когда я увидела, как он проходит мимо гостиницы, я не раздумывала. Я просто пошла за ним.

Джинкс сощурила глаза и что-то промурлыкала сквозь сжатые губы.

— Насколько хорошо ты его знала? Потому что у меня такое чувство, что Киран вот-вот испытает первый приступ ревности, если этот солдат — причина твоей скрытности.

— Всё было совсем не так. Он был... другом.

— Ты дружила с солдатом Локи?

Тихими, отрывистыми словами Аврора ответила:

— Раньше он им не был. Его зовут Тавен, и он...

Она выглянула из-за угла, чтобы убедиться, что их не подслушивают, и её желудок сжался.

Тавен исчез.

Аврора выругалась и вошла в переулок, снова и снова высматривая, куда он мог направиться, но пути к отступлению не было. Она прижала пальцы к вискам, и внезапная боль пронзила её голову.

— Не надо выглядеть такой потерянной, новичок.

Аврора повернулась лицом к Джинкс и увидела, что ведьма стоит у входа в старое шпормовое убежище, заросшее мхом и сорняками. Пока она наблюдала за ней, ведьма наклонилась и одним размашистым движением сорвала зелень с двери убежища. Она поднялась как одна большая простыня, как одеяло, и Джинкс бросила траву на землю, сморщив нос.

— Мне даже не нужна была магия, чтобы понять, что эти растения не настоящие. Это всего лишь матерчатая подделка.

И, конечно же, теперь, когда зелень была убрана, Аврора могла видеть, что у двери убежища были совершенно новые петли. Она бросилась вперёд, опустилась на колени у двери и прижалась к ней ухом.

Она слышала свист ветра вокруг них, раскаты грома вдалеке, но из укрытия не доносилось ни звука. Она присела на корточки и подняла глаза на Джинкс.

— Что ты хочешь сделать? — спросила её подруга.

Самым разумным было бы дождаться, пока Тавен выйдет. Но надвигалась буря, гром с каждой секундой становился всё чаще. Она чувствовала это. Воздух был влажным и густым. Но более того, неприятное чувство царапнуло её затылок, и что-то тёмное и гнетущее притаилось прямо за её щитами.

Что, если что-то случится и они потеряют его? Или он не выйдет, пока не закончится буря? Она сомневалась, что сможет прожить ещё один день, не узнав, что случилось с Паваном в её отсутствие. Неуверенность в этом вкупе с тревогой по поводу того, что она раскроет свои секреты Кирану, были слишком велики, чтобы размышлять о них.

Послышался скрип, и Аврора, оглянувшись, увидела ухмыляющуюся Джинкс, которая придерживала дверь убежища достаточно открытой, чтобы заглянуть внутрь. Ведьма пожалала

плечами и жестом пригласила Аврору присоединиться к ней.

Аврора быстро наклонила голову к отверстию. Внутри была крошечная тьма. Луч света из щели осветил верхние ступеньки лестницы, но темнота поглощала её раньше, чем они смогли разглядеть дно. Аврора слышала голоса. Женщина — её голос ровный и богатый с оттенком властности. Мгновение спустя раздался мужской голос, но Аврора не могла разобрать слов, только приглушённые звуки.

Она сжала губы, размышляя о риске оказаться в незнакомой обстановке. Потом она подумала о том, что Джинкс назвала её новенькой, и о том, что она путешествовала по диким землям Каэлиры, и смотрела в самое сердце шторма небесного огня, и выжила, чтобы вернуться домой. Сейчас, как никогда, ей нужно было быть храброй.

Решившись, она подняла кусок ткани, который уже был завязан вокруг её шеи, и использовала его, чтобы прикрыть лицо. Она жестом велела Джинкс поднять дверь повыше, осторожно перекинула ногу через карниз и нашла первую ступеньку лестницы.

Внутри хлынуло ещё больше солнечного света, осветив маленькую пустое помещение с грязным полом. Аврора мельком увидела обломки, несколько деревянных бочек с припасами и маленькую мелькающую тень, которая, как она предположила, была крысой. Она быстро и тихо спустилась по ступенькам, не желая привлекать к себе внимания. Джинкс, казалось, думала о том же, когда опускала дверь настолько, что сквозь неё пробивался лишь слабый луч света. Аврора сделала паузу, давая глазам привыкнуть к ограниченному количеству света. В комнате пахло сыростью и затхлостью, как будто свежий воздух месяцами не проникал сюда. Стук сердца в ушах напомнил ей о давке в лагере оборышей, и Авроре оставалось только надеяться, что её спуск по лестнице был достаточно тихим, чтобы остаться незамеченной.

Наконец её нога коснулась земли, она шагнула вниз и обернулась. Голоса смолкли, и она изо всех сил старалась прислушаться, не шевелится ли кто-нибудь, на случай если ей придётся прятаться или бежать.

Она начала ощупью пробираться вдоль стены, стараясь ни на что не наткнуться. И тут ей в голову пришла идея.

На ней был кожаный жилет с высоким воротником, застёгнутым на несколько ремней. Она расстегнула ремни и расстегнула воротник ровно настолько, чтобы мерцающий свет небесного огня в её груди осветил темноту. Это сработало, и позволило ей увидеть достаточно, чтобы исследовать обстановку быстрее. Сначала она двинулась к бочкам первой, обнаружив, что они пусты. Она быстро осмотрела остальную часть помещения, обнаружив лишь несколько сгнивших досок и груды испорченного белья. Наконец она подошла к деревянной двери. Она увидела слабый намёк на свет, пробивающийся из-под двери. Прижавшись ухом к дереву, она услышала приглушённый ропот голосов.

Ей удалось разобрать слова «оружие» и «бури», прежде чем она услышала крик наверху, и дверь убежища закрылась с громким стуком.

— Джинкс? — прошептала она так громко, как только осмелилась.

Её единственным ответом был громкий треск, когда что-то ударилось о дверь. Внезапно она услышала голоса, доносящиеся не сверху, а из глубины убежища. Она пробежала через всё помещение, придерживая рукой кожаный воротник на груди, приглушая свет небесного огня, а затем бросилась за бочки с припасами за мгновение до того, как дверь, у которой она подслушивала, распахнулась.

Аврора прижалась спиной к стене, изо всех сил стараясь замедлить дыхание.

Серебристо-голубое сияние фонаря с небесным огнём отбрасывало тени на стену. Она пригнулась ещё ниже и быстро застегнула воротник. Стук множества пар ног был заглушен новыми звуками над головой. Прежде чем Аврора успела подумать о чём-то ещё, кроме как спрятаться, дверь убежища распахнулась настежь, омывая комнату дневным светом, и явила крупного мужчину. Своей толстой, покрытой татуировками рукой, он угрожающе сжимал маленькое горло Джинкс.

Аврора накрыла рукой рот, останавливая возглас. Джинкс, с другой стороны, выглядела озадаченной, почти скупающей, несмотря на яростную хватку мужчины, который держал её. Аврора пригнулась ещё ниже, когда взгляд мужчины скользнул по помещению, и увидела, что Джинкс старательно избегает её взгляда.

— Бракс! — раздался глубокий женский голос в паре метрах от Авроры. Мужчина заострил своё внимание. Женщина спросила: — Что ты мне принёс?

Аврора слушала, как Джинкс передают по лестнице от первого мужчины к другому. После серии тяжёлых шагов вниз по лестнице, помещение снова погрузилось в темноту, за исключением фонаря небесного огня.

Аврора выглянула из-за бочки и увидела женщину. Она была среднего роста, но пухленькая, с женственными изгибами. Её песочно-коричневая кожа сияла потусторонним блеском в свете небесного огня.

Человек по имени Бракс хрустнул костяшками пальцев и ответил:

— Нашел её снаружи, она возилась с растениями, которые вы используете, чтобы скрыть это место.

— Неужели?

После вопроса женщины в воздухе повисла тишина; по помещению пронеслась опасная напряжённость. Её голос был многослойным, глубоким и чётким. Она сделала один медленный шаг вперёд, потом другой, пока не оказалась лицом к лицу с Джинкс. Затем она склонила голову набок, её длинные тёмные волосы заскользили по её плечу, и сказала:

— А теперь, кто собственно ты такая?

Аврора увидела, как Джинкс улыбнулась в сиянии небесного огня, совершенно бесстрашная перед лицом того, на кого они наткнулись. Джинкс небрежно пожала плечами и ответила:

— Тебе не о чем беспокоиться. Я не причиню тебе вреда. Я просто... люблю растения.

Женщина рассмеялась таким смехом, который привлёк бы все взгляды в комнате, только мужчины вокруг неё стояли неподвижно и напряжённо, как солдаты, ожидающие её команды.

— Так дорогая, — ответила женщина, кружась вокруг Джинкс и разглядывая её, как хищник. — А я люблю острые предметы.

При её словах Аврора услышала, как несколько окружающих её мужчин вытащили свои клинки. Её желудок сжался от нервного напряжения. Ей следовало быть осторожнее. Ей не следовало так рисковать.

— К примеру, это.

Женщина подняла руку к лицу Джинкс. На ней была блестящая красная кожаная перчатка, больше похожая на броню, с тёмными острыми концами, которые она слегка провела по горлу Джинкс.

— Я взяла их у дикой кошки, которая сделала неправильный выбор в добыче. Вообще-то, это её ты чувствуешь у своих ног. Я взяла её когти в наказание, но позволила ей

сохранить зубы в знак уважения одного хищника к другому.

Аврора не заметила этого раньше, но, конечно же, пятнистая кошка с заострёнными ушами пролезла между ног Джинкс, достаточно высокая, чтобы потереться щекой о её бедро.

— Как пугающе, — сказала Джинкс с преувеличенной дрожью в голосе. — Кошка!

Как же мне удержаться и не выдать все свои секреты?

Несмотря на нацеленные на неё клинки, наглая земная ведьма наклонилась ровно настолько, чтобы почесать дикую кошку между ушами. Она пробормотала что-то вроде «милая кошечка», а затем выпрямилась и спросила:

— Это та часть, где я должна просить о пощаде?

Небеса, Аврора не знала, как Джинкс это делала — оставалась такой спокойной. Она была кипящим клубком нервов, а её ещё даже никто не заметил.

Бракс, мужчина, который схватил Джинкс, угрожающе шагнул вперёд.

— Ты что, тупая, что ли?

Джинкс улыбнулась, в уголках её глаз появились морщинки.

— Или что-то в этом роде.

Затем земля прогнулась под их ногами, и раздался хор криков, когда комната начала трястись. Корни и растения всех видов вырывались из земляного пола и стен. Лианы обвивали конечности людей. Джинкс взмахнула рукой, ударив локтем в лицо человека, державшего её. Джинкс толкнула женщину обратно в цепкую зелёную паутину и закричала:

— Роар, сейчас!

Аврора вскочила из своего укрытия. Крупный мужчина обернулся, маяча перед ней. Его кожа была почти того же оттенка, что и тени, окутавшие помещение. В самый подходящий момент лиана схватила его за лодыжку, и Аврора вывела его из равновесия. Джинкс была уже на полпути к лестнице и звала её. Бросившись вслед за подругой, Аврора одним прыжком преодолела первые ступеньки. Растения поднимались перед ними, толкая дверь убежища вверх и вверх, обдавая их всех ярким солнечным светом.

А затем... что-то пошло не так. Растения вокруг Авроры стали бурыми и тусклыми. Они продолжали двигаться, как приказывала магия Джинкс, но становились сухими и хрупкими, и ломались от напряжения.

Аврора тоже чувствовала себя странно. В её глазах замелькали тени, несмотря на солнечный свет над головой. Во рту у неё было такое ощущение, будто песчаная буря прокатилась по её языку, а потом осела, создав в горле пустыню. В висках и в затылке появилась грызущая боль. Мир начал колебаться, земля под ней качалась из стороны в сторону. Кулак сжался вокруг пояса на её талии и дёрнул её назад. Её пальцы оторвались от лестницы, как и ломкие лианы рядом с ней. Пыль взлетела вверх, когда она приземлилась на спину, и боль разрушила оставшийся контроль над её ментальными щитами.

Ощущения захлестнули её, чужие и всепоглощающие, но, даже затерявшись в потоке, боль в горле беспокоила её больше всего. Голова шла кругом, пока она пыталась сосредоточиться. В поле зрения появилась тёмная фигура, и её зрение прояснилось ровно настолько, чтобы она могла видеть.

Женщина. Та, что была в красной перчатке с когтистым кончиком — единственным, потому что другая её рука была обнажена. Она была потрясена, и не только потому, что Аврора почувствовала, как воздух вырвался из её лёгких и отказался возвращаться. У женщины были густые тёмные волосы, спускавшиеся ниже талии и украшенные косами и

локонами. Её брови были тёмными и прямыми над пронзительными каре-чёрными глазами. Её скулы были резко очерчены, а кожа — золотисто-коричневой. На женщине была прекрасная одежда из богатых драпирующих тканей, которые струились вокруг её фигуры, словно по её команде. Она излучала силу.

Тёмные пятна в поле зрения Авроры начали растягиваться и сливаться, заслоняя даже солнце, льющееся через открытый люк наверху. Когда она повисла на краю сознания, женщина наклонилась к лицу Авроры и взглянула на неё пронизательным взглядом прищуренных глаз.

— Я могу остановить это, — сказала женщина, её голос был мягким, чуть ли не застенчивым. — Если ты скажешь мне, кто тебя послал.

Аврора попыталась ответить ей, но язык у неё был толстый, сухой и бесполезный во рту. Женщина протянула руку и отодвинула ткань, закрывавшую нижнюю часть лица Авроры, затем потянула за капюшон, закрывавший её волосы. Сердце Авроры тяжело, панически забилось, но она была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

Голос в ее голове кричал «Стой» И Аврора попыталась произнести это слово сама.

— Стой!

Это слово удивило её, потому что исходило оно не из её уст, а откуда-то извне, за пределами её суженного зрения. Она услышала, как он повторился — глубокий мужской голос.

Кто-то схватил женщину, тёмные руки на её девственно чистой одежде, отталкивая её назад и подальше от Авроры. Ужасное сокрушительное давление на грудь ослабло, но на неё накатила ещё одна волна тошноты, такая сильная, что она откатилась в сторону и её вырвало. Ничего не вышло, несмотря на отчаянную, болезненную тяжесть в животе.

— Помоги ей. Пожалуйста, Зефир.

Кто-то потянул её за плечо, откидывая на спину и отбрасывая влажные волосы, упавшие ей на лицо.

— С чего бы это? — услышала Аврора.

Её зрение прояснилось достаточно, чтобы разглядеть строгое, серьёзное лицо человека, который когда-то был её стражем.

Глаза Тавена были такими дикими и испуганными, какими она ещё никогда их не видела.

— Потому что она законная наследница королевства Паван.

Подчиняясь воле богини и своей собственной власти как Бурерождённого короля, я предлагаю свои услуги городу Павану как его защитнику и правителю в трудную минуту.

— декларация, подписанная королём Крузефом Локи

5

Проснувшись, Новайя почувствовала руки на своём теле, и её магия заревела от возмущения. Новайя толкнула вслепую, и нарвалась на удар о грубую каменную стену за свои хлопоты. Её кости болезненно столкнулись с камнем, и жидкое пламя вспыхнуло в каждом суставе.

Это был солдат. Он прижимал её к стене. Он уперся ладонью в ее грудь, удерживая её прижатой к стене.

Мысленным взором она видела, как эта рука вспыхивает пламенем, и она знала, что может сделать это с помощью необузданной магией внутри неё, она испытывала искушение просто выпустить свою магию, вылить всё своё разочарование, страх и усталость в огонь и

сжечь всё это.

Но тут мужчина заговорил:

— Тебя хочет видеть принц.

Она мельком взглянула на дверь, ожидая увидеть тёмную, зловещую фигуру её единственного посетителя в дверном проёме. Но там было пусто. И... дверь была открыта.

Она подняла руки в знак мольбы, и мужчина отступил назад, убрав руку, которая ощущалась клеймом на её груди.

Лязгнул металл, и солдат поднял пару железных кандалов.

— Надень это.

Он подтолкнул их к ней, и она взяла железо дрожащими руками. Кандалы были тяжёлыми, такими тяжёлыми, что даже удержание их отнимало у неё все силы. Она очень сомневалась, что сможет надеть их сама, но заставила себя попробовать, зная, что предпочла бы собственные прикосновения прикосновению солдата.

Её запястья были настолько тонкими, что она подумала, что сможет выскользнуть из них позже, когда никто не будет смотреть, но затем солдат вторгся в её пространство и, сдвинув прут, сделал отверстия кандалов меньше. Железо плотно прилагало к её коже. Затем он затянул их маленьким инструментом, чтобы зажимы держали наверняка.

Солдат использовал длинную цепь, прикреплённую к кандалам, и подтащил её к двери. Новайя споткнулась, её ноги неуклюже волочились по камню. Мужчина был нетерпелив, пока она восстанавливала равновесие, но не сделал ни малейшего движения, чтобы снова прикоснуться к ней, и за это она была ему благодарна. Она зашаркала за ним на выход из камеры, и её сердце забилось с маниакальной надеждой, когда её босые ноги переступили порог.

— Куда ты меня ведёшь?

— Туда, где хочет видеть тебя принц Кассий.

Они пошаркали мимо ещё нескольких тёмных каменных камер. Она попыталась разглядеть, не держат ли здесь кого-нибудь ещё, но если и были другие пленники, то она не увидела никаких признаков чьего-либо присутствия. И она никогда не слышала никого в подземелье, кроме охранников, которые от случая к случаю приносили ей еду.

Она смотрела в затылок охранника и удивлялась, насколько чёрствыми могли быть человеческие сердца. Как легко было человеку просто отвести глаза перед лицом чужой боли или страха. Что принц рассказал всем о ней? Неужели все они действительно верят, что она была преступным гением, стоявшим за похищением принцессы? Её лучшей подруги? Или им было всё равно, виновна она или нет? Она не была Бурерождённой, так что, возможно, в их глазах она вообще мало чего стоила.

Они подошли к лестнице, и Новайя с удивлением обнаружила, что уже совершенно выбилась из сил. Её ноги дрожали от слабости, когда она сделала первый шаг.

Солдат дёрнул её за цепи.

— Поторопись. Если ты будешь двигаться так медленно, то до того, как мы доберёмся на место, снова наступит ночь.

Она почувствовала, как часть её огненной силы проникла из кожи в наручники, и быстро втянула её назад. Как ни приятно было видеть его ошпаренным цепью, которую он держал, это было слишком опрометчиво. Слишком многого она не знала. Даже если она выведет из строя этого охранника, она понятия не имела, что ждёт её на верхних этажах, и сможет ли она добраться до них самостоятельно.

У неё может быть только один шанс сбежать. И она знала, что всё своё время.

К тому времени, когда солдат рывком поднял её на последнюю ступеньку лестницы, она была на грани слёз от усталости, и от слабости её сердце наполнилось яростью. На принца, на этот мир, на себя. И да, на Аврору тоже.

Они поднялись на главный этаж дворца, и знакомые звуки её прежнего рабочего места и дома медленно возвращались к ней. Они стояли у входа в кухню, и она слышала звон кастрюль и приглушённые голоса. От запаха свежеспечённого хлеба у неё болезненно сжался желудок. Когда она в последний раз ела больше, чем несколько кусочков? Она не могла вспомнить.

Судорожный вздох остановил её конвоира, и с большим усилием Новайя подняла голову, желая осмотреться.

Сначала она увидела знакомое лицо, и ей потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы вспомнить, откуда она знает молодую служанку, которая стояла перед ними с ошарашенным видом.

Рения. Они жили в одной комнате. Новайя лежала в постели и слушала, как Рения болтает о подробностях своей романтической жизни. Это всегда было великим развлечением для Новайи, у которой не было ни малейшего желания заводить роман. Только не с её секретами. Но, слушая Рению, она словно заглядывала в другую, более простую жизнь.

Те дни казались теперь такими далёкими, словно они существовали в другом мире.

— На что ты смотришь? — усмехнулся солдат.

Рения быстро скрыла свой ужас и опустила голову.

— Мои извинения.

Солдат потянул Новайю за цепи, и она, спотыкаясь, двинулась вперёд. Она взглядом встретила с глазами Рении, когда они проходили мимо, и девушка быстро отвела взгляд.

Новайя не могла её винить. Будь она на её месте, она бы сделала то же самое, отчаянно желая остаться в безопасности и сохранить свои секреты в тайне.

Она держала свой подбородок высоко на протяжении всего их пути через дворцовые залы, отказываясь съёживаться. Мир, казалось, продолжал двигаться вперёд, как и всегда, несмотря на её отсутствие. Было тревожно осознавать, что её жизнь может быть перевернута с ног на голову, и всё же все люди, которых она когда-то знала, продолжали жить в той же повседневной рутине.

Наконец, пройдя ещё несколько пролетов безжалостных ступенек, солдат повёл Новайю в ту часть дворца, которую она слишком хорошо знала — в королевское крыло. Новайя смотрела на солдата с недоумением и недоверием, пока её вели по коридору в комнаты, которые когда-то принадлежали принцессе Павана. Солдат открыл дверь и втолкнул её внутрь.

Первое, что заметила Новайя, был плюшевый ковёр под её ногами, такой мягкий на фоне мозолистой, израненной кожи. Она почти поддалась желанию упасть в обморок, просто чтобы почувствовать такую мягкость на своей коже. Потом был запах — запах чернил, старых книг и свежего воздуха — который дразнил её чувства и вызывал слёзы на глазах.

На мгновение Новайя увидела эту комнату такой, какой она была раньше. Окна всегда были открыты, комнату омывал солнечный свет и дразнил ветерок. Аврора оставляла книги на каждой поверхности, груды историй, которые она читала и перечитывала. Воспоминания

украли то неглубокое дыхание, что у неё было, и болезненно сжали её сердце.

Теперь комната казалась затхлой, такой же замкнутой и холодной, как и человек, который, по-видимому, объявил её своей. Причудливый письменный стол, которым пользовалась Аврора, был заменён большим столом из блестящего тёмного дерева. За ним сидел принц, спиной к ней, лицом к одной из многочисленных книжных полок, на которых стояли книги принцессы.

Он повернулся, его тёмные волосы были растрёпанны, а глаза запали и потемнели.

— Сядь, — приказал он, его голос был шёпотом, но наполнен приказом.

Принц махнул рукой солдату, и тот вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Они остались одни, и Новайя понятия не имела, что происходит. В последнее время визиты принца в её камеру стали реже. Судя по количеству штормовых сирен, которые она слышала, сезон Гнева занял его целиком и полностью.

Принц усталился на неё сквозь тишину, его рот искривился от разочарования. Они сидели так долго, что усталость Новайи начала перемещать фокус её внимания. Кресло, в котором она сидела, ощущалось таким мягким по сравнению с камнем. Она думала, что сможет погрузиться в него и проспать несколько дней. Даже её страх не был достаточно сильным противником, чтобы преодолеть усталость.

— Как думаешь, она ещё жива?

Новайя моргнула. Они уже проходили через это раньше, когда королева не выдержала страха перед тем, что Аврору убили её похитители. Новайя так и не смогла сообщить ей об истинных намерениях Авроры.

— Вы о королеве? Она в порядке?

Кассий нахмурился ещё сильнее, его взгляд стал жёстким.

— Это не твоя забота. Я хочу знать, жива ли принцесса. Я впустую трачу своё время на её поиски?

Нова покачала головой.

— Этого я не знаю.

Он стиснул челюсти, заскрипел зубами, и глубоко вздохнул.

— Обстоятельства Павана резко изменились за последние недели. Я потратил своё время и внимание на её поиски, насколько это было возможно, но приближается время... время, когда мои приоритеты будут вытеснены. Если тебе что-нибудь известно, если ты хочешь снова увидеть свою подругу, ты расскажешь мне всё, что знаешь сейчас, пока ещё не поздно.

Последнее было сказано с раздражённым рычанием. Было ясно, что принц одержим, и эта одержимость стёрла его царственный фасад, позволив проявиться тьме, живущей внутри него.

Она внимательно наблюдала за ним — сжатые кулаки намекали на то, как близко он подошёл к краю. Ей не хотелось знать всю глубину порочности этого человека. И она не хотела этого для Авроры.

За эти дни и ночи у Новайи было много времени подумать, правильно ли она поступила, помогая Авроре бежать. Богиня знает, что она слишком часто сидела в темноте, борясь с мыслью, что она могла помочь загнать свою истинную подругу в могилу раньше времени. Ибо чем могут быть дикие земли для девушки без магии бури, кроме смертного приговора? Она надеялась — надеялась каждой искоркой огня, горевшей под её кожей, — что её подруга была где-то счастлива и цела.

Собственная усталость заставляла её считать дни, гадая, когда же вернётся Аврора и сможет ли она исправить всё то, что случилось с Паваном в её отсутствие. Но как человек, который ходил под сокрушительным грузом опасной тайны, она хотела, чтобы Аврора жила свободной ото лжи, свободной от опасности, свободной от принца Локи. Навсегда.

И тогда она рассказала ему часть своей правды.

— Я не знаю наверняка, но в темноте ночи, когда беспокойство слишком близко, чтобы игнорировать его, я боюсь, что королева права. Аврора Паван ушла. В лучший мир.

* * *

Первые несколько минут после объявления истинной личности Авроры были похожи на затишье перед бурей, а затем тишина нарушилась какофонией голосов и шквалом движений, от которых у Авроры ещё больше закружилась голова. Ей казалось, что она умирает — как будто всё внутри неё съёжилось, как старый фрукт. И её мысли были в беспорядке — некоторые даже не её собственные, — когда она пыталась и не смогла восстановить свои ментальные стены.

Глубокий раскатистый голос Тавена перекрикивал всех остальных.

— Зефир, пожалуйста! Я когда-нибудь делал что-то, что заставило тебя усомниться во мне?

Аврора не могла видеть женщину, она не видела ничего, кроме очень маленького туннеля в центре её зрения, в котором был только Тавен, стоящий на коленях над ней.

Зефир ответила:

— Ты поклялся своей жизнью нашему делу, если ты лжёшь, я без колебаний заберу её в качестве расплаты.

— Я поклялся своей жизнью защищать её задолго до твоего дела. Она та, за кого я её принимаю.

Женщина не ответила, но почти сразу же Аврора почувствовала, как что-то прохладное коснулось её кожи. Нечто обернулось вокруг неё, как шёлк, а затем погрузилось под кожу. Она чувствовала, как это нечто растекается внутри неё — словно лёд, плавящий жгучую боль. Её зрение начало проясняться, грудь перестала болеть, и она медленно почувствовала, что снова оживает, словно висела над бездной смерти только кончиками пальцев. Она смогла сглотнуть, её горло сначала горело, но потом смягчилось, когда странная сила начала проходить через неё.

Аврора села и посмотрела на женщину по имени Зефир, ей показалось, что она родилась заново. Её слова были хриплыми, когда она спросила:

— Кто ты?

Зефир вышла из тени на свет.

— Я та, кто сражался за твой народ в твоё отсутствие, — она подняла руки и жестом обвела помещение. — Добро пожаловать в сопротивление.

Аврора посмотрела на Тавена, а потом на его синюю форму. Теперь она всё поняла. Она хотела потребовать, чтобы он рассказал ей всё, но сначала ей нужно было узнать кое-что ещё.

— Что ты такое? — спросила она у Зефир.

Джинкс, которую Аврора забыла в этом хаосе, спрыгнула со своего места на верхней ступеньке лестницы. Пыль поднялась при её приземлении, кружась вокруг её ног слишком идеально, чтобы быть естественной. Её глаза были устремлены на Зефир, когда она произнесла:

— Ведьма воды.

Зефир скрестила руки на груди в ответ, небрежно выставив бедро.

— Ведьма земли.

Несколько мгновений они изучали друг друга — Джинкс с прищуренными глазами, а Зефир с надутыми губами. Затем одна за другой они повернулись лицом к Авроре.

— И принцесса тоже, — сказала Джинкс. — Кто же знал?

Тон Джинкс был ровным, но в нём не хватало той теплоты и искренности, с которыми она всегда говорила.

— Я могу объяснить, — прохрипела Аврора, её горло всё ещё было пересохшим от того, что она только сейчас поняла, было опасным случаем быстрого обезвоживания, благодаря магии Зефир.

Но когда она открыла рот, чтобы продолжить, слова застряли у неё в горле. Мурашки дурного предчувствия пробежали по её спине и, запрокинув голову, она посмотрела через открытую дверь убежища на ясное небо. Она сделала один вдох, затем ещё два, а потом сознание другой души врезалось в её сознание.

Злоба обвилась вокруг неё, словно щупальца какого-то монстра из глубин. Она отталкивала присутствие души, но события дня ослабили её, и к тому времени, когда она укрепила свою защиту от одного вторжения, другое уже приближалось. Она стиснула зубы, когда ярость — горячая и густая, как смола, — забила в её венах. Жажда мести скользнула по её языку, и она только успела сказать:

— Кто-нибудь, закройте эту дверь! — прежде чем небо разорвалось, и пролился огонь.

Не было ни сирен, ни барьеров Бурерождённых. Под одеждой её хрустальное ожерелье предупреждающе горело, но первые пылающие угли уже опалили небо. По меньшей мере, дюжина проскользнула в отверстие над головой, которое никто не успел закрыть.

Всё внимание Авроры было сосредоточено на укреплении границ вокруг её разума, и она избежала ожога только, потому что Тавен схватил её за локти и потащил обратно в угол.

Аврора слышала крик и с ужасом поняла, что он исходит не от кого-то внутри убежища, а от города наверху. Крики нарастали и перерастали в мучительный хор, а запах гари быстро заполнил воздух. Зефир использовала свою магию и потушила кучу горящих обломков, а Джинкс воскресила одну из своих лиан и заставила её совершить опасное путешествие на поверхность, где та обвилась вокруг ручки двери убежища. Джинкс дёрнула изо всех сил свою маленькую лиану, и дверь рухнула вниз, погрузив их в темноту.

Единственными звуками было шипение угасающего пламени. Бледно-голубое сияние фонаря небесного огня отбрасывало на них призрачные тени. Аврора прижала кулак ко рту, чтобы не разрыдаться. Она всё ещё чувствовала шторм — хотя её барьеры были достаточно сильны и не допускали чужих мыслей. Но теперь её агонию питали другие души. Она чувствовала, как они умирают — десятками.

Прозвучала сирена. Слишком поздно. Слишком, слишком поздно.

Отчаянно желая что-то сделать, хоть что-нибудь, чтобы остановить ужас и боль, которые бомбардировали её с приходом каждой вновь ушедшей души, Аврора рывком подняла кожаное ожерелье, в котором держала крошечный пузырек с порошком огненной бури.

Локи сказал ей использовать его в случае огненной бури. Он не защитит её полностью, но временно сделает непроницаемой для пламени.

Она выдернула пробку зубами.

— Не надо! — закричала Джинкс, протягивая руку в попытке остановить её.

— А почему нет?

— Этот порошок очень редок. Сердце огненной бури отнюдь нелегко захватить. Не трать его, когда ты уже в безопасности.

Аврора съёжилась.

— Тратить его впустую? Ты знаешь, что там происходит?

Джинкс стояла на своём.

— Знаю. И я также знаю, что ты не можешь сделать там ничего, что ты не смогла бы сделать здесь.

Она рассчитывала, что Аврора успокоит бурю. Хотя большая часть её вновь обретённой силы всё ещё оставалась тайной, она провела их путешествие обратно в Паван, тихо успокаивая неуравновешенные души и предотвращая их превращение в бури. Но эти души были относительно нормальными — потерянными и блуждающими от своей неспособности отключиться от прежней жизни. Душа, кипевшая сейчас над ними, была искривлена и испорчена, превратившись во что-то грязное и неузнаваемое. Не было никакого успокоения такого рода ярости, без Бурерождённого, который заставил бы бурю подчиниться.

— Я не могу, — прошептала Аврора. — Это выше моего мастерства.

— Что значит «выше твоего мастерства»? Я думала, что ты была самой сильной Бурерождённой с сильнейшим даром в поколении Паванов? — этот вопрос исходил от Зефир.

Аврора поморщилась и покачала головой.

— Вовсе нет.

— Ты не самая могущественная?

Она не была Бурерождённой. По крайней мере, она всегда так считала. Теперь она не была уверена, кто она вообще такая

— Это... сложно.

Бракс, охранник-переросток, который привёл всё это в движение, когда поймал Джинкс, плюхнулся на землю и сказал:

— У меня есть время.

— Ну, а у меня нет, — ответила Аврора. — Я не могу сидеть здесь, пока там умирают люди.

Она оттолкнула руку Джинкс и поднесла бутылку к губам. Затем между Авророй и сознанием бури возникла знакомая дымка. На этот раз она точно знала, что сила, которую она ощущала в воздухе, принадлежала Кассию. В ней была та же холодная, угрожающая сила, что и в его присутствии, когда она впервые встретила его. Она наполнил воздух, как его глубокий голос наполнил комнату. И хотя она ненавидела принца Локи, присутствие его магии над городом ослабило давление, которое она испытывала на свои собственные барьеры.

Она вернула пробку в бутылку, а ожерелье на место, прижав к груди.

— Неважно. В этом больше нет необходимости.

Она не стала утруждать себя объяснениями, подошла к лестнице и взобралась на самый верх. Она толкнула дверь, и крики вернулись с удвоенной силой. Высоко вверху почти прозрачный барьер дрожал от удара падающих углей. Пламя лизало магию, и Авроре показалось, что солнце упало с неба и остановилось всего в нескольких мгновениях от того, чтобы врезаться в город.

Дым заполнил пространство под барьером, и хотя тлеющие угли больше не разрушали город, это не помешало нынешним пожарам выйти из-под контроля.

Она обернулась, намереваясь позвать Джинкс, и с удивлением обнаружила, что все обитатели убежища стоят прямо за её спиной, глядя на почерневший, горящий город.

Зефир первой пришла в движение.

— Я сделаю всё, что смогу, но я не могу создать воду из ничего. Только ту, что смогу вытянуть из воздуха.

— Я могу помочь с этим, — ответила Джинкс, откидывая один отворот куртки и доставая баночку с магией бури из кобуры рядом с рёбрами.

Она протянула баночку, внутри которой кружил проливной дождь.

— Охотник?

Зефир обменялась понимающим взглядом с высоким темнокожим мужчиной, которого Аврора не могла припомнить, чтобы он произнёс хоть одно слово с момента своего появления.

— Два охотника, — ответила Джинкс, взглянув на Аврору.

Прилив благодарности наполнил грудь Авроры. Джинкс имела полное право злиться на ложь Авроры, но всё же включила её в свой список. Пока что.

Улыбка Зефир была полна удовлетворения, когда она начала действовать. Сначала она повернулась к темнокожему мужчине.

— Реквием, вы с Браксом займитесь поисково-спасательными работами, а я буду тушить всё, что смогу.

Она вскинула руку и швырнула стеклянную банку с магией бури в здание перед ними. Ветер и дождь хлынули во все стороны, растеребив их одежду и волосы. Зефир издала торжествующий крик. Но прежде чем она сосредоточилась на своей магии, её взгляд остановился на Тавене.

— Полагаю, ты приступаешь к исполнению своих обязанностей.

Он кивнул, переводя взгляд сначала на бурю, всё ещё бушевавшую над головой, потом на Аврору. Он помедлил.

Зефир же не колебалась и побежала к центру города, где пламя было самым большим.

Аврора эгоистично хотела задержать Тавена здесь, чтобы он рассказал ей всё, что ей нужно было знать. Но она знала, что он нужен в другом месте.

— Иди, — сказала она. — Я никуда не собираюсь.

Его глаза были взбудоражены. Она знала, что его чувство долга велит ему остаться с ней.

— Встретимся здесь завтра на рассвете? — спросил он.

Она кивнула.

— Я буду здесь. Я обещаю.

Он подождал ещё немного, глядя на неё так, словно она всё ещё была сном, затем резко повернулся и побежал.

— Подожди! — крикнула она, бросаясь за ним.

Он замедлил шаг, но не остановился.

— Я и так слишком долго отсутствовал. Моё подразделение, скорее всего, ищет меня. Если кто-то из них выжил. Но если вы хотите, чтобы я остался, вам нужно только попросить, Ваше Высочество.

— Пожалуйста, не называй меня так?

Он замедлил шаг, и она, избегая его серьёзного взгляда, посмотрела на дворец. Сквозь дым и дождь было трудно что-либо разглядеть, но она разглядела очертания большого золотого купола.

— Я отпущу тебя, но сначала, пожалуйста, скажи, что с моей матерью?

Тавен оцепенел, и его длинные шаги резко прекратились. Ужас пронзил Аврору насквозь.

— Неужели она... неужели они...

Он резко тряхнул головой.

— Она очень больна. Но она жива. Хотя она не верит, что то же самое относится и к тебе.

Считается, что первые люди, использовавшие магию, получили дары, сродни самим богам. Они обладали магией, из которой был создан весь мир, и с помощью которой весь мир может быть уничтожен.

— *Изучение Первородной Магии*

6

Тринадцать лет назад.

Круз пытался следить за временем, но во время бури весь мир замедлялся и ускорялся одновременно. Ливень проникал сквозь кожу, пока не начинало казаться, что холод никогда не отпустит тебя. Во-первых, хотелось постоянно двигаться в попытке согреться. Но через некоторое время выяснялось, что создание тепла означает его потерю, и после уже вовсе не хотелось двигаться. Хотелось спать. Но и для этого было слишком холодно. Неожиданные перемены ветра держали в полной боевой готовности, постоянно поднимая вопрос, было ли что-то хуже, чем дождь и ветер, идущие бок о бок. Если бы вы были другими детьми, вы бы плакали, плакали и плакали.

Круз не плакал, даже когда вернулся голос в его голове — голос, который шептал о разрушении и смерти. Он ждал, что из этого голоса выйдет нечто большее, что безумие полностью овладеет им, или, что хозяин голоса явится сам. Но шёпот оставался шёпотом, лишь скользящим по поверхности его мыслей, иногда ему даже приходилось напрягаться, чтобы расслышать его сквозь рыдания других детей. Они звали матерей и отцов, которые, как он знал, никогда не придут.

Только один ребёнок, казалось, понимал, что они здесь одни — девочка с синяком на щеке. Вместе с Крузом они сделали всё возможное, чтобы построить убежище до того, как разразилась буря. Они нашли несколько валунов рядом друг с другом и сложили сверху длинные палки, за которыми последовали листья папоротника. Когда они закончили, это выглядело как импровизированная хижина, и Крузу было чем гордиться.

Но это почти не могло защитить от дождя, когда он обрушился на них. Листья становились тяжёлыми и скручивались вниз, оставляя щели в их предполагаемой крыше. Земля под ними превратилась в размокший суп, который прилипал к ногам грязными пятнами и комками. Остальные прижимались к нему всё теснее и теснее, пока Круз не почувствовал, как их трясущиеся конечности соприкасаются с его собственными. И с этим шёпотом, всё ещё звучащим в глубине его сознания, у него возникло внезапное желание толкаться и толкаться, пока у него не появится пространство, пока ни один из этих слабаков не будет прикасаться к нему.

Вместо этого он бросился вперёд и встал, выползая из их жалкого укрытия и подчиняясь ярости бури снаружи.

— Куда ты идёшь? — произнёс голос, тихий и пронзительный.

Круз не остановился, чтобы ответить. Он продолжал ставить одну ногу перед другой и не останавливался, пока его одежда не промокла насквозь, а кожа не стала скользкой от дождевой воды. Над головой завыл гром, деревья задрожали от грохота, и он остановился, желая прислушаться, почувствовать страх и, возможно, наконец, заплакать, как все остальные.

Но этого... так и не произошло.

Потому что впервые в жизни Круз почувствовал себя свободным.

Он не был заперт в том доме своей матери с приторными запахами и шумом в любое время суток, и людьми, которые то приходили, то уходили, в отличие от него. Он никогда ничего не делал, кроме как оставался. Оставался в стороне. Сидел тихо. Оставался незамеченным.

— Что ты делаешь?

Круз резко обернулся и увидел девушку. Она последовала за ним, но почему-то казалась менее тронутой стихией. Конечно же, она не была сухой, но создавалось впечатление, будто она стояла под деревом, которое защищало её от сильного дождя. Но там, где она стояла, укрытия было не больше, чем у него, и он слышал ровный стук дождя и чувствовал, как тот капает ему на затылок.

— Ничего.

— Ты заболеешь, если слишком долго будешь стоять под дождём, — сказала она.

— Как и ты.

Она ничего не ответила, только слегка наклонила голову и посмотрела на него более сосредоточенным взглядом.

— Что случилось с твоей шеей? — спросил он, устав гадать на этот счёт, и он был слишком далеко от матери, чтобы заботиться о том, что было, а что не было вежливо.

Она схватилась за воротник рубашки, подняла его, скрывая отметину, но тут же опустила, словно передумала.

— Я сделала выбор, — ответила она.

— А что за выбор?

Она пожала плечами и, не моргнув глазом, продолжила:

— Не умирать.

Он не знал, что она имела в виду, но она была единственным человеком, с которым он чувствовал хоть малейшую связь.

— Как тебя зовут? — спросил он, осознавая, что до сих пор не предпринимал никаких усилий, чтобы узнать кого-нибудь из остальных детей, в то время как все они рассказывали историю за историей о своих семьях и жизни дома.

— Ты можешь называть меня Кэсс.

* * *

Киран Торн выскочил из задымленного помещения гостиницы, его сердце бешено колотилось.

Её там не было.

Они покинули гостиницу, как только стало безопасно выходить наружу. Бури небесного огня создавали особенно жестокую дилемму — оставаться в здании, пока оно горело, или бежать в бурю, вызвавшую пожар? Обычно это сводилось к догадкам, и чаще всего это приводило к травмам или смерти независимо от того, где человек оставался. Если, конечно,

ты не имеешь магию, такую как порошок огненной бури, который он уже принял.

Не найдя Роар в её спальне на третьем этаже, он решил, что она уже выбралась. Но когда он не смог найти её вместе с другими, он бросился обратно в горящее здание, полный решимости найти её. Рансу следовал за ним по пятам, поскольку Джинкс тоже отсутствовала. Но сколько они ни искали, девушек нигде не нашли. Когда третий этаж полностью охватило пламенем, они, наконец, сдались и вернулись обратно на улицу.

Теперь Киран расхаживал взад-вперед, каждый мускул его тела был натянут, как тетива. Он чувствовал, будто стрела застряла в его лёгких, потому что, сколько бы он ни глотал воздуха, казалось, он вытекал быстрее, чем следовало.

Она не могла быть внутри. Этого просто не могло быть.

Они не могли путешествовать по диким землям, соблюдая меры предосторожности, только для того, чтобы она умерла в городе Бурерождённых, как и его сестра. По его коже побежали мурашки, как это иногда бывало в городах, словно воспоминания вот-вот прорвутся сквозь его поры, и он больше не сможет их игнорировать.

Из ниоткуда, в нескольких улицах от них начался сильный ливень, быстро распространяясь, добравшись до гостиницы. Киран поднял голову к небу и с радостью ощутил, как холод оmyвает его лицо и проникает в его одежду. Он никогда не чувствовал себя чистым в городах. Хорошо, что охота удерживала его в диких землях большую часть времени, потому что он уже испытывал беспокойство, а они едва прибыли.

Он наблюдал, как пламя на крышах шипит и пар поднимается от капель дождя, ожидая, когда огонь в гостинице полностью потухнет. Откинув со лба мокрые волосы, он снова принялся расхаживать. Он не был уверен, сколько раз прошёлся вперёд и обратно перед этой гостиницей, отказываясь думать о том, что может найти внутри, но тут Рансу крикнул:

— Киран!

Его друг указал на дорогу, где сквозь стремительные потоки дождя начали вырисовываться два силуэта.

У той, что была повыше, капюшон был низко опущен, скрывая её лицо, она была не более чем движущейся фигурой на расстоянии, но он узнал бы Роар где угодно. Он запомнил всё в ней — слишком грациозное скольжение её походки, то, как она сгибала плечи, чтобы казаться ниже, когда хотела остаться незамеченной, и как для него было совершенно невозможно не заметить её.

Она двигалась осторожно, словно испытывала боль, и прежде чем он успел осознать это, он бросился к ней. Она промокла насквозь, но на её бледной щеке всё ещё виднелась полоска сажи. Когда он почти добрался до них, она повернулась и обменялась долгим, непроницаемым взглядом с Джинкс.

Чем он вдвоем занимались, что увело их из гостиницы?

Он отбросил эту мысль. Ничего из этого не имело значения, не тогда, когда он так боялся, что она была... Он покачал головой, отказываясь задерживать ещё хоть на миг на этой возможности.

Киран замедлил шаг, когда он приблизился, преодолевая последнее расстояние в несколько длинных шагов. Потом он обхватил её лицо руками и поцеловал.

Ему было всё равно, что идёт дождь или что кончики его пальцев обгорели от соприкосновения с пламенем внутри гостиницы. Он редко заботился о чём-то ещё, когда Роар была рядом. Она таяла рядом с ним и не пыталась остановить его, когда он откинул её капюшон и запустил свою здоровую руку в её короткие, небесно-белые волосы.

Несмотря на холодный дождь, её губы горели огнём под его губами. Она встретила его отчаяние без малейшего колебания, как будто знала, что его сердце может разорваться, если он не притянет её как можно ближе.

— Я не мог тебя найти. Я думал...

Она успокоила его, нежно коснувшись губами его подбородка, потом щеки, а потом прижалась лбом к его лбу. Она бормотала извинения между лёгкими, дразнящими поцелуями, и Кирану ничего не оставалось, как крепко обнять её.

Когда его сердце, наконец, замедлило свой ритм до терпимого темпа, он отстранился и спросил:

— Чем вы занимались в городе в этот час? Я думал, мы договорились, что тут небезопасно.

Слова прозвучали резче, чем он хотел, но достаточно было оглядеться по сторонам, чтобы понять, что эти слова были правдой, как всегда. Страх снова скрутил его внутренности. Хотя она была в безопасности. Даже несмотря на то, что она была в его объятиях. Он почему-то всё ещё смертельно боялся.

Вот что значит быть влюблённым? Проживёт ли он остаток своих дней в постоянном страхе, что этот кусочек совершенства, который ему был дан, будет вырван, как и всё хорошее, что было до неё?

Уголки её губ опустились вниз в хмуром взгляде, прежде чем она одарила его своим привычным пустым взглядом. Иногда он ненавидел этот взгляд. Он никогда не хотел видеть её замкнутой и бесчувственной. И его раздражало, что когда-то у него было такое же выражение лица, пока она не вошла в его жизнь и не разбила её вдребезги. Теперь его эмоции всегда были слишком близко к поверхности.

Она слегка отступила назад, выходя из круга его рук.

— Мне нужно было кое-что сделать. К тому же со мной была Джинкс.

— Мне не нравится мысль о том, что вы вдвоём были одни. Мы слишком многого не знаем о состоянии города.

— Тебе не обязательно должно это нравиться.

Когда его страх померк, он обнаружил, что раздражение заполняет оставшееся пространство.

— Что мне не нравится, так это то, что ты всё время что-то от меня скрываешь. Мы либо вместе, либо нет. Это не может быть и тем, и другим.

Роар положила руку ему на грудь, прямо над сердцем. Она выдохнула и закрыла глаза. Ему было интересно, чувствует ли она, как его сердце забилося сильнее всего лишь от одного её прикосновения.

— Я знаю, — ответила она. — Я хочу этого. Очень. Вот почему... — она замялась, расправила плечи и продолжила. — Вот почему нам нужно поговорить. Сегодня вечером.

Что-то в её голосе дрогнуло, прорвалась частица уязвимости. И хотя он уже несколько недель жаждал, чтобы она открылась ему, теперь он чувствовал себя немного... обеспокоенно. Любопытство душило его с той самой минуты, как он впервые увидел Роар. В последние дни он на пределе испытывал своё терпение, пытаясь дать ей время, в котором она нуждалась. И теперь, когда она была готова, он понял, что он-то сам может быть и не готов к этому. Что бы там ни скрывала Роар, у него было предчувствие, что это всё изменит.

* * *

Команда провела вторую половину дня, по возможности помогая гостинице убрать все

повреждения. К счастью, только верхний этаж здания получил значительные повреждения, а остальные пострадали только от слоя сажи на каждой поверхности и затаянного запаха дыма. Многим другим районам города так не повезло.

Очевидно, Джинкс была единственной, кто обеспечил ливень, который спас этот район от худшего ущерба. Но в других частях города им пришлось сосредоточиться на уборке трупов, а не только мусора.

Аврора и Джинкс были единственными, кто занимал комнаты на верхнем этаже. Поэтому, когда наступила ночь, и они сделали столько работы, сколько могли за день, охотники собрались, чтобы обсудить своё жильё на следующие несколько дней. Джинкс предложила девочкам переночевать в комнате Слай. Когда Роар начала отвечать, Киран коснулся тыльной стороны её руки.

Он наклонился к ней, прижавшись губами к её волосам, а потом прошептал:

— Останешься со мной?

Она сжала его руку и кивнула в ответ, и он поймал себя на мысли, что хотел бы оказаться с ней в комнате наедине. Он не знал, откуда берётся такая срочность, за исключением того, что города Бурерождённых всегда вызывали у него тревогу.

В диких землях он чувствовал себя как дома, какими бы опасными они ни были. Было что-то успокаивающее в осознании опасности, которая таилась вокруг тебя, в том, чтобы называть её по имени. Но в этом городе, во всех городах под контролем Бурерождённых, он остро осознавал, что люди могут причинить столько же вреда, сколько и самые свирепые бури.

Они с Роар извинились и покинули команду, но не раньше, чем он заметил ещё один недвусмысленный взгляд между Роар и Джинкс.

Эта срочность поднялась ещё на одну ступеньку. Не помогло и то, что Роар весь день была необычно тихой, и то же самое происходило сейчас, пока они поднимались по лестнице в комнату Кирана. Её брови были нахмуренными, а губы плотно сжаты. Он даже не был уверен, что она обращает внимание на то, куда идёт, её мысли были так явно обращены внутрь.

— Это не обязательно должно стать чем-то большим, чем ты хочешь, — сказал он ей.

Она подняла глаза на него и покачала головой.

— Прости. Что?

— Остаться со мной, — закончил он. — Я не просил этого, потому что хотел... я попросил, потому что хотел, чтобы ты была со мной. Вот и всё. Ни больше, ни меньше.

Роар замедлила шаг в коридоре и повернулась к нему лицом. Она подняла руку и тонким пальцем провела по кожаным ремням амуниции, которую он носил.

— Ты хороший мужчина, Киран Торн.

Он усмехнулся себе под нос. Большинство людей, взглянув на него, назвали бы его неприятностью, опасностью, если уж на то пошло. Он был рад, что она видит его иначе.

— Я мужчина, это правда. И больше, чем что-либо ещё в этом проклятом мире я хочу быть хорошим для тебя.

Крошечным пальчиком она скользнула под один из кожаных ремней и притянула его ближе, медленно, соблазнительно. В то же время она склонила голову набок и посмотрела на него голубыми глазами, которые разбили его сердце и снова собрали его воедино.

— Ты уже хорош для меня.

Она приподнялась на цыпочки и стащила ещё один кусочек его души, поцеловав уголок

его губ. Она продолжала это делать, откалывая от него кусочки, о которых он даже не подозревал.

Она повернулась и повела его к двери, протискиваясь внутрь, всё ещё держа палец на ремне. Но как только она вошла в комнату, то резко остановилась, и её рука упала. Киран последовал за ней внутрь, закрыв за собой дверь, и обнаружил, что она стоит на коленях рядом с сумкой с её вещами, крепко прижимая её к груди и глядя на него со слезами на глазах.

— Ты спас мои вещи, — сказала она сквозь слёзы.

— Конечно, я их спас. Когда началась буря, я сразу же пошёл в твою комнату. Тебя там не было, но там оставалась твоя сумка.

Она издала звук, нечто среднее между фырканьем и смехом.

— Я... я так волновалась весь день, что совершенно забыла, что оставила это в своей комнате. Я была бы опустошена, если бы вещи сгорели.

Киран проглотил комок в горле и пробормотал:

— Я был бы опустошён, если бы ты сгорела.

Роар сбросила вещи с колен и поднялась на ноги. Она подошла к нему, обвинила его руками и положила голову ему под подбородок. Он снова обнял её, и они долго стояли так. Вместе они напоминали ему какой-то жгут — словно давление, которое каждый из них оказывал на другого, закрывало все их раны.

— Никогда в жизни больше не хочу чувствовать это снова, — произнёс он в её волосы, его голос был хриплым. — Я не хочу представлять себе будущее без тебя.

Роар не ответила, но прижалась лицом ближе к впадинке на его шее. Он подумал, что она может остаться там навсегда, и обнаружил, что не очень возражает против этой идеи. Но со временем она заговорила, прошептав:

— Мне нужно рассказать тебе правду о моём прошлом, о моей жизни до того, как я ушла с тобой.

Он сглотнул, и ему вдруг стало трудно оставаться неподвижным. Ему нужно было ходить, делать что-то руками, делать всё, чтобы оставаться спокойным, несмотря на то, что будет дальше. Но каким-то образом он остался на месте.

— Я собираюсь рассказать тебе всё, — продолжила она. — А завтра мне нужно кое с кем встретиться. Я бы хотела, чтобы ты пошёл со мной, если ты всё ещё захочешь этого, когда я закончу.

Боже, он ненавидел предвкушение неведения, боязнь худшего. Хотя, честно говоря, по существу ему было наплевать на её прошлое. Ему было всё равно, кем она была раньше, и что ей пришлось сделать, чтобы выжить. Его заботило только то, кем они были друг для друга, в будущем.

Она медленно отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Прежде чем я скажу тебе. Ты можешь сделать для меня одну вещь? — спросила она.

— Всё что угодно.

— Мне просто нужен один момент, когда остальной мир не имеет значения. Мне нужен один момент, который касается только нас с тобой. Я хочу... паузу. Мне нужен покой до того, как буря продолжится.

— И как я могу дать тебе это? — спросил Киран.

Она улыбнулась полной улыбкой — не той нервной, которую он наблюдал весь день.

— Это очень просто. Ты поцелуешь меня.

Киран посмотрел в её глаза — ярко-голубые глаза наполнились эмоциями. А затем Киран отступил назад и направился к двери.

— Куда ты идёшь? — голос Роар слегка дрогнул.

Он остановился у двери и оглянулся на неё. Затем он протянул руку и повернул замок.

— Я ставлю мир на паузу.

* * *

У Авроры перехватило дыхание от тёплого взгляда Кирана. Он смотрел на неё как... как мужчина, который любит женщину, и вдруг она почувствовала себя очень взрослой. Когда она покинула Паван, всё, что у неё было, это целая жизнь ожидания — ожидание проявления своей магии, ожидание совершеннолетия, ожидание в страхе, что её тайна выйдет наружу, ожидание того дня в будущем, когда она наконец сможет стать настоящей Авророй.

А теперь... вот она. Она так много узнала о мире и о себе самой. Она столкнулась с опасностью и взяла под контроль свой собственный выбор. Она видела пустыни и горы, ходила по незнакомым дорогам. Она знала, как это выглядит, когда кто-то любит тебя. В каком-то смысле Аврора прожила больше жизни за несколько коротких месяцев с Кираном, чем все предыдущие годы вместе взятые.

Теперь она смотрела на него — тёмные волосы, ниспадающие на плечи, сильная линия подбородка, покрытая щетиной, широкая грудь. Он был ошеломляющим в свете фонарей комнаты. Его тело было большим и сильным, и она не могла не вспомнить все те моменты, когда она прижималась к нему — так близко, но всё время недостаточно близко. Неужели сегодня вечером они сделают ещё один шаг вперёд?

Её мысли были резко прерваны, когда Киран подошёл к ней — два длинных шага съели расстояние в мгновение ока. Он не прикоснулся к ней, но стоял с ней лицом к лицу, наклонив к ней голову.

— О чём ты только что подумала? — спросил он.

Она знала, что её щёки заливают румянец, чувствовала жар, но всё равно встретилась с ним взглядом. Она не была смущена, только не с ним. Когда она думала, что ей придётся выйти замуж за Кассия, у неё сдавали нервы при мысли о близости, о том, что она будет уязвима с мужчиной, которого едва знала. Но сейчас в животе у неё бурлило не от нервов, а от предвкушения. Она доверяла Кирану всем сердцем. Она собиралась доверить ему свою самую большую тайну. Было удивительно легко доверить ему и своё тело.

— Я думала о тебе, — сказала она.

— И что насчёт меня?

Она не колебалась.

— Насколько это приятно, когда ты прикасаешься ко мне.

Он что-то пробормотал себе под нос, и она знала, что он хочет улыбнуться, видела напряжение вокруг его рта, когда он попытался сдержать свои эмоции.

Он поднял руку и погладил её по щеке большим пальцем.

— Когда я прикасаюсь к тебе здесь?

Она прильнула к его руке.

— Да.

— А здесь? — спросил он, проводя пальцами вниз по её подбородку и погружая их под кожаный воротник, который она носила, и задевая чувствительную кожу её шеи.

Она подняла голову, давая ему больше места, и на этот раз ему не удалось сдержать улыбку.

— Ты уже знаешь ответ, — сказала она ему.

Он усмехнулся, и томный жар разлился в её животе. И действительно, казалось, будто бы внешний мир перестал существовать. Не было больше беспокойства, не было больше разочарования или безотлагательности, или чувства вины. Как будто у них было всё время в мире.

— Да, — ответил он. — Но мне всё равно нравится это слышать.

— Ты хочешь сказать, что твоему эго это нравится.

Он обхватил её за талию и дёрнул вперёд. Она не врезалась в него.

— Всеми мне нравится это.

А потом он поцеловал её, и время не могло двигаться достаточно быстро.

Поцелуй вспыхнул мгновенно, переходя от медленного и нежного к глубокому и страстному. Он поднял её на цыпочки, и она обвила руками его шею. Но когда этого показалось недостаточно для них обоих, он обхватил руками её бедра и полностью сбил её с ног. Она обвила ноги вокруг его талии, а затем он понёс её к кровати.

Аврора прервала поцелуй и потянула за кожаные ремни, удерживавшие её воротник и жилет. Она уже расстегнула две верхние пуговицы, когда Киран бросил её на кровать. Она удивлённо вскрикнула, а он засмеялся, забираясь на кровать рядом с ней.

— Ты мог бы предупредить меня, — сказала она, быстро расстёгивая остальные ремни.

— А что в этом интересного?

Когда она закончила с последней застёжкой, Киран помог ей снять защитный жилет, оставив её в льняной рубашке и брюках. Он снял с неё сапоги, а за ними и свои. Затем он лёг на спину и повернулся на бок лицом к ней. Она сделала то же самое.

Они уставились друг на друга, и в их глазах промелькнула нервная дрожь. Может быть, ей нужно сказать ему сейчас, пока всё не зашло слишком далеко. Она получила свою паузу. Это никогда не будет достаточно долго, но это успокоило её дух. Этого должно быть достаточно.

Киран прервал её мысли, перекатив её на спину и нависнув над ней. Верхнюю часть тела он поддерживал руками, а ноги переплёл с её ногами.

— Я думал, мы поставили паузу, — пробормотал он.

Опускаясь, пока его тело слегка не коснулось её.

— Да, — сказала она, поднимая подбородок и поцелуя его в щёку. — Но это не может длиться вечно.

— Это может продолжаться до тех пор, пока я не закончу целовать тебя.

— И сколько времени это займёт?

Он скользнул одной рукой по её талии, вниз по бедру, к изгибу её колена. Одним хорошим рывком он закинул её ногу на своё бедро, и их тела прижались друг к другу ещё крепче.

— Есть только один способ узнать.

Он наклонился к её губам. В ту ночь он подарил ей все виды поцелуев. Он начал с мучительно медленных, которые доставляли такое острое удовольствие, что почти причиняли боль. Он целовал её быстро, как будто они должны были вместить целую жизнь в одну эту ночь. Он целовал её крепко и нежно, и всё, что было между ними.

Аврора ждала, что он попросит о большем, но он так и не попросил. Она почти спрашивала себя, но обнаружила, что не возражает против бесконечных поцелуев, которые ни к чему не вели, кроме как к следующему и следующему. Это заставило её почувствовать,

что это была просто одна ночь из тысячи других, через которые они должны были пройти.

Наконец, где-то между глубокой ночью и ранним утром, когда фонарь уже достаточно прогорел, чтобы они могли видеть только друг друга, их поцелуи замедлились, и они лежали довольные в объятиях друг друга.

И наконец, Аврора поняла, что время пришло.

Её голова лежала у него на груди, его сердце билось ровно и уверенно у её уха.

— А теперь жизнь продолжается, — пробормотала она.

Он слегка напрягся, но продолжил обнимать её.

— Так оно и есть.

Она не хотела, но Аврора села и передвинулась, чтобы встать с постели. Её нервы вернулись в полную силу, и она не могла лежать с ним на кровати и произносить нужные слова.

Она подошла к единственному крошечному окну комнаты и на мгновение выглянула наружу. Она видела только верхушку дворцового купола над соседними зданиями, поблескивающую в лунном свете. Она подумала о своей матери, лежащей где-то там, больной и считающей её мёртвой.

Она была жива. Уже что-то. Но надолго ли? Насколько она была больна?

У Авроры были самые лучшие намерения, когда она уезжала, но что-то по пути пошло ужасно неправильно. И если её мать так и не получила письма от Новайи, в котором объяснялась правда об её мнимом похищении, то, скорее всего, она допустила ошибку в самом начале.

— Я не знаю, с чего начать, — наконец призналась она.

Она услышала, как скрипнула кровать, но не позволила себе взглянуть на него, слишком боясь потерять самообладание.

— Начни с самой простой истины.

Простая истина. Она могла бы это сделать. Она бросила последний взгляд на дворец вдалеке, а затем заставила себя посмотреть ему в лицо.

Тогда она призналась в своей первой лжи.

— Моё имя не Роар. Меня зовут Аврора.

Мы не свободны, когда нами правит страх.

— листовка, распространённая повстанцами

7

Аврора.

Это было красивое имя. Но что-то в нём заставило сердце Кирана учащённо забиться.

Аврора.

— Зачем лгать о своём имени? — спросил он.

Роар — нет, Аврора поморщилась.

— Это не совсем ложь, — ответила она. — Большую часть своей жизни я жила под именем Рора. Роар была просто... начало с чистого листа.

Он мог это понять. В конце концов, он сам полжизни носил имя, которое ненавидел просто потому, что вырос в месте с таким же названием.

— А зачем тебе понадобилось начинать всё с чистого листа? От чего ты бежала?

И что ещё более важно... была ли она в опасности, вернувшись в это место, из которого когда-то сочла нужным сбежать?

Она сделала глубокий, почти прискорбный вдох и сказала:

— Я должна была выйти замуж.

Он встал и практически пересёк комнату, прежде чем осознал что делает. Он заставил себя остановиться. Его сердце колотилось, шум в ушах соперничал с любым штормом, с которым он когда-либо сталкивался.

— Замуж? За кого?

В его груди поднялся клубок эмоций — гнев, ревность и страх. А потом... ужасное осознание. Кусочки стали вставать на свои места. Она была образованной, очень образованной. Она всегда говорила с такой уверенностью и повелением. Она умалчивала о своей жизни в Паване. Она хотела вернуться за своей матерью. Всё в нём замедлилось, словно он пытался освободиться от времени, чтобы не дать словам слететь с её губ.

— Я должна была выйти замуж за Кассия Локи.

Он отшатнулся. Он так долго жил с именем Локи, но теперь ему казалось, что его вырвет наружу, если он ещё раз вспомнит об этом. Он сделал шаг назад, потом ещё один. Затем он заставил себя посмотреть на неё. Один взгляд на её небесно-белые волосы, и он удивился, как не видел этого раньше. Он чувствовал себя дураком и больным до мозга костей.

— Скажи что-нибудь, — прошептала Аврора.

— А что я должен сказать? — его голос был скрипучим, совершенно разбитым, и обида на её лице немедленно осыпала его чувством вины. Но он не мог извиниться. Он был слишком занят, отчаянно используя каждую унцию контроля, чтобы не сойти с ума.

Королевская особа. В ней текла королевская кровь.

Он повернулся к двери, внезапно отчаянно нуждаясь в пространстве. Его мозг вызывал каждое подозрительное слово или момент в их истории, видя их в новом свете, и ему нужно было остановиться. Всё рушилось — и прошлое, которое они делили, и будущее, которое он себе представлял.

Она была королевской особой. Он был, во всех смыслах, преступником.

— Куда ты идёшь?

Он не ответил и, подойдя к двери, почувствовал её руки на своей спине.

— Подожди, пожалуйста. Позволь мне объяснить.

Он не сводил глаз с деревянной двери перед собой, прослеживая каждую линию, лишь бы не оглянуться на неё.

— Я всё прекрасно понимаю.

— Нет! — она хлопнула его рукой по спине, не слишком мягко. — Посмотри на меня.

— Не могу, — выдохнул он, закрыв глаза.

Он сказал, что хочет быть хорошим для неё. И она как-то умудрилась посмотреть ему в глаза, не рассмеявшись. В каком мире осиротевший отщепенец был бы хорош для будущей королевы?

Она обошла его, проскользнув между его телом и дверью.

— Я всё ещё я.

— Ты? Ничто из того, что я знаю о тебе, не является правдой.

Всё было ложью. С той самой минуты, как они встретились в Глазе, всё, что он думал, что знает — всё ложь.

Она взяла его за руку, зажала её между своими ладонями и прижала к груди.

— Мы — правда. Я не лгала ни о чём из этого.

Он в этом не сомневался. Это было частью того, что делало его таким обжигающе

твёрдым. Он любил её. Она любила его. Но это не имело значения, не в этом мире.

Если только...

Он накрыл ладонью её щеку.

— Мы можем уйти, — сказал он. — Отправиться в любую точку континента. Мы создадим новую жизнь.

Он мог на это пойти. Возможно, он и не сможет дать ей дворец, но самые рискованные охотники могли бы назвать свою цену. Он даст ей практически дворец, насколько это возможно в диких землях. Небеса, вдвоём они могли бы вырезать свою собственную территорию для защиты. Кому вообще нужны были Бурерождённые?

Она уже качала головой.

— Я не могу этого сделать. Посмотри, что произошло в моё отсутствие. Моя мать больна, город подвергся нападению, и безжалостная семья захватила моё королевство.

Слова повисли в тишине между ними. Её королевство. Он был просто отсрочкой от этой жизни, от этого места. Он был паузой, такой же, о какой она просила на сегодняшнюю ночь.

— И как именно ты планируешь вернуть своё королевство? — спросил он, и его желудок болезненно сжался. — Выйдешь замуж за принца?

— Нет, — с ужасом уперлась она.

— Ты должна, — ответил он, желчь подступила к горлу. — Это самый простой способ всё исправить.

— Если бы я заботилась о простоте, то не стала бы инсценировать собственное похищение и убегать с тобой.

Небеса над головой, он совершенно забыл эту часть истории принцессы. Солдаты, с которыми они столкнулись в диких землях, сказали, что её похитили. Что случилось бы с его командой, если бы тогда её обнаружили? Что будет с ними, если её сейчас обнаружат?

Он отстранился от неё и пересек комнату, желая увеличить расстояние между ними, когда его гнев вспыхнул с новой силой.

— Ты хоть представляешь, какую опасность ты навлекла на всех нас? Я рассказал тебе, что Локи сделали с моей сестрой. Они отправили ребёнка на виселицу за то, что тот оказался не в том месте и не в то время. Как думаешь, что они поступят с людьми, которые забрали невесту принца?

Её ярко-голубые глаза заволокло сияющими слезами, когда она ответила:

— Вы не похищали меня, я сама себя похитила.

— Это не будет иметь особого значения, когда вокруг наших шей будет петля.

Это была его вина. В его обязанности входило защищать свою команду. Слай говорила ему, твердила всем, что в истории Роар было что-то не так. Но он был слишком ослеплён чувствами к ней.

— Я знаю, — прошептала она, прерывисто всхлипывая. — Я знаю, какой эгоисткой была. Но обещаю, что никогда не позволю этому случиться.

— Ты вообще по сторонам смотришь, Аврора? Это не тот дом, который ты оставила. Всё изменилось. Ты не можешь просто прийти и потребовать свою корону обратно, если только ты не планируешь выйти замуж, чтобы сделать это.

— Есть и другие способы. Вчера я видела давнего члена моей личной охраны. Я последовала за ним.

— Что ты сделала? Кровавые небеса. А если он тебя увидел?

Боги, даже сейчас её могут искать солдаты. Он повернулся обратно к кровати, его

мысли уже были заняты упаковкой вещей. Он решил, что они должны переехать в безопасное место.

Голос Авроры остановил его.

— Он видел меня. Мы с Джинкс последовали за ним, и он привёл нас к тайному убежищу, где собираются мятежники. Они могут помочь мне выяснить, что произошло, и бороться, чтобы исправить это.

Киран прижал руки к голове, пытаясь унять жестокую боль, которая начиналась в центре лба.

— Я не понимаю.

— Я должна встретиться с ним утром, — сказала она. — Я надеялась, что ты пойдёшь со мной.

— Вряд ли, — отрезал он. — Ты покинула это место, оставила здесь всех. Ты так отчаянно хотела уйти, что последовала за незнакомцами в одну из самых опасных ситуаций, которые только можно себе представить. И теперь ты хочешь сражаться и, возможно, умереть в какой-то революции за это место? — его голос становился всё громче, а разочарование всё труднее было обуздать. — Даже если ты победишь, где-то за этими воротами есть безумец, который, вероятней всего, планирует превратить этот город в пыль и пепел, как он сделал с предыдущим городом. Завтра мы можем вернуться в дикие земли, снова охотиться на бури и жить так, как нам хочется.

Она скрестила руки на груди, и Киран возненавидел, насколько уязвимой она выглядела.

— Ты хочешь, чтобы я убежала?

— Да! — воскликнул он. — Ты уже сделала это однажды, какая разница?

— Я никогда не планировала оставаться в стороне, — закричала она, её дыхание стало прерывистым.

Он уставился на неё и на мгновение возненавидел её. До её появления его жизнь была такой простой. Он боролся с бурями, зарабатывал деньги и жил каждый день так, как ему хотелось, словно это был его последний день. А потом она расколола его и заставила чувствовать и хотеть то, чего он никогда не позволял себе желать. Он начал думать о том, каково это — планировать настоящее, мечтать о будущем. И теперь он знал, что всё это было ложью. Здесь не было будущего. Только не между ними. Она была Бурерождённой. Он был никем.

— Киран, — пробормотала она, шагнув к нему.

Он поднял руку, желая остановить её.

— Не надо, не трогай меня.

Он не знал, что будет делать, если она прикоснется к нему. Он никогда не причинит ей боль, не нарочно. Но он никогда не испытывал столько эмоций одновременно. Он не знал, плакать ли ему, кричать или умолять её уйти вместе с ним. И он ненавидел чувствовать себя таким неуправляемым.

Ему нужно было уйти. Сейчас же. Он подошёл к кровати и сунул ноги в ботинки. Взяв со стула в углу, он натянул ремни с припасами и пальто.

— Киран, пожалуйста. У меня не было намерений причинить тебе боль.

— И каковы же были твои намерения?

Она пожала плечами, её глаза блестели от слёз.

— Я хотела быть счастливой. Я хотела сама выбирать свою жизнь, а не позволять

другим выбирать её за себя.

— Разве не это происходит сейчас? Ты чувствуешь себя виноватой, потому что ушла, и теперь ты собираешься убить себя за это. Если ты идёшь против Локи, им всё равно, кто ты. Принцесса или крестьянский ребёнок... они уничтожат любого на своём пути.

— Я ушла, с целью стать той женщиной, которой должна была стать для защиты своего королевства. И теперь пришло моё время сделать это.

— Ты же Бурерождённая. Что ещё тебе нужно было?

Она коснулась рукой своего сердца, где Киран мог видеть яростное сверкание бури небесного огня в её груди через ткань рубашки, и последний кусочек головоломки встал на место.

— Тебе нужна была магия, — сказал он.

Она кивнула.

— Моя так никогда и не проявилась, по крайней мере, мы все в это верили. Вот почему я должна была выйти замуж за Кассия. Он был достаточно силён, чтобы компенсировать мои... недостатки. Но потом я встретила тебя, и всё изменилось. Я поняла, что не должна оставаться беспомощной.

Значит, они всегда были для неё закладным камнем. Средство для достижения цели. Она использовала бы их, чтобы получить власть, а затем оставила бы их, чтобы вернуться домой... торжествующей Бурерождённой.

— Понимаю.

— В тот день, Киран, ты спас мне жизнь. Ты удержал меня от совершения самой большой ошибки в моей жизни.

— Неужели? По мне так, я был ошибкой. Если бы ты никогда не встретила меня, город не был бы в смятении, у тебя всё ещё была бы твоя корона, и ты была бы со своей матерью и своими друзьями там, где твоё место.

— Моё место рядом с тобой.

Она говорила настолько искренне, так сладко. И от этого ему лишь ещё больше захотелось бежать, далеко и быстро.

— Но мне здесь не место, принцесса, — его губы скривились в горькой печальной улыбке. — И никогда не будет.

Потом он открыл дверь и вышел.

* * *

На следующее утро Аврора оставалась в гостинице так долго, как только могла, ожидая возвращения Кирана. Джинкс была с ней, и они почти не разговаривали. В этом не было необходимости. Аврора и Киран разбудили своим спором большую часть гостиницы. И в то время как остальные понятия не имели, что вызвало все эти крики, Джинкс знала это, без надобности услышать из первых уст.

Наконец, когда она больше не могла ждать, Аврора сказала:

— Ты не должна идти. Это мой бардак. Я не буду втягивать в это остальных.

Она встретила взглядом с ведьмой и вздрогнула, увидев в её глазах настороженность. Джинкс могла быть здесь, но было ясно, что у неё есть опасения.

— Почему ты нам не сказала?

Аврора беспомощно пожала плечами.

— Всю мою жизнь мама внушала мне, что я не могу доверять никому, кроме себя. Секреты... это то, что я знаю. Кроме того, и так было достаточно трудно уговорить Кирана

разрешить мне присоединиться к команде. Если бы он имел хоть малейшее представление о том, кто я, он бы никогда этого не допустил.

— Это было тогда. Но за все последующие недели разве мы не сделали достаточно, чтобы заслужить твоё доверие?

В грудь Авроры вонзился камень. Для девушки из плоти и костей, она чувствовала, что нанесла больше вреда, чем один человек должен был быть способен.

— Конечно же, вы заслужили доверие. Но к тому времени это было уже слишком опасно. Солдаты искали меня, и моя магия вышла из-под контроля. По правде говоря, были дни, когда я думала о том, чтобы остаться Роар навсегда.

— Думаю, в этом-то и проблема. Все мы в каком-то смысле одиночки. Мы не формируем привязанности легко. Но ты была одной из нас. В команде нет ничего важнее доверия. Мы все были бы мертвы уже раз сто, если бы у нас этого не было. Мы пригласили тебя в самую близкую нам всем семью, а для тебя это было временно. Как мы должны реагировать на это?

— Не знаю, — ответила Аврора, чувствуя, как внутри у неё всё разрывается. — Не думаю, что я могла предвидеть всё это. Я не знала, что влюблюсь в Кирана. Я не знала, как сильно буду любить вас всех.

— Но как только ты это поняла, ты всё равно утаила свой секрет. Ты никогда не впускала нас так, как мы впустили тебя.

— Я совершила ошибку. Если бы я могла вернуться и изменить ситуацию, я бы это сделала. Потому что я никогда не была счастливее, чем за время, проведённое в этой команде. Но как я смогу жить дальше, если сейчас отвернусь от этих людей? Каждый день я буду понемногу умирать, зная, на какую судьбу их обрекла. Я умираю сейчас, зная, что за этими воротами остались уязвимые и страдающие люди. Я знаю, что Бурерождённые не известны своим состраданием, но это то, что я хотела бы изменить. Что я буду менять.

Джинкс покачала головой.

— Ты даже говоришь как принцесса.

— И это плохо?

Джинкс взяла Аврору за руку и крепко сжала её.

— Нет. Все хотят иметь возможность изменить мир. А ты на самом деле можешь это сделать. Я надеюсь, что ты сделаешь всё, что ты хочешь сделать, и даже больше. Я искренне верю, что ты можешь. Но если ты сделаешь это... ты должна поставить этих людей выше всего остального... твоих собственных потребностей, желаний и страхов. Иначе это не сработает. И это прекрасно понимает Киран. Он знает, что ты будешь принадлежать своему народу больше, чем когда-либо будешь принадлежать ему.

Аврора кивнула, услышав, как Джинкс повторила его последние слова из их ночного спора.

Мне здесь не место.

Как ни странно, она чувствовала то же самое всю свою жизнь. Даже сейчас... она никогда не будет обычной Бурерождённой. Но она любила свой дом и верила, что он может быть лучше.

— Просто дай ему немного времени. Нам всем слишком сложно это осознать, Ваше Высочество, — Джинкс отвесила дразнящий полупоклон.

Аврора застонала.

— Пожалуйста, не начинай. Так приятно, когда с тобой обращаются как с нормальным

человеком.

Джинкс постучала пальцем по подбородку.

— Я ненавижу быть той, кто ломает твой мир, но ты далека от нормы.

— Говорит женщина, которая вела битву с виноградной лозой, которую сама же вызвала из ниоткуда.

— Это было невероятно впечатляюще, правда.

— Так и было, — сказала Аврора с улыбкой. — Ты всегда такая.

Джинкс застонала и театрально взмахнула рукой.

— Хватит болтать о пустяках. Не хочу подхватить твои эмоции.

Она прикрыла рот рукой, как будто слёзы в глазах Авроры были заразны.

Впервые за всё утро почувствовав искру лёгкости, Аврора обняла Джинкс. Ведьма запротестовала достаточно громко, чтобы услышали соседи, но без колебаний обняла Аврору в ответ.

Аврора не осознавала, как близка была к срыву, пока объятия не оттеснили её от края пропасти.

— Может, ты и принцесса, — прошептала Джинкс, — но для меня ты всё ещё новичок, — Джинкс оттолкнула её, отряхиваясь, как будто объятие оставило после себя следы. — Мы опаздываем на вашу встречу.

— Мы? — спросила Аврора.

— Конечно. Как будто я позволю тебе получить всё удовольствие.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Тавен наверняка будут гадать, где она. Если она не доберётся до места встречи в ближайшее время, он начнет её искать. Она натянула капюшон и вместе с Джинкс выдвинулась в путь быстрым шагом.

Сегодня улицы были уже более оживлёнными. Ущерб от вчерашней бури небесного огня оказался обширным. И с восходом солнца люди тоже поднялись, чтобы починить свои дома и разобрать обломки. Как бы сильно она ни страдала, вид всего этого разрушения только укрепил её уверенность в том, что она принимает правильное решение. Она не позволит Павану стать таким же, как Калибан — ничего, кроме историй и мифов, не останется в руинах. Она читала историю осады Калибана и последних отчаянных попыток Финнеса Вольфрама спасти свой народ больше раз, чем могла сосчитать в детстве. Она видела себя в чужаке, которым был Финнес — благородный Бурерождённый по рождению, но авантюрист и моряк по призванию. Он не был тем, что общество ожидало от благородного лорда, и, в конце концов, именно он восстал в самые тёмные моменты жизни города.

Теперь настала очередь Авроры сделать это. Она не была особенно хорошей принцессой. Но она принадлежала Павану, а Паван ей, и она будет бороться за него до последнего вздоха, как это делал герой её детства на морях.

Когда они добрались до укрытия мятежников, Тавен уже ждал её, явно расстроенный.

— Слава богине, — сказал он.

А потом он поклонился ей прямо на улице.

— Выпрямись, — прошипела она. — Кто-нибудь может увидеть.

Джинкс только лишь хмыкнула за спиной Авроры.

— Мне всё равно, — ответил Тавен. — Ты жива. Будет лучше, если люди узнают. Они будут более склонны сопротивляться.

Это было не похоже на Тавена — быть таким беспечным или таким эмоциональным. Но, конечно, она понятия не имела, через что он прошёл за эти месяцы. Но она собиралась

это выяснить, и её желудок сжался от страха.

— Давай зайдём внутрь. Нам нужно о многом поговорить, прежде чем мы доберёмся до этого момента.

Он убрал фальшивые растения, покрывающие дверь, и жестом пригласил девушек идти первыми. Затем он спустился следом, натянув камуфляж на место, и закрыл дверь.

Сегодня в первой комнате уже горел фонарь. Тавен взял его и повёл их к двери в правой части комнаты. Дверь, как оказалось, была заперта, потому что он постучал — три раза подряд, затем последовала пауза и ещё два более медленных стука. Аврора услышала, как щёлкнул замок, а затем дверь открылась, и на пороге показался человек, стоящий на страже, вооружённый злобно изогнутым клинком. За ним простирался поразительно длинный коридор, освещённый фонарями с небесным огнём. С каждой стороны располагалось по несколько комнат, большинство из которых, казалось, были заполнены припасами. Тавен прошёл мимо них к закрытой двери в конце коридора. На этот раз не было никакого тайного стука, только несколько быстрых жёстких ударов.

Аврора услышала глубокий, гортанный смех внутри, которым могла обладать только Зефир — ведьма воды. Аврора едва ли успела переварить эту новость во всех вытекающих последствиях. Конечно, Джинкс говорила ей, что существуют ведьмы с многочисленными способностями, но Аврору так долго учили, что ведьмы вымерли, что каждый раз, когда эти уроки оказывались неверными, она вновь испытывала потрясение.

Смех приблизился, а затем дверь распахнулась как раз вовремя, чтобы они увидели голову Зефир, откинутую назад в веселье — её растрёпанные волосы были такими же тёмными, как пространство между звёздами.

Она повернула голову, улыбнулась им и сказала:

— Заходите, заходите.

Аврора шагнула внутрь первой, и её сердце сжалось так сильно, что у неё перехватило дыхание.

— Мне сказали, что вы знакомы, — сказала Зефир, возникая рядом с Авророй. — Я и сама была потрясена, когда Локи нашёл меня прошлой ночью, — Зефир поморщилась и добавила. — Извини. Киран. Или ты предпочитаешь Торн?

— И то и другое подойдёт, — глубокий голос Кирана был ударом в грудь.

— К этому придётся привыкнуть, — добавила Зефир.

Аврора не могла пошевелиться. Она однозначно лишилась дара речи. Её сердце колотилось о грудную клетку, словно кто-то пытался протолкнуть его сквозь щели.

— Он рассказал мне целую историю, — продолжила Зефир, проходя мимо Авроры и возвращаясь к своему столу в центре комнаты, на который Киран опирался так, словно был там тысячу раз.

Ведьма сделала короткую паузу и почесала голову дикой кошки, которая свернулась калачиком на плюшевой подушке в углу, а потом вернулась на своё место. Выражение лица Кирана было пустым, деловым, и Аврора с трудом сдержалась, чтобы не заплакать.

— Спасена от похитителей в разгар бури. Боже, какая же ты счастливица, — Зефир снова рассмеялась, и на этот раз её смех не был таким искрящимся.

Он солгал ради неё? Она вовсе не собиралась говорить всю правду, особенно этой женщине — Зефир. Но его жёсткий, напряжённый взгляд встретился с её взглядом, и она поймала себя на том, что кивает вместе с его рассказом.

— Да. Действительно, очень повезло, — она не удержалась и добавила: — Я не могла

быть более благодарна за то, что встретила его.

Он отвёл взгляд, и она изо всех сил постаралась, чтобы боль не отразилась на её лице.

— Откуда вы двое знаете друг друга? — спросила Аврора.

Зефир улыбнулась и села за свой стол.

— У нас схожие интересы.

У Авроры скрутило живот, и она подумала, что её сейчас стошнит. Он оставил её накануне вечером, чтобы найти эту женщину. Почему? Она так остро ощущала точное расстояние между ними, что едва заметила, как Тавен закрыл дверь и мягко подтолкнул её к стулу.

— Зефир была владелицей Глаза, — сказал Киран. — Хотя она предпочитала держать это в секрете. Несколько лет назад я специально охотился за ней.

— Да, жаль, что Глаза больше нет, — сказала Зефир, хмуро сжав полные губы. — За это мы должны благодарить твоего почти мужа.

Наконец Аврора нашла в себе силы заговорить.

— Так это Кассий уничтожил Глаз?

Водяная ведьма пожала плечами.

— Технически рейд возглавил его брат, но поскольку Кассий руководит военными, я уверена, что это было сделано по его приказу.

— Откуда ты знал, где её искать? — спросила Аврора, снова переводя взгляд на Кирана, надеясь, что он не заметит боли в её глазах.

Если он знал, как связаться с предводителем Глаза, то почему не сделал этого с самого начала?

На мгновение ей показалось, что он полностью проигнорирует её, но потом он пожал плечами.

— Джинкс упоминала, что лидером восстания была водяная ведьма. Я знаю только одну в Паване, так что я пошёл в таверну, где как я знал, могу получить её сообщение.

Быстрый взгляд на Джинкс подтвердил это. Но Аврора по-прежнему ничего не понимала. Он был так против её участия в мятеже, а потом взял и пошёл прямо к женщине, которая его возглавила? Во что он играл?

Ей хотелось засыпать его вопросами, но она не хотела делать этого здесь, перед женщиной, чьи глаза скользили по его спине, словно он был особенно впечатляющим произведением искусства.

Поэтому вместо этого она заставила себя поднять глаза на Тавена и сказала:

— Расскажи мне всё.

В течение следующего часа она слушала, как Тавен рассказывал историю падения её королевства, начиная со дня её похищения и продолжая изнурительные поиски. Она тут же почувствовала себя виноватой, поскольку было ясно, что Тавен воспринял её исчезновение невероятно тяжело. Именно поэтому он и вошел в войска Локи, чтобы принять участие в её поисках. Новости оказались хуже, чем она опасалась. Это было намного серьезней, чем оборыши за пределами, которые страдают. Глаз был выжжен в демонстрации силы, когда Локи впервые захватили власть. Единственная причина, по которой не было массовых жертв, заключалась в том, что Тавен вовремя успел передать сообщение Зефир, и они успели эвакуироваться. Это было началом его отношений с сопротивлением. Он рассказал ей о сослуживцах, убитых за отказ перейти на другую сторону. Он рассказал ей о всё возрастающем количестве бурь, появляющихся почти из ниоткуда, и о людях, которые

страдают, когда Бурерождённые не успевают обеспечить укрытие.

— А моя мать? — спросила Аврора. — Как она могла всё это допустить?

Тавен скорбно покачал головой.

— Когда королева узнала, что тебя похитили... она не то чтобы потеряла надежду, но казалось, что с самого начала у неё её и не было. Она была опустошена, превращена в руины своим горем. Она легла в свою постель и с тех пор не покидала её.

— Ты видел её?

Тавен кивнул.

— Она смотрела прямо сквозь меня.

— И она всё ещё там?

— Насколько я знаю.

Теперь Аврора знала, что для неё важнее всего. Она не знала, что её мать чересчур эмоциональна, но если бы она не получила записку Авроры, то поверила бы, что Аврору действительно похитили из-за её способностей Бурерождённого. А поскольку Аврора не обладала такими способностями, похитители вполне могли счесть её никчёмной.

Аврора откашлялась, желая добиться того, чтобы её голос не дрогнул.

— А Новайя... она здорова?

Рот Тавена слегка приоткрылся, и он вздрогнул.

— Ваше Высочество, я полагал, что вы знаете.

Она поморщилась от такой чести, но перешла к делу.

— Знаю что?

— Что она помогла организовать ваше похищение.

Аврора вскочила с места.

— Это неправда.

Глаза Тавена широко распахнулись.

— Её допрашивали. В её комнате нашли большую сумму золота и сердце бури, которое принц Кассий подарил вам.

Она инстинктивно повернулась и обнаружила, что челюсть Кирана окаменела, а глаза угрожающе уставились в пол.

— Я отдала ей сердце бури, потому что оно ничего для меня не значило. Она его не украдала. И она не имеет никакого отношения к моему похищению, — ответила Аврора.

— Вы уверены? — спросил Тавен.

— Конечно!

Он нахмурился, и его взгляд стал серьёзным.

— Она в подземелье. Принц поместил её туда в тот же день, когда вас похитили.

Аврора чуть не потеряла равновесие. На самом деле она и впрямь потеряла равновесие, и единственная причина, по которой она не растянулась на полу, была в том, что кто-то поймал её.

Киран.

Она чувствовала его за своей спиной, своими большими руками он обнимал её за талию. Ей ничего так не хотелось, как повернуться в его объятиях и молить об утешении. Но она удержалась на ногах и отступила к Тавену.

— Мы должны помочь ей.

— И вот поэтому мы здесь, — протянула Зефир. — Помочь им всем. Страдают не только твои друзья и семья.

— Я знаю, — отрезала Аврора.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила Зефир

Аврора вздёрнула подбородок и пристально посмотрела сначала на Зефир, потом на Тавена и, наконец, на Кирана. Она не заметила ни намёка на эмоции на его лице, но он не отвёл взгляда. Это была проблема, и они оба знали это... она хотела помочь, но не имела ни малейшего понятия как.

Может она и обращалась хорошо с ножом и неплохо владела рукопашным боем, но она не была солдатом. Поздно по ночам она всё ещё кипела от горя по душе, чья магия теперь жила в её груди. И это была буря, уже прожитая жизнь. Как она вообще могла подумать вступить в настоящую войну?

— Не знаю, — наконец ответила Аврора.

Зефир поднялась из-за стола и подошла к Авроре.

— Первое, что ты должна сделать, это решить, где ты проведёшь линию.

— Какую линию?

— Как далеко ты готова зайти, чтобы спасти народ и вернуть себе корону? На какие компромиссы ты готова пойти? Сдаться? Предать? Насколько сильно ты хочешь запачкать свои королевские руки? — когда она задала этот вопрос, Зефир подняла свою собственную руку, украшенную угрожающей красной перчаткой.

Авроре хотелось ответить немедленно, заявить, что она сделает всё, что потребуется, но она знала, что в этом решении на карту поставлено гораздо больше, чем её собственная жизнь.

— И как только я проведу эту линию, — сказала Аврора, — что будет дальше?

— Тогда мы используем одну проблему для решения другой. Нет смысла побеждать Локи только для того, чтобы их уничтожил Повелитель бурь. И не будет большой пользы в том, чтобы свергнуть Локи, если не останется королевства, которым можно было бы править. Из того, что Тавен рассказал нам о взаимодействии Повелителя бурь с солдатами Локи в поле, он кажется особенно заикленным на этой семье, даже дразня их своими убийствами. Если нам повезёт, они всё, что он хочет. Таким образом, логическое решение состоит в том, чтобы доставить семью Локи к Повелителю бурь, либо тайком, либо насильственным восстанием.

Это был хороший план, даже если от него у неё скрутило живот. Она желала очень многого семье Локи, но желала ли она им смерти? Или, может быть, даже хуже? Про Повелителя бурь говорили, что он безумен и жесток. Если ему действительно нужны Локи, что он будет с ними делать? И разве можно было сказать, что он остановится, как только получит желанных Бурерождённых? Но это был план, нечто осязаемое, над чем они могли бы работать, и это было больше, чем имела она. Пока этого должно быть достаточно.

— С чего мы начнём? — спросила Аврора.

Зефир рассмеялась.

— А что, если я вообще не хочу, чтобы ты участвовала? Ты просто ещё одна Бурерождённая, которая растопчет всех нас. Это моя революция. Если ты хочешь быть частью этого, тебе нужно будет доказать свою ценность.

Аврора вздёрнула подбородок и встретила взгляд Зефир своим жёстким взглядом.

— А если я решу, что будет лучше начать свою собственную революцию? Тавен будет на моей стороне, не так ли? — солдат выглядел смущённым, но он бросил на Зефир один серьёзный взгляд, а потом кивнул головой.

— Моя обязанность защищать вашу жизнь, — ответил он.

— Не говоря уже о том, — продолжила Аврора, — что я провела восемнадцать лет, исследуя залы и комнаты этого дворца. Никто не знает его лучше меня, и небесный огонь, который течёт по моим венам, откроет ворота дворца.

Этот пункт был немного блефом. Она надеялась, что небесный огонь в её груди сработает так же хорошо, как и обычное родство с Бурерождёнными, но она не знала наверняка.

— Ты и правда ведёшь жёсткую игру, — сказала Зефир, её красивые, тёмно-красные губы изогнулись.

— Я ещё не предложила тебе сделку. Но я готова к этому.

Брови Зефир поднялись, и ленивая, незаинтересованная сутулость исчезла из её позы.

— Расскажи мне.

Аврора глубоко вздохнула.

— Помогите мне спасти моё королевство, помогите мне получить трон Павана, и ты сможешь вновь открыть Глаз, на этот раз как законное предприятие, защищённое от судебного преследования.

Все в комнате уставились на Аврору, как будто у неё выросла вторая голова.

— Вы, конечно, всё ещё будете рисковать привлечением к ответственности за тёмные дела, которые иногда совершаются на рынке. Головорезы и воры, а также любые другие лица, совершившие насильственные преступления, подлежат суду в соответствии с законом. Но я обещаю, что магия больше не будет рассматриваться как преступление.

На мгновение Зефир казалась почти ошарашенной, но она быстро пришла в себя и протянула руку в перчатке.

— Ты заключила сделку, принцесса.

И вот так... Аврора присоединилась к революции.

Не наш король. Не наше пристанище.

— Написано мятежником на городской стене.

8

В ту ночь Аврора рассказала всей команде о своей личности и намерении участвовать в восстании. Она была готова к худшему, к тому, что все они возненавидят её за то, что она солгала и заманила их обратно к Павану. Но, к её удивлению, никто не кричал и не бушевал так, как Киран.

Бейт был первым, кто выступил в её поддержку.

— Значит ли это, что мы будем драться? С помощью магии? Вы не представляете, как долго я ждал, чтобы применить всю эту магию бурь хоть во что-то, что не касается питания Скалы или ослабления другой бури. Если мне удастся что-то взорвать, считайте, что я в деле.

Аврора была крайне удивлена, когда следующим со своего места поднялся Дьюк. Он не был шокирован её заявлением, но странно смотрел на неё, словно увидел перед собой совершенно другого человека.

— Не знаю, насколько полезен будет старик, но я никогда не участвовал в революции. Кажется, я должен это сделать до того, как умру.

Аврора проглотила комок в горле, внезапно осознав, каким хрупким показался мудрый старик. Он положил руку на её плечо, и она накрыла ладонью его руку. Он сжал её плечо, затем посмотрел на охотника, маячившего у дальней стены комнаты.

Киран выглядел ещё более сердитым, чем накануне вечером. Это отражалось на его

лице столь же ясно, как гроза на горизонте.

— Ты, правда, планируешь узаконить магию помимо магии Бурерождённых? — спросила Джинкс. — Всю магию?

— Всю магию, — подтвердила Аврора. — Я видела, на что ты способна, Джинкс. И хотя я, возможно, знаю об этом не так много, как хотелось бы, я уверена, что вся ложь, которой меня учили в детстве, просто пуста. То, что ты делаешь, не является злом и не идёт в разрез с природой, как и то на что способна я. Так что независимо от того, исходят ли наши способности от богини или от чего-то совсем другого... отношение к тебе и ко мне должно быть одинаковым.

— Тогда я тоже в деле, — сказала Джинкс.

Удивительно, но следующей была Слай. Она по-прежнему не проявляла дружелюбия к Авроре, как и к Роар, и поставила условие о своём участии.

— Больше никакой лжи, — потребовала Слай. — С этого момента мы заслуживаем твоего доверия и всей правды.

— Вы получите это, — пообещала Аврора.

Рансу заговорил последним и тоже взглянул на Кирана, прежде чем ответил:

— Я всё равно немного заскучал, — сказал он. — Небольшие перемены не будут лишними.

Она ждала, не зная, хочет ли она обратиться к Кирану перед всей группой, или подождать, пока они смогут поговорить наедине. Но он удивил её, шагнув вперёд и обратившись к группе в целом.

— Ну, теперь, когда вы все согласились. Вы должны знать, что я добровольно пожертвовал наши оставшиеся магические припасы во время встречи с Зефир прошлой ночью.

У Авроры отвисла челюсть.

— Что ты сделал?

Он был категорически против её участия, а теперь добровольно предложил свои услуги? Она не думала, что он может быть более раздражающим, чем тогда, когда он впервые начал обучать её, но это превзошло даже то раздражение. Все те мучения, через которые он заставил её пройти прошлой ночью, а теперь он просто был в деле?

Но когда он посмотрел на неё тем же холодным, бесчувственным взглядом, она поняла, что он делает это не для неё.

— Я долго ждал, чтобы наказать Локи за то, что они сделали с моей сестрой. Чтобы наказать Бурерождённых за то, что они сделали с тысячами таких же семей, как моя. Похоже, это может быть моим лучшим шансом.

Если бы сердце Авроры уже не было разбито — это бы её добило. Он посмотрел на неё так, словно она была заодно с Локи. И после того, как она поступила, думая только о себе, а не о том, что будет с её матерью, Новайей или охотниками, которых она сделала своими невольными сообщниками, возможно, она это заслужила.

— Ну что ж, — сказала она группе. — Мы начинаем восстание под прикрытием очередной бури. Так что будьте готовы.

* * *

Тринадцать лет назад.

Первый ребёнок умер от лихорадки после нескольких дней бесконечного дождя и ветра. Девочка была совсем юной, слишком юной, и когда прошлой ночью Круз заснул,

свернувшись калачиком в углублении скалы, которую он считал своей, она бредила и дрожала, но была жива. Когда он проснулся на следующее утро, она сидела, крепко обхватив руками ноги, положив голову на колени, и невидящими глазами смотрела на лес.

Кэсс попыталась разбудить её, но при малейшем прикосновении девочка упала, её конечности одеревенели и застыли на месте, как при смерти. Другая девочка, возможно подруга, попыталась изменить позу, в которой та умерла, но тело было оцепеневшим... девочка, съежилась в попытке удержать тепло, которое так никогда и не придёт.

Это вызвало такой поток воплей и рыданий, что у Круза заболела голова и задёргались глаза. И поэтому он снова побрёл в лес, ища что-нибудь, что могло бы отвлечь его от этой ситуации.

Круза не беспокоила смерть, хотя, возможно, ему следовало бы волноваться. Вместо этого он боялся медленного движения навстречу смерти, которое ему придётся пережить вместе с остальными. Ему было ясно, что дети долго не протянут в этой суровой обстановке. Не было никакого сомнения, что это было намерением их похитителей — позволить природе раздавить их. Но он отказывался поддаваться слабости окружающих. Тёмный шёпот наступал чаще, и Круз обнаружил, что борется с приступами гнева. Он боялся, что сорвётся, если ему придётся слушать их плач ещё один день.

Он должен был найти способ выжить самостоятельно.

Именно тогда он почувствовал это — ещё один провокационный шепот, который преследовал его с момента прибытия в дикие земли. Но этот был ближе, больше похожий на дуновение ветра. На этот раз Круз не проигнорировал его. Вместо этого он искал его.

Он развернулся, осматривая джунгли вокруг себя. Всюду была зелень — в лианах, листьях и деревьях над головой, а также в подлеске у его ног. Стволы деревьев тянулись всё дальше и дальше, пока его глаза не затуманились от попытки сфокусироваться на чём-нибудь вдалеке.

— Кто там? — окликнул он.

Шёпот снова обвился вокруг его уха, бормоча невнятные слова страсти и решимости, от которых что-то в его груди поднялось в ответ.

— Где ты? Что ты?

На этот раз никто не ответил. Но щекотание поползло вверх по его шее, а затем он увидел вспышку чего-то в своём мысленном зоре. Это был тот самый лес, но не такой. В образе над головой вспыхнул небесный огонь, вокруг него попадали деревья, и раздался крик, такой громкий.

Зрелище длилось всего мгновение, прежде чем настоящее вернулось в фокус, и Круз обернулся, ища источник, в то время как крики всё ещё отдавались эхом в его ушах.

Пришло ещё одно видение, на этот раз более длинное. Бежали дети, скользя по мокрой грязи, отчаянно пытаясь спастись от чего-то. Видение повернулось назад, как будто он оглянулся, и он увидел деревья, освещённые огнём, который летел, как стая птиц с ветки на ветку, преследуя его, потрескивая ужасным предупреждением по мере приближения. Круз бежал и бежал, но огонь был быстрее.

Затем деревья начали падать. Огромные деревья старше, чем он мог себе представить, падали, сотрясая саму землю. Огонь распространялся, как дыхание монстра, разжигая подлесок и гниль, которые были под покровом деревьев, словно это была не более чем растопка. Прежде чем Круз осознал это, пламя оказалось перед ним и рядом с ним, а также позади него. Он вертелся, вертелся и вертелся, уверенный, что где-то есть брешь, ему только

надо найти её. Но дым становился всё гуще, голова болела, а лёгкие горели с каждым вдохом. Он и несколько других детей собрались в центре небольшой поляны, спина к спине, а огонь всё приближался, ожидая.

Ожидая смерти.

Вздрыгнув, Круз вырвался из видения и прижал руку к ближайшему дереву, чтобы убедиться, что оно стоит. Он почувствовал влажную кору на своей ладони, пытаясь восстановить дыхание, и смутился, заметив, что по его щекам текут слёзы. Он грубо провёл костяшками пальцев по коже, стирая слабость, и осмотрел местность вокруг себя более внимательно, отмечая поваленные деревья, над которыми кусты и мох росли так густо, что Крузу оставалось только догадываться, что с момента их падения прошла целая вечность.

— Ты умер здесь? — пробормотал он, зная, что голос не имеет значения, особенно в этом странном, призрачном месте, где он оказался.

Его захлестнула волна эмоций, более сильная, чем поток дождя, который они пережили за те дни, что провели здесь — печаль, сожаление, страх, но больше всего — ярость.

— Тебя оставили тут как меня? — спросил он. — Оставили умирать?

Он получил ещё одну вспышку образов, на этот раз кареты, подобной той, что доставила его и других в это место — но больше похожей для перемещения скота, чем детей, — а затем всплыл образ города у моря, который он когда-то называл домом.

Локи.

Тогда Круз дал себе обещание. Он сделает всё, чтобы выжить в этом диком крае. И когда-нибудь, сколько бы дней это ни заняло, он отомстит тем, кто это сделал. Не только за него, но и за всех тех, кто умер в этом месте до него.

* * *

После ещё нескольких встреч планы были составлены и под грохочущий шум грозы Аврора начала свою первую миссию в восстании. Она была укутана с головы до ног, её личность была скрыта, но не от лишних глаз, а для необходимости ночной работы. Если бы она не надевала одежду из толстой кожи, любой смог бы увидеть странный свет, который, без сомнения, беспорядочно пульсировал в её груди вместе с тревожным биением сердца. И это был единственный секрет, который она собиралась хранить как можно дольше.

Острый взгляд голубых глаз Авроры скользнул по верхушкам дворцовых стен. Посты наверху должны быть пусты, во время бури солдаты обычно отступали к башням, расположенным на каждой из сторон света, выступая второстепенным уровнем защиты для Бурерождённых, сражающихся с высоты на куполе дворца. Но всё равно, её взгляд метнулся вверх, она желала осмотреть стены на всякий случай. Аврора слышала приближающиеся лёгкие шаги Джинкс, и её сердце кувыркалось между каждым прерывистым вздохом. Остальные мятежники наблюдали за ней издалека, ожидая её сигнала. Как и её товарищи-охотники, слепо следовавшие за ней в этот хаос, хотя она и не заслуживала их преданности.

Сегодня ночью мятежники проникнут во дворец, который когда-то был её домом. И Аврора будет той, кто откроет дверь. Или врата, так сказать.

Аврора замедлила шаг и встретилась взглядом с Джинкс, ведьма кивнула в знак готовности. На лице подруги не отразилось ничего, кроме уверенности. Присутствие Джинкс рядом с ней немного успокаивало нервы Авроры, но с Кираном она чувствовала бы себя лучше, и в то же время хуже. С ним всё было... сложно. Они всё ещё казались частью той же самой команды. Они взяли на себя обязательства по тому же самому восстанию. Они

даже спали под крышей одной и той же гостиницы. Но это единственное, что осталось прежним.

Их взгляды редко встречались, да и когда встречались, его глаза были непроницаемы. Он любой ценой избегал оставаться с ней наедине, быстро исчезая после встреч с мятежниками или с другими охотниками. Девочки спали вместе, как и предполагалось изначально, и та ночь, которую она провела в комнате Кирана, была больше похожа на сон, чем на воспоминание. Словно и не было тех недель, что они провели вместе в диких землях. Он вычеркнул её из своей жизни, как будто она была не более чем сноской в длинной истории.

Так что было к лучшему, что он был назначен частью группы проникновения. Она беспокоилась о нём, о риске, на которой пошло восстание, но если он уйдёт с мятежниками, то не сможет помешать её собственным планам. На их встречах было решено, что Аврора «слишком ценна», чтобы внести свой вклад в миссию, кроме самого необходимого — а следственно их с Джинкс нынешний подход к дворцовым воротам, которые могли быть открыты только кем-то из Паванского рода (или кем-то, кто владел магией небесного огня, как они).

Но она уже не была той Авророй, которая выросла в Паване, вынужденная из опасения позволять другим принимать её решения. Она перестала видеть свою ценность в виде приза, который нужно держать подальше и охранять, и лишь иногда играть, создавая видимость в нужное время. Авроре ещё предстояло многому научиться, но в одном она была уверена: ценность человека остаётся неизмеримой, пока он не сделает что-то стоящее. Иногда самое главное, что человек мог сделать, это просто появиться. А Аврора Паван отсутствовала достаточно долго.

Сегодня вечером она поможет миссии восстания, но она также возьмёт на себя миссию по своему собственному выбору.

— Готова? — спросила Джинкс, нарушая молчание.

Аврора кивнула. Она была готова к этому уже несколько дней. Только разум и страх перед последствиями помешали ей ворваться во дворец несколько дней назад.

Зная, что грохот грома над головой послужит лучшим прикрытием для их миссии, они подождали, пока не начнётся следующий раскатистый грохот, а затем перешли на тяжёлый бег. Они вынырнули из-за изгиба стены, и, как и обещал Тавен, только один человек стоял на страже у врат дворца, все остальные разошлись по своим местам на время бури. К тому времени, когда солдат перевёл взгляд с неба на них, было уже слишком поздно. Джинкс протянула руку, словно собираясь послать воздушный поцелуй, но вместо этого с её ладони, словно туман, заплясал мелкий порошок. Солдат жадно втянул воздух, чтобы закричать, вдыхая зачарованный Покой Резны, и прежде чем его язык успел хоть что-то произнести, он провалился в глубокий сон, неловко раскинув руки и ноги по мокрой траве.

Аврора быстро взглянула ему в лицо, но не узнала, поэтому с помощью Джинкс они отнесли его ближе к стене и осторожно уложили в тени. Джинкс дала ему достаточно большую дозу, чтобы он пролежал без сознания несколько часов.

Небо над головой выглядело так, словно звёзды плакали — гигантские сверкающие слёзы падали на невидимый барьер. Аврора тихо присвистнула, давая понять, что всё чисто. Звук был едва различим за шумом бури, но где-то там к ней бежали товарищи-повстанцы. План состоял в том, чтобы проникнуть во дворец и похитить, по крайней мере, одного из Локи, чтобы использовать его как знак доверия в своих попытках установить контакт и

заклучить сделку о мире с Повелителем бурь.

Аврора старалась не думать об этом, о том, что они отдают человека безумцу, который опустошил деревни по всему континенту Каэлиры, который стёр город Локи с лица земли так же основательно, как и город Калибах был разрушен два десятилетия назад. Локи творили ужасные вещи с народом Павана, с солдатами её города, возможно, с её собственной матерью и, конечно же, с Новой.

Теперь она должна была бороться за них.

И более того, она старалась вообще не думать о Повелителе бурь, потому что мысли о нём заставляли страх просачиваться из тёмных мест её души. У них был общий дар — у неё и у этого безумца, — и если она позволяла себе слишком долго думать об этом, то начинала беспокоиться, что однажды его судьба станет её судьбой. Об этом страхе она подумает в следующий раз.

Аврора шагнула вперёд и осмотрела дворцовые врата, их часовой механизм небесного огня был таким же ослепительным, как и в детстве. Она услышала тихий стук шагов и поняла, что остальные крадутся за ней, стараясь держаться в тени.

— Ты уверена, что справишься, охотница? — протянул низкий женский голос.

Аврора оглянулась и встретила взглядом с чернильно-чёрными глазами, обрамленными длинными ресницами. Остальная часть лица говорившей была скрыта матерчатой маской. Длинные тёмные косы рассыпались по плечам, обтянутым толстой чёрной кожаной броней. Даже без этих подсказок Аврора знала, кто её допрашивал.

Зефир.

Аврора открыла рот, чтобы ответить, но тут заметила знакомую пару карих глаз прямо за спиной Зефир и забыла о своих намерениях. Эти глаза так много значили для Авроры — приводили в бешенство, манили и, прежде всего, успокаивали. Теперь они были просто ещё одной частью хаоса, ещё одним обстоятельством, от которого ей приходилось защищаться. Молчание, должно быть, длилось слишком долго, потому что за неё ответила Джинкс:

— Она справится.

Аврора хотела бы быть такой уверенной в себе. Ей потребовалась вся её концентрация, чтобы удержать бушующую в небе бурю от проникновения в её мысли и эмоции. Магический барьер над головой на этот раз был другим, более лёгким, удерживая худшую часть небесного огня на расстоянии, но позволяя дождю проскользнуть. Как ни странно, дождь не падал прямо, а собирался поперёк барьера, как роса на листе, и медленно стекал, когда вода становилась слишком тяжёлой. Время от времени крупные брызги попадали ей на руку, голову или спину, пропитывая кожу, волосы или одежду. Более лёгкий барьер также позволил большей части сознания бури проползти через него, и она чувствовала, как буря напевает ей, потрескивая в воздухе вокруг них.

Закройся от всего.

Аврора шагнула к вратам. Восемнадцать лет сомнений и тревоги бурлили в её животе. Она не могла вспомнить, сколько раз в своей жизни она смотрела на небесный огонь, работающий в этих вратах, и отчаивалась, что никогда не сможет использовать их, не обладая силой своих предков.

Теперь всё было по-другому. Теперь она была другой. Во всех отношениях. Но она надеялась, что шторм небесного огня, бившийся в её груди, каким бы необычным он ни был, всё же позволит ей открыть врата. Вообще-то она уже пообещала восстанию, что так и будет. А если нет, то нет никакой гарантии, что они не предложат её в качестве следующего

козыря.

Она сконцентрировалась, сосредоточившись на чужеродной энергии, которая жила в её груди, и положила ладонь на холодное стекло и металл, из которых состояли врата. Буря в её груди не была полностью отделена от неё, и не была полностью вплетена в её тело. Но когда она потянулась к магии, та мгновенно наполнила её. Аврора втянула в себя воздух, ошеломлённая силой непохожести, которая пронзила её. Чувство превратилось в тревогу, когда она почувствовала ответную вспышку магии от бури над головой. Наверху прогремел гром, даже земля под её ногами, казалось, задрожала. Небесный огонь пронёсся по небу, вызывая к ней. Она откинула голову назад, задыхаясь. Она чувствовала так много — клубящиеся облака в небе, деревья, дрожащие на ветру, и все маленькие души, сидящие на корточках в своих домах, задаваясь вопросом, будет ли сегодня день, когда ещё одна буря прорвётся через барьер Бурерождённых.

— Время пришло, — прошептала Джинкс себе под нос.

Верно. У неё была миссия. Технически даже две. Аврора медленно приходила в себя, сосредоточившись на здесь и сейчас, а не на просторах окружающего мира. Она воздвигла ментальные щиты, чтобы утихомирить настоящую бурю, и сосредоточилась на той, что неистово искрилась внутри неё. Она представила, как толкает её в механизм врат, используя магию, чтобы повернуть заводные колеса, которые откроют их.

В углу её зрения, у основания врат появилось свечение, а затем она услышала металлический скрежет первого винта, который начал поворачиваться.

Её возбуждение росло. У неё получалось. Она по-настоящему творила магию бури. Она нажала сильнее, и процесс ускорился, добавив второй винт, затем третий. Шестерёнки двери задвигались быстрее, чем она когда-либо видела. Она открыла себя, изливая всё больше и больше магии, наблюдая, как колёса вращаются с удивительной скоростью. Слёзы собрались в уголках её глаз, чистая радость, удивление и облегчение обернулись вокруг неё. Она могла бы даже рассмеяться.

И тогда она почувствовала это.

Что-то в ней, что-то жизненно важное, сдвинулось с места. Это не принесло боли, не походило на то, как кость выскальзывает из сустава, но она почувствовала пустоту там, где её не должно было быть. Она почувствовала резкую, всепоглощающую пустоту, и только когда шёпот магии из бури над головой маняще завился внутри неё, она поняла, что сделала.

«Держись крепче за свою душу», — однажды посоветовала ведьма.

Аврора отдёрнула руку, спотыкаясь о ноги, которые показались ей не совсем своими. Затем она потянула на себя свою магию, своё сознание, всё, что принадлежало ей. Как только её душа вернулась на своё место, Аврора упала навзничь и начала безудержно рыдать. Рыдания не были рациональными, она не могла остановить их, как бы ни старалась их прогнать, вместо этого они исходили откуда-то из глубины её души, о существовании которой она даже не подозревала. Она чувствовала себя... вырванной с корнем, как будто потеряла что-то важное, что связывало её. Джинкс оказалась рядом с ней через мгновение, её лицо появилось перед лицом Авроры. Видение её подруги расплылось сквозь слёзы Авроры.

— Тихо, — прошипела Зефир.

Аврора понимала, что издает слишком много шума, но не могла остановить панику, поднимающуюся в ней.

— Дыши, — сказала ей Джинкс.

Аврора встретила взглядом с подружкой, пытаясь без слов передать то, что чуть было не произошло, что она чуть было не сделала. Можно ли было потерять собственную душу? Просто отпустить её? Новый поток задыхающихся рыданий охватил её, и Джинкс притянула Аврору в свои объятия.

— Что с ней такое? — потребовала ответа Зефир, с подозрением глядя на Аврору.

— Она открыла врата, — сказала Джинкс. — Это то, что ты хотела. Продолжай свою миссию, а я позабочусь о ней.

Зефир колебалась, её расчётливый взгляд остановился на Авроре таким образом, что разум начал возвращаться обратно к принцессе. Всю свою жизнь она хранила секреты, никогда никого не подпускала слишком близко, и, похоже, с этим она ещё не закончила. Она ещё многого не знала о том, кто она такая и что может сделать, но знала, что наличие некоторых особых признаков, как у Повелителя бурь, может оказаться проблематичным, если об этом узнает не тот человек.

Зефир начала собирать свою команду, чтобы отправиться в путь, а Аврора считала секунды, пока та не скрылась из виду.

— Торн? — спросила Зефир. — Ты с нами. Разве ты не помнишь?

Только тогда Аврора поняла, что Киран стоит прямо за её спиной, меньше чем на расстоянии вытянутой руки. Она посмотрела на его ноги, на колени — она добралась до пояса на его талии, снабженного магией бури, прежде чем склонила голову и заставила себя опустить глаза.

— Она со мной, — прошептала Джинкс.

Затем Киран, молча, зашагал вслед за Зефир. Аврора упёрлась лбом в колени и подавила очередной приступ рыданий. Хватаясь за каждый вдох, словно он мог быть последним, она сосредоточилась на вдохе и выдохе, вдохе и выдохе. Когда она достаточно успокоилась и подняла глаза, все остальные разошлись по своим местам для выполнения задания. Остались только она, Джинкс и одурманенный солдат, лежащий в тени всё ещё открытых врат. На лице Джинкс отразилось беспокойство.

— Что случилось?

Аврора покачала головой. У них не было времени ломать голову над спецификой её способностей прямо сейчас, у них были другие задачи, которые нужно было решить.

— Я в порядке. Толкнула слишком далеко, слишком быстро.

Джинкс кивнула, но ведьма всё ещё закусывала нижнюю губу.

— Может, нам стоит...

— Нет, — оборвала её Аврора. — Я больше не могу ждать.

Если Джинкс всё ещё и волновалась, она не возразила, ни когда Аврора поднялась на ноги, ни когда повела их обеих через дворцовые врата, ни когда они бросились через королевский двор к северному крылу, где располагались королевские апартаменты.

Аврора знала все тайные проходы и туннели во дворце, но она хотела добраться до своей матери как можно быстрее, поэтому они решили использовать магию Джинкс и взобраться по стене рядом с балконом королевы. Затем они воспользуются проходами для перемещения по дворцу и, если небеса благословят их, найдут Новайю.

Во дворе стояла жуткая тишина под напором ночной бури. В траве начали образовываться лужи, и вода в них плескалась, пока они бежали, но вокруг никого не было слышно. Аврора по привычке первой нашла свою комнату и была потрясена, увидев свет, льющийся из её окна. Заходила ли мать в её комнату хоть иногда?

Но нет, этого не могло быть. Тавен сказал, что она прикована к постели. Больная. Нуждающаяся в помощи. Аврора стряхнула с себя любопытство и последние несколько шагов пробежала до места, которое находилось под покоем её матери. В комнате королевы, напротив, было темно. Там слабо мерцало то, что, как она догадалась, было свечой, но ничего похожего на свет, льющегося из её личных покоев.

Джинкс немедленно принялась за работу со своими лозами. Она выкопала в земле небольшую ямку и бросила туда семечко, чтобы облегчить свою задачу. Растение быстро зацвело, яростно взбираясь по стене, как воин на битву. Аврора поднялась первой, двигая руками и ногами быстрее, чем когда-либо.

Она приземлилась на балконе своей матери с тяжёлым стуком, но мгновение спустя гром прокатился по небу, затмив шум, который они с Джинкс произвели. Аврора выглянула из-за занавесок на окнах, ведущих на балкон, и не увидела в комнате ничего, кроме одинокой свечи у кровати и тёмной, съёжившейся фигуры под одеялом. Она бросилась внутрь и направилась прямо к кровати.

При первом же взгляде на мать у неё перехватило дыхание и что-то надломилось внутри. Аврора всегда знала, что её мать стареет. В расцвете лет она родила Аврору, и это было восемнадцать лет назад. Но Королева Афра всегда казалась такой царственной, могущественной сверх всякой меры — больше похожей на богиню, чем на мать. Её серебристо-седые волосы никогда не казались признаком её возраста, скорее силы. Но женщина, лежавшая в этой постели, выглядела старой и хрупкой. Кожа на её лице обвисла, как будто ей было больно, даже во сне. Её пальцы вцепились в верхнюю часть одеяла, костяшки сморщились, как чернослив. Она выглядела более чем хрупкой. Она выглядела так, словно её сломали, и никто не смог собрать её снова такой, какой она была раньше.

Аврора в ужасе прижала одну руку ко рту, а другую протянула к матери. Она дотронулась до руки — кожа казалась тонкой и слишком мягкой.

— Мама? — прошептала она.

Когда ответа так и не последовало, она попробовала снова:

— Ма?

Она осторожно взяла мать за плечо и встряхнула.

— Проснись. Это я. Аврора. Я дома.

Мать не шелохнулась. Аврора встряхнула её чуть сильнее. По-прежнему никакой реакции. Джинкс обошла вокруг кровати и принялась за дело с бесстрастной деловитостью, с которой Аврора не могла сравниться. Ведьма коснулась кожи Афры, проверила её пульс и подняла закрытые веки. Затем её губы скривились в тяжёлой гримасе.

— Что? Что не так?

— Её накачали наркотиками, — ответила Джинкс. — Моё предположение, что обильно и уже очень долго.

Аврора подавила крик и закрыла рот обеими руками. Она на миг закрыла глаза, позволяя чувству вины и отвращению накатить на неё одной всепоглощающей волной. Это была её вина. Она позволила этому случиться. Стыд пронзил её на мгновение, насквозь, потом она отогнала его, оставив на другой раз.

— Мы можем что-нибудь сделать? Есть ли способ разбудить её?

— Не так быстро, — ответила Джинкс. — Я должна быть честной с тобой, Аврора. Я не уверена, что она проснётся. Это зависит от того, что ей дали. Только время и отдых подскажут ответ.

Ужасный вой пронёсся через безмолвную комнату несколькими быстрыми вспышками, но это была не штормовая сирена, которую узнала бы Аврора. Это прекратилось, потом началось снова. Последовательность повторилась. Послышался грохот, за которым последовали крики, которые стали громче, когда дверь открылась, явив растерянную служанку, несущую кувшин с водой, а за ней промелькнули солдаты, быстродвигающиеся по дальнему коридору, крича о бреши. Служанка захлопнула дверь бедром, повернулась к кровати и замерла при виде Авроры и Джинкс. Она открыла рот, чтобы закричать, но Аврора опередила её, прижав к стене и прорывав:

— Ни звука.

Служанка заплакала, с её поджатых губ сорвались тихие всхлипывания.

— Ты одна из тех, кто опаивает королеву? — спросила Джинкс из-за спины Авроры.

Горничная напряглась, и её плач тут же прекратился.

— Я...

— Говори правду, — потребовала Аврора.

— Что ты ей давала? — спросила Джинкс.

Служанка сжала губы, подняла подбородок, и ответила:

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

Аврора сильнее прижала руки к плечам девушки, пригвоздив её к стене.

— Не лги.

— Я не...

— Достаточно!

Взрыв потрескивающей магии выстрелил из рук Авроры в девушку, тело которой дёрнулось у стены. Она вскрикнула, её глаза дико затрепетали, а потом она жалобным, хриплым голосом произнесла:

— Он даёт мне флаконы и монету, а я не задаю вопросов.

— Кто? — спросила Аврора.

Но было уже слишком поздно. Девушка прислонилась к стене, её остекленевшие глаза закрылись. У Авроры возникло искушение дать девушке упасть, но вместо этого она опустила её на пол, а затем сделала два осторожных шага назад. И только потом в отчаянии прижала кулаки к глазам.

Когда она убрала руки с лица, Джинкс стояла на коленях рядом с девушкой, не сводя глаз с Авроры.

— Это было... что-то новенькое, — осторожно сказала ведьма.

Рора посмотрела на свои руки. Было ли ужасно, что она даже не подумала о том, что сделала? Всё это не имело никакого значения по сравнению с тем, что сделали с её матерью.

— Это было не нарочно, — пообещала она подруге. — Я только хотела, чтобы она сказала правду, а небесный огонь явился непрошеным. Она... она...

— Нет, — ответила Джинкс, вставая. — Она получила лишь небольшой шок. С ней всё будет хорошо. Но нам нужно двигаться. Ей будет что рассказать, когда она проснётся. К тому времени мы должны затеряться, как и твоя мать.

Вдвоём они приподняли королеву с кровати, перекинув её слишком тонкие руки на их плечи, как якорь. Затем каждая из них обняла женщину за талию, и они подняли её между собой. Аврора была более чем на полголовы выше Джинкс, что оставляло на ней большую часть веса королевы. Рору это вполне устраивало. Если понадобится, она понесёт свою мать через всю Каэлиру.

— Нам нужно выйти в коридор, — сказала она. — Там есть гобелен с проходом позади него.

Джинкс оставила Аврору с матерью на её руках и открыла дверь ровно настолько, чтобы выглянуть наружу.

— Есть солдаты? — спросила Аврора.

— Насколько я могу судить, нет.

— Они должны знать, что во дворце восстание. Надеюсь, они будут заняты этим достаточно долго, чтобы мы смогли найти Нову и выбраться.

Они прошаркали в коридор, ноги королевы беспомощно волочились по полу.

— Вот здесь, — сказала Аврора, указывая подбородком на гобелен, сотканный в насыщенных синих и чёрных тонах.

На гобелене был изображён день, когда начались Времена Потрясений, когда самые первые бури хлынули из рук богини на землю.

Девушки осторожно отодрали гобелен от стены, открыв щелочку, которая открылась, и отодвинули дверь, открывая узкий каменный проход. Медленно маневрируя, Джинкс проскользнула внутрь первой, за ней последовала королева и, наконец, Аврора, которая, как могла, вернула гобелен на прежнее место.

Аврора посмотрела на тёмный коридор, гадая, как они собираются спуститься по длинному и извилистому пути к королевскому штормовому убежищу, куда вёл именно этот проход.

— Может, мне лучше пойти одной, — сказала Аврора. — Ты можешь остаться здесь с моей матерью, а я приведу Нову.

Джинкс встряхнула головой.

— Мы держимся вместе. Если что-то случится, и я потеряю тебя, Торн вышвырнет меня и позволит туману овладеть мной.

— Он этого не сделает, — возразила Аврора.

— Возможно, нам следует освободить твою мать и попытаться найти твою подругу в другой раз.

— Нет, — отрезала Аврора. Затем, уже мягче, она добавила: — Нет. Новайя слишком долго страдала за мои ошибки. Я не уйду без неё.

Она подтянула мать повыше и начала долгий путь вниз по узкому туннелю. Ей пришлось сгорбиться, потому что она была слишком высокой. Ей приходилось горбиться в этом туннеле с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет. Но на этот раз всё было иначе. Её слух был настроен на каждый звук, и она чувствовала каждый скрип безответных ног матери по камню, как если бы они были её собственными.

— Так... куда дальше? — спросила Джинкс. — Ты знаешь, как туда добраться?

Аврора со стыдом втянула в себя воздух. Она знала, где находятся подземелья, несколько раз исследовав это место в детстве в попытке совершить нечто страшное, но она не знала, как попасть туда, используя невидимые проходы. В какой-то момент им придётся выйти в главные залы, что сделает их уязвимыми.

— Я знаю. Но это будет нелегко. Я всё ещё считаю, что мы должны разделиться. Ты можешь остаться с королевой, а я...

— Я сказала нет, Роар.

У Роры перехватило дыхание от этого имени и от фамильярности в голосе Джинкс. Ей так хотелось сохранить обе свои версии, обе жизни. Но она не знала, возможно, ли это. Она

прогнала эти мысли, одну за другой, не всё сразу.

— Тогда нам, возможно, придётся спрятать маму в безопасном месте и вернуться за ней после того, как мы заберём Нову. Иначе мы привлечем много внимания.

— Здесь есть безопасное место?

Это был вопрос без ответа. Туннель вёл к штормовому укрытию, которое даже сейчас могло использоваться семьей Локи. Сам туннель будет безопасным, но знать наверняка было невозможно. Там были неиспользуемые комнаты и кабинеты, но что изменилось за время отсутствия Авроры? Много в политическом плане. Она не была уверена, насколько сильно изменился замок.

— Я не знаю.

— Тогда я пойду одна.

Аврора перенесла вес матери, перекинув её безвольную руку через плечо, и покачала головой.

— Нет. Ты не знаешь, кого ищешь, или куда идёшь. Я не хочу, чтобы тебя поймали из-за меня.

Джинкс одарила его безумной, колдовской улыбкой и сказала:

— Значит, вместе.

Они двигались так быстро, как только могли, вниз по туннелю с весом королевы между ними, и нашли штормовое убежище в конце. Там было пусто. Они рискнули и оставили королеву в одной из спален. Аврора выбрала маленькую комнату для прислуги, а не одну из больших королевских комнат, понадеявшись, что если кто-то и придёт в поисках, то не догадается заглянуть туда.

Вместе они уложили хрупкое тело королевы на маленькую кровать, и Аврора приложила все усилия, чтобы подложить под голову матери плоскую подушку.

— Я буду действовать быстро. Как молния, ставшая плотью, — пообещала она.

Аврора прижалась губами к сухой щеке матери и закрыла её в тёмной комнате, молясь богине, чтобы она всё ещё была там, когда они вернутся.

Туман, хоть и менее разрушительный для имущества, является одним из самых опасных видов стихий, с которыми можно столкнуться лично. Его магия, подобно медленному ползучему вторжению низкого облака, коварна и неуловима. Точно так же, как плотные облака могут скрыть целую гору из поля зрения, он может заслонить мышление человека до точки неминуемой опасности.

— Опасные земли Каэлиры

9

Кассий привык слышать сирены. Они звучали, когда он ел, когда работал, когда спал или пытался поспать. Иногда он задавался вопросом, а не обладал ли Повелитель бурь какой-то несказанной магией, которая позволяла ему заглядывать в сознание Кассия и узнавать, когда он был наиболее рассеянным или уязвимым, потому что так всегда и было, когда буря призывала его. Для него было бы лучше переместить свои покои под купол, обеспечив себе быстрый доступ к небу.

Но Кассий был эгоистом. Он никогда этого не отрицал.

Как и много раз прежде, он находился в своём кабинете, бывших покоях принцессы, и вновь раздался звук сирены. Он только что закончил разгонять грозу, которая раздражала его больше всего на свете, и скинул сапоги и пальто, желая немного передохнуть.

Он уже и забыл, когда последний раз отдыхал. Он чертовски устал.

Но когда прозвучала сирена, даже Кассию потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что эта сирена не имеет никакого отношения к бурям.

Он резко встал из-за стола, опрокинув при этом баночку с чернилами. Чёрная жидкость растеклась по его бумагам, как нечестивая кровь, но не было времени заниматься уборкой, не было даже времени, чтобы разозлиться на себя за свою неуклюжесть.

Они были атакованы.

Не бурями, а людьми.

Он торопливо натянул сапоги, вставив в каждый по запасному ножу, затем схватился за меч. К тому времени, когда он вышел в главный коридор, плавность покинула его движения, и его шаг стал резким и размашистым. В этом он всегда был успешен. Дайте хищнику добычу, и он оживёт, как бы близко к смерти он себя ни находился. Его зрение обострилось, усталость как рукой сняло, а из глубины его живота поднялся голод.

Война была именно тем, что ему нужно — и не с помощью какой-то отстранённой магии, а врукопашную, лицом к лицу, с кровью. Ему нужно было почувствовать победу. Нужно было подавить поражение, которое уже стало неизменным.

Умирая, люди оставались мертвыми, в отличие от врагов, с которыми он обычно сражался.

Коридор кишел солдатами, явно охваченными паникой. Он схватил самого высокопоставленного офицера, которого узнал, и выплюнул:

— Докладывай всё, что знаешь.

— Вторжение, сэр. Главные ворота.

Кровавые небеса. Как они прошли через главные ворота, и никто этого не заметил?

— Где проходят боевые действия?

— Мы не знаем, сэр.

Кассий замер, его глаза сузились, а челюсти сжались.

— Что значит «не знаем»?

— Мы не нашли лазутчиков.

Его сердце замедлилось, перестало биться, в то время как разум лихорадочно работал — не в тревоге, а в почтении, как будто сердце понимало, что разум сейчас важнее. Чего хотят злоумышленники? Куда они направятся? Каковы будут их цели?

Мгновение ока, и он всё понял.

— Мне нужны солдаты для каждого члена королевской семьи, немедленно, — честно говоря, он был удивлён, что до сих пор не было предпринято ни одной попытки свергнуть их. — Как только семья будет под защитой, каждый из оставшийся в живых солдат будет рыскать по дворцу, пока не будут найдены незваные гости.

От солдат в синей униформе раздался утвердительный хор, а затем все пришли в движение, болтая о том, кто будет искать его отца, брата и мать. Коридор быстро опустел, и в нём не осталось никого, кроме Кассия и горстки солдат, стоявших позади него.

— Себя я не имел в виду, — прорычал он.

Солдаты всё ещё колебались.

— Идите! — рявкнул он. — Найдите их. Сейчас же.

Затем, к счастью, он остался один. Сирена всё ещё завывала время от времени, единственная компания для его рассеянных мыслей.

Он должен был последовать за ними, должен был оказаться в самой гуще событий, но вместо этого он повернулся и направился туда, откуда пришёл, вглубь королевского крыла,

где располагалась семья Паван.

Он был единственным Локи, который называл это крыло своим домом. Он не был уверен почему, но обошёл свой кабинет и направился к двери в самом конце коридора, в покои королевы. Он прислушался на мгновение, но ничего не услышал внутри. Он постучал. И снова он не мог сказать, почему он это сделал. Женщина редко просыпалась с тех пор, как его отец начал подкупать сиделку, чтобы та добавляла что-то в её чай.

Но иногда, когда он смотрел на эту дверь, в его душе возникало чувство, которое он не узнавал, чувство, которое он не знал, как назвать. И оно велело ему постучать, прежде чем войти. Когда ответа не последовало, он повернул ручку и вошёл без приглашения. Сначала ему на глаза попались голые щиколотки, а следом за ними — бесчувственное тело сиделки, ухаживавшей за королевой. Её руки были вытянуты вперёд, а лицо расслаблено, но быстрое прикоснувшись пальцами к её горлу, он установил, что она не умерла. Он поднял глаза и там, где должна была быть королева, увидел лишь смятые простыни.

Что-то в нём поднялось, сдавливая прямо под его кожей... часть его, которая любила охотиться и причинять боль.

Он только что прошёл по коридору. Неужели кому-то удалось выкрасть старую королеву прямо у него из-под носа? Или у него было ещё меньше знаний и контроля, чем он полагал? Могла ли она каким-то образом сама уйти?

Он отправил всех этих солдат на поиски, и вот брешь зияла прямо перед его глазами. Где он спал и работал. Унижение жгло его изнутри и, бросившись к кровати, он рванул простыни, словно надеясь найти там ключ к разгадке того, как он допустил такую халатность.

Может это Повелитель бурь? Ещё один ход в его плане? Или скудное сопротивление, которое его брат с радостью уничтожал в попытках произвести впечатление на их отца? Или что-то совсем другое? На доске было слишком много фигур, чтобы он мог выиграть эту игру. Доска была слишком большой, чтобы он мог даже понять, что это за игра.

Он быстро обыскал остальную часть комнаты, в поисках любого доказательства, и нашёл его в плохо закрытой балконной двери. Снаружи он обнаружил странную ползучую лозу, которая каким-то образом пробралась с земли на балкон королевы, хотя он никогда не видел её во время своих прогулок по территории. Он прикоснулся к листьям, ярко-зелёным и свежим. И что-то ещё в них было — они были настоящими, и они гудели под его прикосновением, как будто были наполнены чем-то, что было почти знакомо ему.

Кассий знал на что он смотрит, выучил это наизусть из многолетних предупреждений и страха. Но его отец проделал такую тщательную работу по искоренению практики и людей из Локи, что это часто стало казаться скорее мифом, чем реальностью.

Но здесь перед ним было доказательство.

Он потёр только что родившийся лист подушечками пальцев и сорвал его с лозы. Он ждал, что лист увянет или обратится в прах, но он остался каким и был — и правда, и ложь одновременно.

В Паване была ведьма.

И кто бы ни был лазутчиком, и где бы они не были, у них была королева Павана.

* * *

Где-то под кожей у Кирана зудело с той самой минуты, как он оставил Аврору, распростёртой и рыдающей перед дворцовыми воротами, и он знал, что зуд не пройдёт, пока он не увидит её снова. Зуд отвлекал его на протяжении всей миссии, пока они пробирались

по залам, каждый раз тихо убирая ничего не подозревающих охранников. Он всё ждал нападения из ниоткуда и меча, который пронзит его насквозь, потому что все его мысли о взгляде на её лице. Как ни старался он убедить себя, что совсем не знает эту Аврору, он до мозга костей знал, что она была до ужаса напугана.

И он оставил её там.

Он ненавидел себя за это почти так же сильно, как ненавидел её за ложь, за то, что она заставила его поверить в то, что что-то возможно, когда это было невозможно.

Они почти добрались до крыла, где обосновалась семья Локи, и группа начала разделяться, окружая крыло и отрезая путь к отступлению.

Они с Рансу, естественно, были в паре, поскольку именно они должны были инициировать следующую часть плана. Зефир и её лейтенант, Рахим, шли последними. Она спросила:

— Готов?

Киран лишь кивнул в ответ.

— Это очень важно, — добавила она.

— Эта семья убила мою сестру, — отрезал он. — Поверь мне, я знаю, насколько это важно.

Она начала поворачиваться, выглядя довольной, но затем громкий рёв сирены прорезал воздух, разрушая тишину, которая была их подельником до этой самой секунды. В коридоре распахнулась дверь, потом ещё одна, и за ней послышался женский голос.

— Перейдем к плану номер два, — прорычал Рансу, срывая с пояса стеклянную банку и швыряя её за угол в коридор, где, как они надеялись, должен был находиться хотя бы один из членов королевской семьи.

За звоном разбитого стекла последовал тихий свист и распространение влаги в воздухе. Киран знал, что из разбитого кувшина поднимаются густые завитки тумана, расползаясь по всему коридору.

Все они взяли маленькие флакончики с порошкообразным туманом штормового сердца и проглотили содержимое. Порошок растаял в считанные секунды на языке Кирана, вкусом он напоминал какую-то странную смесь тумана и пепла. Их запасы были невелики, и их хватало только на то, чтобы дать каждому участнику восстания небольшую дозу. Это давало им ограниченное окно времени, в течение которого они были бы невосприимчивы к особенно мощным эффектам тумана.

Дьюк, единственный член их команды, который остался не задействован в этой миссии, не смог точно сказать, сколько времени у них будет, поэтому они должны были войти и выйти как можно быстрее. Они намеревались использовать этот метод для побега из дворца. Но теперь они должны были использовать его и для захвата.

С Рансу они вошли вместе с Зефир в зловеще затянутый туманом коридор, оставив Ракима на случай, если что-то пойдёт не так. Оставалось надеяться, что теперь, когда план был нарушен, остальные члены их группы тоже начнут выбираться. Всего их было десять, и он подумал, что им, вероятно, понадобится каждый из них, чтобы выбраться живыми.

Первый шаг в туман был прыжком веры. Рансу и Зефир задержали дыхание, но Киран рванулся вперёд. Всю свою жизнь он бежал навстречу опасности, широко раскинув руки. В какой-то момент своей жизни он думал, что это должно измениться, что ему нужно будет найти какой-то другой способ жить. Но теперь он не заблуждался. Он был таким и таким будет всегда. Тем, кто всегда идёт первым.

Туман расступился вокруг него, цепляясь за плечи, окружая его. Сделав второй шаг, а затем и третий, он понял, что порошок сделал своё дело. Киран замахал руками перед собой, пытаясь отодвинуть как можно больше плотного облака, из-за которого было трудно что-либо разглядеть. На самом деле, он даже не заметил разбитую банку, пока она не захрустела под его ботинком.

Шум привёл к нему Рансу, а через несколько секунд и Зефир.

— Идём. У нас не так много времени, — пробормотала Зефир, протискиваясь мимо него и беря на себя инициативу.

Сначала они наткнулись на нескольких солдат, один из которых всё ещё стоял с поднятыми руками, словно защищал своё лицо от магии. Он не был заморожен, как таковой — скорее, он забыл причину, по которой он поднял руки для защиты.

Из всех видов стихий, с которыми Кирану приходилось сталкиваться — смерчи, огненные бури и ураганы, — туман нервировал его больше всего. Он скорее умрёт в огненном пламени хаоса, чем пропадёт, блуждая под чарами бури, потерянный для самого себя. Вот почему это было одно из средств родства, которое он никогда не искал для себя. Когда приходит время украсть сердце бури, ты должен быть уверен, что твоё сердце сильнее. И он всегда был готов справиться с самыми яростными бурями, от которых другие шарахались. Но чтобы взять сердце туманного шторма требовалась сила ума, а не только сердце. Нужно было не только освободиться от страха смерти, но и от страха жить дальше, застигнутым бурей, медленной, мучительной, забытой смертью.

— Сюда! — завопила Зефир.

Киран оставил свои мысли позади и последовал за её голосом. Он нашёл её стоящей на коленях рядом с женщиной средних лет с медово-коричневой кожей и дорогой одеждой. Она лежала ничком на полу и, казалось, упала в хаосе. Теперь эта женщина выглядела пугающе неосознанной, лежа так. Её глаза были широко раскрыты, но ничего не видели.

— Это королева. Я бы предпочла одного из мужчин, но она подойдёт, если мы не сможем найти никого другого, — сказала Зефир.

К горлу Кирана подступил комок. Он ненавидел семью Локи, ненавидел всё, что с ними связано, и всё, что за ними стоит. Но женщина? За всё время, что они планировали эту миссию, он никогда не думал, что они похитят женщину, независимо от того, кем она была. Он взглянул на Рансу, и, судя по жёсткой линии подбородка его друга, они разделяли одни и те же мысли.

— Мы поищем кого-нибудь ещё, — сказала Киран, немедленно приступив к поискам дальше по коридору.

Тяжёлые шаги Рансу последовали за ним.

— Подождите! — воскликнула Зефир. — Эта сирена явно предупредила о нас. Это не обычный штормовой сигнал. Они будут искать нас. Мы должны уходить. Сейчас же.

Но ни один из охотников не ответил. Они продолжили пробираться по коридору, пока не достигли конца. Не найдя больше зачарованных жертв, ожидающих их, они снова посмотрели друг на друга, не зная, что делать.

— Двери, — предложил Рансу.

Киран ухватился за это предложение, и они разделились. Каждый пошел по одной из сторон коридора, распахивая все двери, мимо которых проходили.

Пусто.

Пусто.

Пусто.

Киран как раз распахнул четвёртую последнюю дверь, когда услышал позади себя крик, сопровождаемый тяжёлым грохотом. Он резко обернулся и увидел, как Рансу поднимается с пола, вокруг него рассыпаны осколки керамики. Его противник, худощавый молодой человек с вьющимися чёрными волосами и кожей чуть темнее, чем у королевы, застыл на пороге двери, его лицо превратилось в маску жестокости, зубы были стиснуты в решимости, а ключья тумана кружились вокруг него в медленном, хитром танце.

В дверях появилась Зефир с мрачным выражением лица. Она подняла руку и коснулась когтем перчатки щеки мужчины.

— Казимир, — она дважды провела когтем по его подбородку, оставляя за собой бледную линию. — Я наблюдала из соседнего здания, когда он сжигал Глаз дотла. Думаю, ему это понравилось, — мужчина только моргнул, его мысли были заперты где-то внутри магией туманного шторма. Зефир крепко сжала его челюсть и улыбнулась. — Ты прекрасно подойдёшь, Казимир Локи.

* * *

Беспокойство Авроры росло с каждым пустым коридором, который они пересекали, с каждым шагом, уносившим её всё дальше от матери. Её сердце тяжело билось, застряв в горле, мешая глотать и дышать, не говоря уже о том, чтобы шептать Джинкс, идущей рядом с ней, необходимые указания.

— Подожди, — сказала она, и её слова больше походили на вздох.

Приблизившись к центру дворца, они замедлили шаг и остановились. Пройдя через следующую арку, они окажутся в большом куполе, и им будет гораздо труднее скрыть своё присутствие, если поблизости появятся солдаты. Официальный вход в подземелья находился там, где купол соединялся с южным крылом, где размещалась большая часть военных. Но Аврора знала, что в зале предков рядом с лестницей, ведущей в заднюю часть бального зала, есть ещё один проход. Ни один из этих путей не казался безопасным, но других вариантов не было.

Аврора проверила свой капюшон и маску, убедившись, что была достаточно скрыта, затем она бочком приблизилась к арке. Она слышала шум, крики и стук сапог по полу, а затем... лязг мечей.

Она колебалась. Это должно было быть участники восстания. Их нашли, возможно, окружили. Киран может быть в опасности, и Рансу тоже. Аврора сделала шаг в сторону дерущихся, но Джинкс сильно дёрнула её за локоть.

— Нет. Они сами справятся, а нам нужна диверсия.

Её подруга была права, но металлический лязг меча о меч эхом отдавался в голове Авроры, и она не знала, как отступить.

— Что будет с восстанием, если тебя поймают сегодня? — спросила Джинкс. — Ни твоя мать, ни твоя подруга никогда не увидят свободны. Тебя используют как пешку, чтобы утихомирить недовольных, и...

Аврора слышала достаточно. Она никогда больше не хотела быть ничьей пешкой. Поэтому она проигнорировала притяжение, которое испытывала к сражению в передней части зала, и вместо этого выскочила из арки и направилась к комнатам для слуг, которые служили проходом во время больших мероприятий.

Её плечи напряглись, а голова болела от стиснутых зубов. Она всё ждала тревожного шума, громкого голоса, какого-то сигнала, что их заметили, что бой переместился в их

сторону, но Джинкс была права. Борьба дала идеальное прикрытие. Чем больше шагов она делала, тем дальше раздавались голоса, и вскоре она завернула за угол и толкнула дверь в коридор для прислуги. Там тоже было пусто, поэтому она воспользовалась случаем и побежала, преодолевая узкое, тускло освещённое пространство за десяток длинных шагов.

Должно быть, она задержала дыхание почти на всём пути, потому что у Авроры закружилась голова, когда она вошла в богато украшенный зал, где были выставлены картины и скульптуры её Бурерождённых предков. По обе стороны комнаты стояли два золотых алтаря богини, но они были маленькими и больше походили на декоративный антиквариат по сравнению с чудовищно вычурными и дорогими предметами, которыми владели её предки. Аврора устремила взгляд на дальний алтарь, и от этого зрелища у неё в животе поднялась волна непонятных эмоций.

Она покинула дворец такой наивной. И хотя теперь она знала о мире гораздо больше, чем когда уезжала, её мысли о магии и богине были ещё более запутанными, чем когда-либо. Теперь она знала, что наивность мира не исчезает с возрастом, только готовность признать собственное незнание. Если её магия и открыла ей что-то, так это то, что мир был намного сложнее, чем кто-либо мог себе представить, и только по-настоящему наивные люди пытались притвориться, что понимают это.

— Это... кровавые небеса, Аврора. Насколько ты богата?

Аврора обернулась и увидела, что Джинкс не сводит глаз с раскрашенной золотой филигранью статуи своей матери. Статуя была такой же высокой, как и комната, достаточно высокой, чтобы протянутая рука матери возвышалась над их головами. Это была её мать, да, те же волосы цвета небесного пламени и высокий силуэт, но если бы её мать была достаточно здорова, чтобы идти рядом с ними, в сравнении со статуей она была бы карликом. Ни одно из этих изображений не было об истине, они были о власти.

— Ты забываешь, что всё это больше не принадлежит мне, — просто ответила Аврора и опустилась на колени перед алтарём богини.

— Разве сейчас подходящее время? — спросила Джинкс. — Каждому своё, конечно, но здесь мы не совсем вне опасности.

На алтаре была плоско-выпуклая рельефная резьба образа богини. Её руки были единственным полностью вылепленным элементом, и они вытянулись, держа чашу, предназначенную символизировать день, когда она излила бури на землю. Аврора положила ладонь на дно чаши и нажала на неё. Руки не сдвинулись с места, но когда она положила вторую руку в чашу и нажала сильнее, руки начали медленно опускаться, пока Аврора не услышала щелчок. Затем Аврора толкнула чашу вперёд, и рельефная резьба богини скользнула назад в стену достаточно далеко, чтобы можно было проползти мимо.

Джинкс тихо присвистнула.

— Вы, члены королевской семьи, слишком богаты. Но должна признаться, я поклонница всех тайных ходов. Это гораздо интереснее, чем... это.

Джинкс неопределённо махнула рукой в сторону дорогих статуй и картин.

Не ответив, Аврора проползла мимо богини, а затем стала ждать в тёмном туннеле, пока Джинкс сделает то же самое. Дождавшись её внутри, Аврора толкнула богиню, возвращая её обратно на своё законное место, и услышала тяжёлый лязг, когда потайная дверь закрылась за ними. В темноте она положила руку на спинку алтаря и вознесла что-то вроде молитвы, но не обязательно богине, а просто для себя.

Будь в безопасности. Пожалуйста, пожалуйста, будь в безопасности.

Джинкс извлекла вечный уголёк из сумки на бедре, и слабое свечение замерцало на каменных стенах.

— У тебя, наверное, было самое удивительное детство, — прошептала Джинкс, ожидая, что Аврора возглавит шествие по проходу.

После нескольких футов ползком они смогли встать прямо, и Аврора честно ответила:

— У меня вообще не было детства.

Несколько шагов они прошли, молча, но Джинкс была не из тех, кто бросает всё на произвол судьбы.

— Кто Нова для тебя?

Аврора вздохнула.

— Подруга. Единственная, что у меня когда-либо была.

— Принцесса с одним другом? Это не то, как я себе это представляла.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь знаешь, что большинство маленьких девочек мечтают о такой жизни, как твоя, не так ли? В том числе и я мечтала, когда-то давно.

Аврора издала нечто среднее между смехом и всхлипом.

— Тогда, наверное, у нас есть что-то общее, потому что я мечтала о такой жизни, как твоя. Не пойми меня превратно, я знаю, как мне повезло вырасти в таком месте, где есть еда, где можно спокойно спать, где есть мать, которая защитит меня любой ценой. Но... были и издержки. Мой брат, первый наследник, умер, когда я была ещё ребёнком. И когда мы поняли, что магия не приходит ко мне, по крайней мере, так, как мы ожидали, мне пришлось изолировать себя всеми способами. Каждое слово приходилось снова и снова прокручивать в голове, прежде чем оно слетало с моих губ, чтобы не выдать меня. Я была нервным, эмоциональным ребёнком, особенно после смерти моего брата, и мне нельзя было никому доверить хранить свою тайну. Так что вместо этого мне нужно было сохранить саму себя. Вдали от мира, от других людей, включая моего единственного друга.

— Так вот почему ты ушла.

Аврора встретилась взглядом с Джинкс в мерцающем свете тлеющих углей и кивнула.

— Отчасти. Кроме того, надвигалась моя женитьба с Кассием Локи. Это был единственный способ, который, по мнению мамы, помог бы мне сохранить трон и получить присутствие Бурерождённого, который смог бы защитить город. Но... он был холоден и жесток. Жизнь, привязанная к нему, была бы похожа на жизнь, привязанную к бурям, с которыми мы боремся.

— Послушаешь Кирана о Локи, так они монстры.

Аврора пожала плечами.

— Мать держала меня слишком близко к себе, но я узнала достаточно, чтобы понять, что внутри этой семьи жестокие отношения, частью которых я не хотела стать. С моим секретом я чувствовала себя так, словно истекала кровью в бассейне с акулами. Теперь я знаю, что они были даже хуже, чем я боялась.

— И тогда ты решила похитить себя?

— Нова помогла мне сбежать, хотя сама считала эту идею безумной. Она ни минуты не раздумывала, несмотря на то, что я отстранилась от неё много лет назад. Воистину, я не заслуживаю её.

— Ты не должна чувствовать себя виноватой за желание быть свободной. Трудно жить под тяжестью такого рода тайны. Я тоже покинула свой дом, чтобы начать всё сначала.

— Да, но ты не оставила целое королевство на милость плотьядной семьи, как и своего лучшего друга, чтобы он взял на себя вину за исчезновение.

После этого Джинкс перестала задавать вопросы. То ли потому, что у неё были ответы на все вопросы, то ли потому, что коридор начал извиваться, спускаясь на самые нижние уровни дворца. К тому времени, когда они добрались до конца коридора, воздух стал холодным и слегка кислым.

И коридор закончился. В одну минуту они шли сквозь темноту, и только тлеющие угли помогали им, а в следующую они наткнулись на кирпичную стену, которая не позволяла им двигаться вперёд.

— Что теперь? — спросила Джинкс.

Аврора сглотнула один раз, потом ещё раз, потому что не знала. Она знала, что проход существует, но никогда не ходила по нему до самого конца. Так было всегда? Или Локи обнаружили его и отрезали путь, чтобы предотвратить проникновение, подобное тому, что она пыталась сделать?

Аврора прижала ладони к кирпичу и толкнула, но ничего не произошло.

— Роар? — Прошептала Джинкс.

Не обращая внимания на подругу, Аврора снова надавила, на этот раз сильнее, скользя руками по разным местам, ища какое-нибудь слабое или особое место, но стена снова не сдвинулась с места. Её мысли начали метаться, переворачиваясь сами по себе, извиваясь до тех пор, пока внутри её сознания не стало шумно и бурно, как в стремнине затопленной реки.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Я не знаю, что делать дальше.

Слова прозвучали отрывисто и грубо. Она должна была вытащить Новайю оттуда. Она не могла даже представить, как долго Новайя была заперта здесь, не могла вынести мысли о том, что ей пришлось пережить из-за легкомысленной свободы Авроры.

Джинкс, как всегда, ничуть не смутила загвоздка в их плане. Она переплела пальцы и хрустнула костяшками пальцев.

— Давай посмотрим, что у нас есть.

Она тоже принялась разглядывать стену, проводя пальцами по кирпичам и по пазам между ними.

— Стена заколдована, — пробормотала она. — Как и парадные врата. Для его открытия требуется магия.

Глаза Авроры распахнулись. Это имело смысл. Этот конкретный проход предназначался для использования в случае враждебного захвата. Если правящий Бурерождённый будет заперт в подземелье, будет иметься заложенный при проектировании путь побега, который будет работать только мановению магии.

Аврора быстро закрыла глаза, призывая бурю небесного огня в своей груди, и ударила по стене, вкладывая в удар столько энергии, сколько смогла. Дверь затряслась, пыль дождём посыпалась вокруг них, но не вскрылась.

Джинкс отстранилась, зашипела и отряхнула руки.

— В следующий раз предупреди ведьму, прежде чем кидаться небесным огнём.

Аврора могла бы пробормотать извинения, но она была больше сосредоточена на очередной попытке. На этот раз весь туннель вокруг них задрожал, и её волосы встали дыбом от количества электрических зарядов, которые она направляла на кирпич.

Но всё ещё... ничего.

Аврора в отчаянии зарычала.

— Богиня, сожги его. Почему это не работает?

На долгое мгновение воцарилась тишина, а затем с другой стороны кирпича раздался голос:

— Эй? Там кто-то есть?

Аврора сразу же узнала этот голос. Облегчение нахлынуло на неё с такой силой, что её чуть не стошнило.

— Новайя? Это ты?

Ответа не последовало. Был ли там охранник? Богиня, это же подземелье... конечно, там был охранник. Что, если они просто привели всех солдат прямо к ним?

— Нова? Ты одна? Ты в порядке? Пожалуйста, будь в порядке.

На этот раз голос прозвучал громче и явно потрясённо.

— Аврора? Этого не может быть...

— Так и есть. Отойди. Я вытащу тебя отсюда.

Аврора ещё не знала как, но эта стена не встанет между ней и её подругой. Ничего не встанет.

— Может, её открывает не небесный огонь, — предположила Джинкс. — А какая ещё магия есть у твоей семьи?

Аврора нахмурилась.

— Ничего такого, что я могла бы контролировать.

— Тогда хорошо, что ты не единственная в этой команде владеющая магией.

Аврора ахнула и резко обернулась. Эти слова исходили не от Джинкс, и они больше не были одни в коридоре. Прислонившись к каменной стене, в нескольких шагах от них стояла Слай, она выглядела так, словно всё это время была здесь.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала Аврора.

— Следую за вами, — прошептала в ответ Слай.

Джинкс разрядила напряжённый момент смешком.

— Как? Ты шла за нами всю дорогу и только сейчас показалась? И мы ни разу не заметили?

Слай оттолкнулась от стены, её поза была небрежной.

— Может я и потеряла на некоторое время ваш след из-за этого тайного прохода. Но, в конце концов, я всё поняла, — она хлопнула в ладоши и продолжила: — А теперь давайте посмотрим, как нам пройти сквозь эту стену.

Человек, в отличие от богов, ограничен в том, что он может видеть, знать и понимать. И так уж вышло, что те, кто обладал магией, начали жаждать большего, чем колоссальные дары, которые им уже были даны.

— *Изучение Первородной Магии*

10

Новайя всегда боялась, что этот день настанет. Всё то время, проведённое в одиночестве в камере, огромные усилия по сдерживанию магии под контролем, опустошающая меланхолия, которой не было видно ни конца ни края, не говоря уже о долгой борьбе с тревогой — всё это должно было настичь её рано или поздно.

Должно быть вот оно — эти голоса. Только теперь их было три. Один из них очень был похож на голос Авроры из её воспоминаний, он звучал настолько правдоподобно, что это заставляло Новайю врасплох каждый раз, когда она слышала его. Сердце Новы неизменно

разрывалось, когда ей приходилось напоминать себе, что это всё было ненастоящим.

Два других голоса были незнакомы ей, да и со странным акцентом. Она попыталась сопоставить их с каким-то другим голосом, который слышала когда-то, гадая, не извлёк ли её разум его из воспоминаний. Это должно было быть единственным объяснением того, почему она слышала голоса за твёрдой каменной стеной своей камеры.

Не то чтобы она никогда не кричала посреди ночи, надеясь, что кто-то за пределами этих четырёх стен ответит. Но это... это было слишком невозможно, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Но всякий раз, когда она убеждала себя заблокировать всё, голос Авроры звучал снова, говоря ей держаться. Может, это и было невозможно, но... она сомневалась, что ей померещилось сотрясение стен. Уже обугленную и испорченную кровать осыпало пылью и грязью. Снова и снова раздавались неистовые разговоры, которые она не совсем понимала, и всё это сопровождалось твёрдым грохотом стены.

Может, это было землетрясение? Или какое-то другое природное явление, и её травмированный мозг просто сплетал воображаемые истории, чтобы не дать ей развалиться на части. Она всегда была странной девушкой. Её разум слишком легко был пойман в ловушку беспокойства, вины и страха — настолько, что он слишком часто предавал её, чтобы она могла доверять ему. И поскольку её магия проявилась ещё в детстве, её тело тоже стало её врагом. По правде говоря, она знала, что эти разделения её личности, в конце концов, разрушат её. Она полагала, что тюремное заключение ускорило этот процесс.

— Нова? Нова! Ты слышишь меня?

Она ничего не ответила. Это не могло быть правдой. Будет слишком больно, если она поверит, а окажется, что всё не по-настоящему.

— О, богиня, что если она без сознания? Нова?

— Я... я здесь, — ответила она, тут же пожалев об этом.

— Слава небесам, — ответил голос Авроры. — Послушай, мы не можем пройти сквозь стену.

«А вот и оно, — подумала Нова, — начало наваждения. Это было не спасение, а осада». Эти голоса обоснуются в её голове, и она потеряет тот маленький контроль, который у неё ещё оставался.

— Но мы пройдем под ней, так что тебе нужно отойти назад.

Нова непонимающе моргнула.

— Ты слышишь меня? Отойди от стены.

— Я тебя слышу, — отозвалась Нова.

Она и так уже прижималась к дальней стене, поскольку во время одного из допросов принца кровать сгорела дотла.

Новая всё ждала и ждала. Голосов больше не было. Больше никаких трясущихся стен, ни ливней пыли. Но через мгновение она почувствовала что-то странное — покалывающее тепло в атмосфере вокруг неё. Внезапно она перестала чувствовать усталость, и пламя, которое всегда бушевало под её кожей, потрескивая вырвалось на поверхность.

Земляной пол её камеры начал вибрировать так мягко, что это было похоже на гул. Затем, как будто это была самая естественная вещь в мире, в середине её пола начала вскрываться дыра, открывая лестницу, вырезанную из земли, и лицо незнакомой девушки. Её лицо было угловатым с бронзовым оттенком кожи, с широко расставленными карими глазами. Волосы были острижены с одной стороны, но длинные с другой, и она на ней была

кожаная боевая форма.

Она была... великолепно. И всё это было так странно, что Нова ущипнула себя за руку в попытке прогнать сон. Но видение не исчезло, а стало ещё насыщенной. Из-за спины таинственной воительницы показалась белокурая голова, и Нова ахнула, её глаза тут же наполнились слезами, ещё до того как она увидела лицо Авроры. Эти волосы. Ни у кого не было такого цвета волос, кроме Авроры Паван.

— Слышала, что уже истёк срок твоего спасения, — эти слова исходили от девушки, стоявшей впереди, и от них Нова лишь ещё сильнее заплакала.

— Это ужасно грубо, но я должна попросить тебя приберечь этот плач до того момента, когда я не буду удерживать всю стену своей магией. Как думаешь, ты сможешь проскользнуть мимо меня? Как только ты доберёшься до лестницы, ты можешь пройти мимо меня к Авроре, и мы вытащим тебя отсюда как можно быстрее.

Каким-то образом Нова прислушалась. Она подавила слёзы и стремглав рванула к отверстию, которого и в помине не было несколько минут назад. Какая-то её часть всё ещё ждала, что всё это иллюзия, но когда она подошла ближе, её нога опустилась в отверстие и твёрдо приземлилась на верхнюю ступеньку.

— Хорошо. Продолжай идти.

Её ноги дрожали, как у новорождённого жеребёнка, но Нова заставила себя идти дальше, а не скользить. Это покалывающее тепло окружило её, как только она вошла в туннель, и когда пламя внутри неё снова ответило, Нова вспомнила последние слова девушки.

Удерживать стену магией.

Ни одна штормовая магия, о которой она когда-либо слышала, не могла сделать этого, а это означало, что эта женщина-воин обладала... земной магией?

В следующее мгновение Нова почувствовала, как её крепко схватили, крепко прижали и обняли, и это был самый близкий контакт за последние месяцы. Она замерла, сморщив лицо и готовясь изо всех сил заблокировать свою магию, но... необходимости в этом не возникло. Она была здесь, рядом с поверхностью, но ей не хотелось рваться на свободу, как это бывало, когда другие прикасались к ней. Через несколько долгих минут Нова подняла руки и ответила на объятия Авроры, с облегчением узнав, что её лучшая подруга жива.

Вот тогда-то и разразился весь ад.

Нова резко отстранилась, ахнув, когда что-то между ней и Авророй стало обжигающе горячим, даже по её меркам.

Знакомое лицо Авроры исказилось от незнакомого чувства — ужаса, боли или чего-то похуже. Её подруга издала низкий мучительный стон, и в то же время весь мир, казалось, содрогнулся, проход вокруг них осыпался дождём грязи и камней. Мягкое прикосновение ладоней Авроры к рукам Новы становилось всё крепче и крепче, ногти впивались до тех пор, пока Нова не почувствовала, как надрывается кожа.

Это было похоже на какой-то кошмар, хуже, потому что даже предательский разум Новы не мог придумать ничего более жестокого. Она визжала и извивалась, пытаясь освободиться от хватки подруги, но хватка была слишком крепкой.

Снаружи затрубили штормовые сирены, но хватило бы и одного лишь завыванию ветра, чтобы Нова почувствовала приближение бури. Ветер завывал как чудовище. Словно в ответ на растущую бурю, хватка Авроры стала болезненно яростной. В панике, внутри Новы вспыхнуло пламя, готовое спасти её, и Нова закричала громче в ответ, не зная, как долго она

сможет сдерживать свои инстинкты.

Девушка, которую она раньше не видела, с короткими вьющимися волосами и тёмной кожей появилась из ниоткуда, прижимая руки к голове Авроры и командуя:

— Щиты, Аврора.

Принцесса зажмурилась и выдохнула:

— Я пытаюсь.

Девушка продолжала:

— Отдели свою душу. Сейчас. Ты знаешь, что есть ты, а что нет. Отдели. Освободи место. И укрепи свои щиты.

Нова понятия не имела, что происходит, но через несколько мгновений хватка Авроры ослабла настолько, что Нова смогла вырваться. Женщина-воин подхватила её, как только она отшатнулась.

— Полегче. Дыши.

Нова пыталась делать то, что ей говорили, но теперь её охватила тревога. Сердцебиение громко отдавалось в ушах, кожа стала липкой, а зрение затуманилось тёмными пятнами.

— Ты в безопасности. Я обещаю. Я обещаю.

Были произнесены и другие слова, но Нова их не расслышала. Она устремила взгляд на лучшую подругу, наблюдая, как ярость исчезает из её глаз, и на её смену приходит смятение и стыд. Богиня, она знала это выражение лица. Она сама носила его так много раз.

Аврора встретилась с ней взглядом и сказала:

— Мне жаль.

Но Нова смогла прочесть слова только по губам, потому что звук затерялся в очередном грохоте, и весь дворец снова сотрясся.

Аврора стояла, как-то по-прежнему царственно, несмотря на грязь и страх, покрывавшие её.

— Это Повелитель бурь. Он нападает на дворец. Нам нужно выбраться отсюда, пока не будет поздно.

Только когда Нова почувствовала лёгкий толчок в спину, подталкивающий её вперёд, она поняла, что воительница прикасалась к ней всё это время, и ни разу её магия не восстала в ответ.

* * *

Небеса, им повезло. Киран и остальная команда проникновения не встретили сопротивления, пока они почти полностью не покинули дворец, и даже тогда у них было численное превосходство. Борьба была минимальной, они заняли выгодную позицию и Киран бросил ещё один флакончик с магией тумана, и потом они побежали.

Врата дворца были закрыты, но они были готовы к этому. Им больше не нужна была скрытность, только скорость. Поэтому они перебросили через стену захватный крюк и быстро перелезли через него, подняв с собой груз.

Туман, который они оставили, чтобы поглотить вход во дворец, купил им время. Любой, кто придёт сюда в их поисках, будет пойман в ловушку на некоторое время. Но чем быстрее они исчезнут, тем лучше. Зефир была первой, а её лейтенант Рахим — замыкающим. Когда остались только он, Киран и Рансу, их застигло врасплох внезапное приближение фигуры на полном ходу.

Рахим быстро выхватил оружие, но Рансу жестом притормозил его.

— Он один из наших.

К ним подбежал Бейт — запыхавшийся, с рыжими волосами, прилипшими к лицу от пота или дождя. Его назначили наблюдателем, и он уже должен был быть по другую сторону стены.

— Что случилось? — спросил Киран.

Бейт поморщился и вместо ответа посмотрел на Рансу.

— После того как вы ушли, Слай кое-что заметила.

— Заметила что? — спросил Киран.

И снова Бейт не сводил глаз с Рансу, избегая взгляда Кирана.

— Джинкс и Роар не вернулись в штаб после выполнения своей части задания. Вместо этого они вошли на территорию дворца.

— Что они сделали? — прорычал Киран.

— Слай последовала за ними, — поспешил ответить Бейт. — Чтобы убедиться, что с ними ничего не случится, но она всё ещё не вернулась. Никто из них не вернулся.

Зрение Кирана затуманилось, и теперь он мог видеть лишь обеспокоенное и испуганное выражение лица новичка. Его мир сузился, его ум был настолько сосредоточен на Авроре, Джинкс и Слай, и на всём, что могло с ними случиться, что он не заметил, как воздух изменился, как давление упало, и мир затих.

И только когда всё вокруг взорвалось красками, светом и болью, сработали его инстинкты охотника, и он понял, что происходит.

В небе разверзлась дыра, и пламя хлынуло вниз огромными потоками, меняя всё в одно мгновение. Первый уголёк ударил его по предплечью, прожёл несколько слоёв кожи, прежде чем Киран скинул его, заработав тем самым ещё одну обжигающую рану на руке. Следующий уголёк скользнул мимо его лица, обжигая щеку на своём пути к земле.

Казалось, он не мог мыслить правильно. Он должен был что-то сделать с бурей, с непосредственной угрозой, но его мысли были заняты угрозой Авроре. Рансу пришлось вытащить из-за пояса огненный порошок и помахать им прямо перед лицом Кирана, прежде чем он начал мыслить рационально. Он вытащил пробку и высыпал порошок на язык, стараясь не думать о том, сколько своих ресурсов они израсходовали в этой одной единственной миссии. Но сейчас это было отнюдь не самое главное. Следующий уголёк, попавший в него, причинил боль, но уже не обжёл, и это обострило его внимание.

Он посмотрел налево и увидел, что Рахим уже ушёл, и канат тоже исчез. Неважно. Киран ни за что не уйдёт без остальной команды.

— Куда они пошли?

Они побежали за Бейтом к виноградной лозе, которую Джинкс прорастила к балкону королевы, но та уже сгорела дотла в развязавшемся огненном смерче. Некоторые части дворца тоже горели, и никто, казалось, не делал ничего в борьбе с бурей.

Киран подумал о туманных бурях, которые они оставили разбросанными по дворцу. К этому времени они могли разрастись и заполнить ещё больше пространства, выводя из строя ещё больше людей. Что, если они неосознанно оставили дворец и весь город Паван, уязвимым для нападения?

Он знал, что Аврора никогда ему этого не простит. И хотя это шло вразрез со всеми его инстинктами, хотя ему было физически больно не идти за ней, он повернулся и посмотрел на небо.

— Новый план, — объявил он. — Мы разберёмся с этим, а потом найдём наших девочек.

Киран был единственным среди них с сердцем огненного смерча, поэтому он вытащил его из-за пояса. Но у двух других охотников были свои способы ему помочь.

— Я займусь пламенем, — сказал Рансу, вытаскивая из пояса банку с магией ливня.

Киран заметил, что у Рансу тоже запасы истощились.

Бейт вытащил своё единственное сердце бури из пояса и сказал:

— Отвлекающий манёвр. Я займусь этим.

Рансу и Бейт точно рассчитали свои действия, и появление грозы из бутылочки Рансу можно было ошибочно принять за сердце бури Бейта, которое было наводнено его магией, обманывая бурю и наводя её на мысль, что настоящая буря разразилась в его эпицентре. Первые капли ливня встретили пламя громким шипением, дым заполнил небо, так что трудно было сказать, что было бурей, а что дымом.

Киран выбрал именно этот момент для атаки, проталкивая свою энергию через сердце бури, которое он держал и направлял на кипящего, крутящегося зверя над головой. Ему удалось прервать движение, застигнув бурю врасплох, но затем ветер донёс ужасный воющий звук, и вращение резко вернулось на круги своя, только на этот раз ещё быстрее, опускаясь ниже к земле, ближе к дворцу.

Ветер снова переменился, на этот раз возникнув у него за спиной, он почувствовал резкий восходящий поток, сопровождаемый поднимающимся жаром от пламени, и его уши наполнились громким гортанным рокотом, от которого содрогнулась земля под ногами. Он посмотрел вверх, а потом оглянулся назад и как раз вовремя, чтобы увидеть воронкообразное облако, опускающееся всё ниже и ниже, отрывая кусок от знаменитой золочёной крыши дворца.

Кровавые небеса. Вот и всё. Это была не просто одиночная буря. Это была одна из атак многочисленных бурь, которые явно не могли быть природными. Вот оно, наступило. Повелитель бурь пришёл за Паваном, и слишком много людей, о которых Киран заботился, всё ещё были внутри.

* * *

Четыре девушки из разных миров выползли из тайного туннеля, и Аврора с облегчением выдохнула, оказавшись, наконец, на первом этаже. Туннель сотрясался и распадался вокруг них на каждом шагу, и хотя никто из них не произнёс ни слова, она знала, что все они боялись окончательного разрушения туннеля.

Теперь, когда они стояли на свету, Аврора не могла оторвать глаза от Новы. Её подруга похудела, на некогда круглых щеках появились неестественные впадины, под стать впалой коже под глазами. Её шаги оставались нетвёрдыми, даже когда они стояли на ровной земле.

Последствия неволи, и Аврора хотела протянуть руку в утешение, в помощь, но она не могла... не после того, чему она позволила случиться в туннеле. Ни когда та другая душа всё ещё тащилась за ней, словно ждала, когда она ослабеет.

Её не должно было волновать, что до сих пор не было воздвигнуто никакого барьера для защиты от бури. Какое ей дело до Кассия Локи? В конце концов, она собиралась отдать его в руки правосудия. Однако снова и снова за последнюю неделю, независимо от того, сколько раз буря прорывалась, не проходило много времени, прежде чем Аврора чувствовала, как его ледяные барьеры поднимались, прежде чем его борьба давала ей столь необходимую ей отсрочку.

Но сейчас преграды не было. Ничто не могло остановить бурю, которую контролировала эта неистовая душа, и она боялась того, что они найдут, если, нет, когда,

они выйдут из дворца. Они поспешно пересекли зал предков и коридор для слуг, но когда они распахнули следующую дверь, Джинкс захлопнула её раньше, чем густое облако с другой стороны смогло проникнуть внутрь.

— Туман, — первой ответила Слай.

Они все знали, что это было частью плана проникновения. Но, ни у кого из них не было припасов, чтобы пройти через него невредимыми, поскольку все они должны были быть уже давным-давно в безопасности.

У Авроры не было на это времени. Им в любом случае надо было вернуться к её матери. Эта задача казалась такой... ну, не простой, но важной, когда они начали. Но проблемы просто продолжали разматываться всё дальше и дальше, пока она не потеряла всю нить.

Она должна была оставаться сосредоточенной.

— Нам нужно либо найти способ нейтрализовать туман, либо найти альтернативный маршрут, — сказала она.

Туман за дверью был вызван магией, и поэтому у него не было души, на которую она могла бы повлиять. Она повернулась к своим соратницам-охотницам.

— У кого-нибудь из вас случайно нет с собой сердца тумана?

Обе девушки покачали головами.

Слай потянулась за чем-то на ремне. Она протянула ладонь, показывая серый цилиндрический камень.

— Ветер? — спросила Аврора.

— Если мы не можем нейтрализовать его, тогда развеем, — сказала Слай.

— И у тебя есть магия ветра под рукой?

— Нет, но у тебя есть.

Взгляд Авроры метнулся к Нове, которая выглядела слишком измученной, чтобы уловить смысл слов охотницы. И даже если бы она поняла смысл сказанного, Аврора вряд ли могла бы настаивать на том, чтобы скрывать секреты от своей подруги, не после всего, через что ей пришлось пройти. Если её способности смогут помочь им пройти через это, она бы сделает это.

Она протянула руку, и Слай положила сердце бури на её ладонь. Как всегда, она не испытала зова других Бурерождённых. Она не чувствовала никакой связи с побеждённой бурей, из которой это сердце было извлечено, и это не позволяло ей направлять природную магию, которую другие бури проявляли при появлении. Эти дары так и не проявились в ней. Но теперь она знала, что это вовсе не значит, что она не сможет использовать это сердце для магии другого рода.

Она глубоко вздохнула. Потом ещё раз. Она посмотрела на Джинкс и Слай и сказала:

— Я должна опустить свои щиты. Я сделаю всё возможное, чтобы удержать бурю на подчинительном расстоянии, но если она попытается овладеть мной...

— У меня осталось немного порошка Резны, если ты решишь спустить на нас голову, — Джинкс беспечно пожала плечами, как будто необходимость вывести из строя подругу была просто частью её обычного дня. — Но постарайся не становиться Гневной Роар. У нас уже есть одно бессознательное тело, которое нужно нести, два очень затруднят дело.

— Постараюсь.

Слай открыла рот, словно собиралась что-то сказать, но потом закрыла его и просто кивнула.

— Что происходит? — спросила Нова.

— Выход заблокирован, но я собираюсь кое-что попробовать. Это... у меня может возникнуть такая же реакция, как и раньше, когда я сжала твои руки. Кстати, мне очень жаль. Обещаю, я всё объясню позже, когда будет на это время.

Аврора ненавидела выражение страха на лице подруги, но Нова всё равно кивнула, верная, несмотря на свои опасения.

— Почему бы нам с Новой не отойти в сторону, в безопасность? — предложила Джинкс. Она сняла с пояса мешочек и протянула его Слай. — Слай может быть твоим секундантом. Она довольно быстро привела тебя в чувство в туннеле, — Джинкс переключила своё внимание на другую охотницу и добавила: — Если она станет сильнее, и ты не сможешь справиться, всего лишь одна крошечная щепотка порошка, всего один вдох, и она успокоится. Чуть больше, и она вырубится на всю ночь.

После небольшой перетасовки они все были на своих местах, и оставалось только, чтобы Аврора опустила свои щиты достаточно, чтобы выбрать душу и призвать бурю. Она ещё не освоило это мастерски, но процесс был достаточно простым. Он немного напоминал ей протягивания нитки в ушко иголку. Аврора всегда чувствовала вокруг себя духов, какие-то далёкие и извилистые, какие-то близкие и удушливые. Ей просто нужно было выбрать одну и протащить её через сердце бури, которое она держала в руках, и душа приняла бы жизнь этой бури.

Это так просто.

— Очень, очень просто, — пробормотала она себе под нос, а затем начала медленно опускать щиты, воздвигнутые между её собственной душой и окружающим миром.

Она представила себе, как убирает один камень, только один, позволяет впустить лишь кусочек снаружи.

Даже это маленькое отверстие казалось шлюзом, наполнявшим её разум шумом, чувствами и ощущениями, которые не были её собственными. Это было похоже на вторжение, чужое и всепоглощающее, и её инстинктивным желанием было попытаться сорвать всё, как паутину, через которую она прошла, ничего не подозревая. Вместо этого, она держала шлюз открытым, стараясь приспособиться. Мир снаружи был шумным, рассеянным и хаотичным, и это воспламеняло её собственные мысли, пока они тоже не стали громкими, соревнуясь, как будто говоря: «я всё ещё существую».

— Не паникуй, — произнесла Слай тихим и властным голосом, встав рядом с Авророй. — Ты только зря потратишь свою энергию.

Она была права. Аврора не могла бороться со своим собственным разумом в дополнение к внешнему миру. Так или иначе, она должна была верить... что справиться, что найдёт дорогу назад. Она вдохнула, представляя, как дыхание толкает все её собственные мысли глубже внутрь неё, безопасно и обособленно. Затем на выдохе она сосредоточилась на этом отверстии в щите и сняла второй камень, расширяя свою экспозицию.

Сознание бури накатило на неё, и она ощутила его как болезнь — густую и приторную, ищущую свою следующую жертву. Душа была стара — настолько стара, что в ней почти не осталось человечности. Ни воспоминаний, ни тоскливой боли от прежней жизни. Аврора задавалась вопросом, а помнят ли такие души, как эта, почему они всё ещё цепляются за этот мир, или они держатся только по привычке и ненависти.

Аврора отодвинула её в сторону и попыталась найти другую душу, не столь испорченную, которая помогла бы им и подчинилась её контролю, не причинив никакого

вреда. Она закрыла глаза и позволила притяжению, которое она чувствовала внутри, дрейфовать туда, куда она хотела, но было трудно ориентироваться в хаосе живых душ за стенами, которые были наполнены отчаянием, паникой и страхом.

Аврора отстранилась и попыталась начать с малого. В непосредственной близости от себя она ощущала живое присутствие своих друзей, неповторимый гул их душ. Дальше, за закрытой дверью, она обнаружила ещё несколько живых душ, хотя они были более подавленными — «пойманы в ловушку тумана», догадалась она. Она потянулась дальше, ища нежную душу, смешивающуюся с землёй или воздухом, но все они рассеялись в присутствии монстра, правящего небесами.

Тогда она стала искать так далеко, как только могла, не теряя связи с собой. Она решила рискнуть открыть себя ещё больше. Она начала опускать свою защиту, камень за камнем, пока не смогла дотянуться до каждого желаемого направления.

«Мне нужна помощь, — подумала она. — Павану нужна помощь. Пожалуйста, если вы согласны, приходите».

Она почувствовала несколько ответных посылов, неуверенных и настороженных. Она излучала теплоту и сострадание, а также призывала к мужеству. Это была такая жестокая ирония, насколько сильно отличались души, к которым она прикасалась. Злые и властолюбивые души естественным образом тяготели к бурям. Они часто чувствовали, что им что-то задолжал мир, в котором они когда-то жили, и они принимали плату в разрушении. А остальные — они были мягкими, более уязвимыми, как и следовало ожидать, когда самое истинное «я» человека запихивают в суровый мир, не дав ему даже кожи и костей на вооружение. Именно эти души она должна была уговорить и утешить. Хотя они и не смогли отпустить свою старую жизнь достаточно, чтобы двигаться дальше, они сделали всё возможное, чтобы приспособиться, поселившись в пластах природы, где жизнь и смерть были постоянными и менее сложными.

Аврора думала о своей магии как о песне — нежной и успокаивающей — и изливала её для этих душ, прося их о помощи. Она нашла одну, забившуюся глубоко в землю, избегающую бурь над головой. Эта душа послала ей образы огня и хаоса, и Аврора резко втянула воздух.

Снаружи бушевал огненный смерч. Неудивительно, что в городе царил такой переполох.

Она пообещала душе убежище и руководство и подтолкнула её к себе. Душа пришла, но неспешно. Эта душа не была борцом в отличие от той, что поселилась в огненном смерче. Но Авроре и не нужна она была для борьбы. Душе просто надо было подчиниться.

Она вытасила душу из земли и почти добралась до дворца, когда внезапно появилась другая душа. Эта появилась откуда-то сверху, словно из ниоткуда. Она двигалась быстро и не нуждалась в уговорах с её стороны. К своему удивлению, Аврора отпустила смятенную душу, которая тут же поспешила обратно в своё укрытие, как только перед её мысленным взором предстала вновь прибывшая.

Эта душа была... другой. Дерзкая, нетерпеливая, но совсем не детская, как буря небесного огня, с которой она столкнулась в пустыне Сангсорра. Эта душа излучала чувство долга, и Авроре стало любопытно, а не был ли он или она когда-то солдатом.

«Ты здесь, чтобы помочь?» — она послала мысль в сторону души.

Душа не ответила ничего. Не было ни образов, ни слов, они лишь приблизилась, наполняя её пространство.

«Тогда ладно. Спасибо. Обещаю отпустить тебя, как только рассею туман».

И снова душа придвинулась ближе, чувство нетерпения наполнило её, первое настоящее сообщение, которое она получила. «Определённо солдат», — подумала Аврора.

Аврора подняла сердце бури, держа его на двух ладонях, затем с глубоким вздохом взяла душу, повисшую перед ней, и просто протянула её через сердце.

Аврора надеялась на лёгкий ветерок, но эта душа была очень сильна. Поэтому Аврора сразу же получила порыв ветра. Тяжёлая деревянная дверь перед ней распахнулась ещё до того, как она успела собраться с мыслями.

Остальные, похоже, не возражали против такой спешки. Они бросились следом за Авророй, и через несколько мгновений все четверо выскочили из дверей в просторный холл.

Аврора сосредоточилась, направляя ветер на тяжёлые облака тумана, которые обнимали стены впереди них, и густые белые массы откатились назад, как волны под натиском.

Как только коридор очистился, душа вернулась, кружа вокруг Авроры с восторгом и одобрением. Ветер, казалось, пронизывал её насквозь, прогоняя страх и поднимая настроение. Воздух теребил её одежду и капюшон, трепал волосы. Она не могла устоять перед желанием присоединиться к вихрю. Ей показалось, что всё вокруг танцует.

— Как она это делает? — услышала она, как Нова спросила Джинкс, возвращая её к реальности.

Никто из них не успел ответить, потому что воздух пронзило рычание, смешанное с кошмарным воплем. Аврора поморщилась и зажала уши за мгновение до того, как что-то треснуло и хрустнуло, и этот звук, который раньше казался слишком громким, стал оглушительным.

Следующие мгновения разворачивались быстрее, чем она успевала осознать. Вокруг них начали падать предметы — шпукатурка, дерево и камень — и всё это покрылось огнём. Аврора запрокинула голову и посмотрела, что происходит, но затем порыв ветра, казалось, обхватил её за талию и потянул назад. От неожиданности она села на ягодички и проскользнула всего в нескольких шагах от охваченной пламенем балки, которая обрушилась прямо на то место, где она стояла.

Аврора услышала крик и, подняв голову, увидела Нову и Джинкс по другую сторону огня. Слай была отброшена назад тем же порывом ветра, что и она. Их группа разделилась. Аврора с трудом поднялась на ноги, её спина болела от столкновения с твердым полом. Встав, она едва не упала снова, когда почувствовала величину двух гигантских бурь, буйствующих в небе над головой.

Торнадо разорвал верхушку купола и, втянув в своё вращение несколько угольков огненного смерча, он швырнул их с пугающей силой внутрь дворцовых стен.

Часть поношенного плаща Новы вспыхнуло пламенем, и Джинкс пыталась голыми руками потушить пламя, а Нова отталкивала её, крича что-то, чего Аврора не могла расслышать. Вообще-то, она изо всех сил пыталась услышать почти всё вокруг, потому что души наверху бились в её ментальные стены, как тараны, и она чувствовала, что может потерять содержимое своего желудка. Она до боли впиалась ногтями в виски и застонала.

Слай возникла у её локтя, пытаясь оторвать её руки от лица, но боль была единственным, что удерживало Аврору в данный момент, боль держала её под контролем.

Но вдруг пришла третья буря. Аврора не знала, откуда и какого рода, только то, что она была быстрой и садистской, и это вот-вот сломит её. Она долго не протянет. Она посмотрела на Слай, задыхаясь.

— У тебя... Резна... она есть?

Лицо охотницы вытянулось, и она покачала головой.

— Нет, я уронила порошок, когда упала балка. Я не знаю, где он сейчас.

Аврора сильно сжала губы и закричала в закрытый рот, заставляя себя сдержаться.

Слай схватила её за плечи и самым успокаивающим тоном, который Аврора когда-либо слышала от девушки, наставляла:

— Не обращай на них внимания, держи их подальше. Направь всю свою энергию на познание границ собственной души. Познай себя, знай, что ты неподкупна. Будь настолько яркой, что они не смогут даже взглянуть на тебя, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к твоей душе.

У Авроры болело всё, от души до кожи и обратно.

— Я не уверена, что знаю, как это сделать.

— Ты должна.

Это Аврора и сделала. Она прекратила свои попытки построить стену, которая уже рухнула. Она перестала отчаянно толкаться и давить на вторжение, которое чувствовала, и вместо этого вернулась внутрь. Она не знала, каковы её границы, её путешествие по диким местам сделало это очевидным, но она всё равно попыталась. Она сосредоточилась на своей любви к матери, а также к Нове, Джинкс и Слай. Она думала о своих воспоминаниях в этом дворце, хороших и плохих. Она подумала о своём брате, который был таким храбрым и смелым. И хотя ей было больно, она подумала о Киране, и о той уверенности, которую обрела, будучи любимой им. Аврора могла не знать всего, чем она была, но она знала, чем она не была.

Она не собиралась позволять этим бурям взять над ней контроль, не тогда, когда у неё всё ещё была миссия, которую требовалось завершить. Она не собиралась оставлять этот город беззащитным, сломленным и втянутым в войну, которая не была их войной. И она не боялась пойти на всё, что потребуется.

Очень медленно Аврора почувствовала, что отступает от края пропасти. Её скрюченные мышцы расслабились, пальцы, которые она крепко сжимала вокруг головы, отстранились, и, открыв слезящиеся глаза, она оглядела коридор вокруг себя.

Мир всё ещё был охвачен огнём и страхом, но она не потеряла себя, не сегодня, не сейчас. Она подошла к балке, которая ограждала её от Джинкс и Новы, и увидела, что их положение только ухудшилось за время её временного отвлечения. Одежда Новы больше не горела, но теперь они были окружены четырьмя солдатами в синей форме Локи, солдатами, которых она, вероятно, освободила из объятий туманной бури всего несколько минут назад.

Она повернулась к Слай.

— Ливень? У тебя есть что-нибудь? Сердце или магия, я возьму и то и другое. Мы должны добраться до них.

Слай даже не успела ответить Авроре, как появились ещё четыре солдата, удвоив свою численность.

— Поторопись, — потребовала Аврора.

В нетерпении она потянулась к ветру, который был в её власти раньше. Он не погасит пламя, преграждающее им путь, но, возможно, она сможет перенаправить огонь в другую сторону, и они смогут перепрыгнуть через балку.

И снова Слай потянула её за локоть.

— Мы не можем, мы должны идти, пока ещё есть такая возможность.

— Что? И оставить их? Я не оставлю ни одну из них.

Аврора повернулась и бросилась к балке, но Слай вцепилась в неё и сильно дёрнула назад. Слай была на ладонь ниже и намного легче Авроры, но каким-то образом она продолжала отталкивать Аврору назад, как бы сильно та ни сопротивлялась. И Авроре потребовалось всего несколько секунд, чтобы израсходовать ту немногую энергию, что у неё осталась.

На краткий миг Аврора встретила взглядом с Джинкс сквозь прыгающее пламя. А потом ведьма развернулась, исполнив сложное движение, блокируя приближающегося солдата одним клинком, одновременно нанося удар по другому, заставляя его отступить.

Авроре показалось, что она слышит её крик:

— Не глупи, новенькая!

Но она усомнилась в этом, потому что Джинкс больше не встречалась с ней взглядом. Она была слишком занята, сдерживая нападающих.

— Пожалуйста, нет, нет. Всё не так должно было быть. Мы не можем оставить их, — взмолилась Аврора.

— Возможно, тебе следовало подумать об этом, прежде чем отправляться на спасательную операцию без плана.

Рыдание перехватило и вырвалось из горла Авроры. И почему она всегда всё делала неправильно? Независимо от её намерений, независимо от того, что она хотела сделать всё лучше, она только делала хуже.

— Хватит, — отрезала Слай, затягивая Аврору за угол и не слишком мягко прижав её к стене, без намека на утешение в голосе. — Жизнь течёт так, как должна течь, и ты либо движешься вместе с водоворотом, либо умираешь, барахтаясь от перемены ветров. Тебе ещё нужно спасти свою мать. Не говоря уже о нас самих. Весь замок может рухнуть, если в ближайшее время эти бури не будут устранены.

Аврора и Слай никогда не были подругами. Охотница не доверяла ей с той самой секунды, как они встретились, «и правильно», — предположила Аврора. Слай видела насквозь личность Роар и знала, что за ней что-то скрывалось.

«Правда, — поняла она, — была единственной вещью, с которой имела дело Слай». И это было именно то, что ей нужно было услышать в тот самый миг. Они заберут её мать, и тогда, возможно, в хаосе бурь ещё будет время вернуться за Новой и Джинкс. Может быть, она ещё сможет всё исправить.

Может быть.

Возможно.

С удвоенной решимостью они пересекли дворец и вернулись в штормовое убежище под королевским крылом. Аврора чувствовала, как небесный огонь бушует в её груди, посылая неистовые заряды энергии от кончиков пальцев на руках до кончиков пальцев ног, когда они приблизились к комнате, где она оставила свою мать. Она затаила дыхание, толкнув дверь, и облегчение вспыхнуло в каждой её клеточке, когда она увидела распростёртое тело своей матери, всё ещё лежавшее на крошечной кровати.

Богиня, так много всего пошло не так в этот день, но хоть это ещё не пошло наперекосяк. Она высвободит мать из лап этих людей и сделает всё, чтобы королева проснулась. Она должна сделать это. Потому что Аврора не знала, способна ли она быть тем, что сейчас нужно Павану.

Аврора склонилась над матерью, на долю секунды прижавшись лбом к её лбу, потом усадила пожилую женщину. Почти одновременно она ощутила внезапное ослабление

давления у своих ментальных щитов, тёмная тяжесть рассеивалась.

— Огненный смерч затихает, — сказала она Слай.

Аврора по-прежнему не чувствовала подъема знакомого барьера Кассия, значит, кто-то другой расправился с огненным зверем. Видение Кирана появилось в её сознании, и она послала тихую мольбу о его безопасности.

Уничтожение огненного смерча сделает их побег менее опасным. Она старалась не думать о том, как вынести мать из дворца посреди разгневанных снаружи бурь, не приведя их всех прямо к смерти. Но в то же время... если бури были под контролем, у неё было гораздо меньше шансов вернуться к Джинкс и Нове.

Но, возможно, они выбрались сами. Джинкс была воином, земной ведьмой, одной из самых сильных людей, которых Аврора когда-либо знала. Может быть, у них появился шанс на побег.

Путь наверх по тайному проходу в королевское крыло оказался гораздо труднее, чем спуск. Подъем был крутым, и бессознательная фигура королевы тяжело висела между Авророй и Слай, их разный рост делал работу ещё более сложной. Обычно Аврора брала на себя большую часть веса, но события дня уже начали сказываться на ней. Её ноги ощущались свинцовыми, но она заставляла их подниматься и подниматься по тропинке ступенек, а умственное и физическое истощение начали сливаться в один тяжёлый груз, который лежал поверх всего остального, замедляя её.

Это уже не имело никакого значения, когда она почувствовала, как разразилась вторая буря, а затем и третья. Ущерб уже был нанесён. Она была совершенно истощена, и единственное, что она знала, что нужно снова и снова ставить одну ногу перед другой.

Она так бы и продолжила идти, выходя прямо из тайного прохода в открытый коридор, если бы Слай не остановила её и не прижала палец к губам.

В королевском крыле послышались голоса. И как только она заострила своё внимание, её кожа покрылась мурашками от знакомого глубокого голоса, который она слышала всего в нескольких шагах от них.

— Нет, — отрезал Кассий Локи. — Не убивать никого из них. Я хочу их допросить. И никаких темниц, пока не узнаем, как они вытащили девушку. Иди. Я скоро последую за вами. Я хочу быть первым, кто заговорит с ними.

Аврора встретила взглядом со Слай, и её желудок сжался. Она услышала тяжёлые шаги уходящего солдата, но рядом открылась и быстро закрылась дверь. Она воспользовалась моментом и, отодвинув щеколду и открыв деревянную дверь в коридор, она осторожно обхватила пальцами гобелен, скрывавший их положение.

Она быстро выглянула в опустевший коридор, но буквально минуту спустя дверь, ведущая в покои, который восемнадцать лет были её личными, резко открылась, и появилась высокая, тёмная фигура Кассия Локи. Его волосы были длиннее, чем в последний раз, когда она видела его, менее царственные, с нечёсаными краями. Он был одет во всё чёрное, как она и помнила, но ключья его туники были опалены, открывая покрасневшую, обожжённую кожу. Его суровое лицо было вымазано пеплом, но глаза были полны решимости, когда он закрыл дверь в её покои и зашагал по коридору.

Чтобы допросить друзей, которых она оставила.

Она отпустила гобелен, как будто он загорелся, как и большая часть остального дворца, и зажала рот ладонью, болезненно впившись зубами в губу.

Когда в коридоре стало тихо, Слай сказала:

— Мы должны идти.

У Авроры ответа на это не было. Она устала быть во главе. Очевидно, в этом она не преуспела. Поэтому она сделала так, как сказала другая охотница, и они прошмыгнули в коридор и быстро скрылись в покоях её матери в конце коридора.

К счастью, там было пусто. Никаких выжидающих солдат. Никакой бессознательной горничной.

Но и Джинкс не было.

Аврора поддерживала мать, пока Слай скрылась, проверяя балкон. Вернувшись, она подтвердила то, чего они боялись — их путь к отступлению был давно сожжён. Слай задержала свой взгляд на постели.

— Придётся обойтись постельным бельем. Мы можем использовать его, завернём твою мать и спустим её вниз.

Аврора кивнула, всё ещё чувствуя оцепенение, но всё же перенесла мать, и они начали процесс. Слай расстелила на полу льняное одеяло, и Аврора осторожно уложила сверху свою мать. Слай ловко переكاتила королеву на бок и сказала:

— Подтяни её колени. Чем меньше она будет, тем лучше.

Аврора моргнула, но сделала, как ей было сказано, пеленая свою бессознательную мать, как ребёнка. В течение нескольких минут они были готовы пробовать сбежать. Аврора сначала спустит Слай вниз, а потом отправит вниз свою мать. Вдвоём они понесли мать к балконной двери. Как только они вышли на улицу, запах пепла и дождя наполнил чувства Авроры. Она подняла глаза и увидела столбы дыма, поднимающиеся над городом, и внезапно это оцепенение исчезло, реальность вернулась острым срезом.

— Подожди, — выдохнула Аврора. — Подожди. Я должна кое-что сделать.

Она не позволила себе ни думать, ни волноваться, ни бояться, пробираясь через комнату матери к двери. Лишь на секунду она прислушалась, прежде чем выйти в коридор, но как только она закрыла за собой дверь.

Коридор был всё ещё пуст, что было хорошо. Она зашагала вперёд, пока не добралась до двери, которая некогда вела в её покои, затем толкнула её и нырнула внутрь раньше, чем успела передумать.

Она моргнула, вбирая в себя смесь старого и нового, возникшего перед ней. Её книги остались, как и маленький диванчик, где она обычно сворачивалась калачиком и читала, где она сидела рядом с Кассием, когда он обсуждал их предстоящий брак, а она решила, что сделает всё возможное, чтобы создать своё собственное будущее. Но в остальном всё было иначе. Перед книжными полками стоял большой чёрный письменный стол, заваленный бумагами, чернилами и книгами, некоторые из которых она узнала, а другие были новыми. На деревянном стуле висело обгоревшее и окровавленное пальто. В углу стояла стойка с оружием, а рядом валялись две брошенные пары сапог.

Аврора недоверчиво покачала головой. Мало того, что он отнял у неё королевство и накачивал наркотиками её мать, Кассий Локи перебрался в её покои? У неё возникло внезапное желание уничтожить всё это — его имущество, свои вещи, всё это уже не имело значения, — но на это не было времени. Вместо этого она направилась к этому чудовищному столу и схватила кусок пергамента и перо. И она сделала единственное, что могла придумать для спасения своих подруг.

Аврора написала Кассию Локи записку.

Она быстро нацарапала слова чернилами. Закончив, она уставилась на слова, надеясь,

что не совершила ещё одну тотальную ошибку, но понимая, что должна что-то сделать. Она в последний раз оглядела свою старую гостиную и ускользнула, вернувшись в покои матери.

— Наконец-то! — воскликнула Слай. — Поторопись.

Аврора в замешательстве нахмурилась, выйдя на балкон и обнаружив, что постельное бельё с матерью уже исчезло.

— Давай, перелезь и спускайся, — настаивала Слай.

Всё ещё сбита с толку, Аврора перегнулась через край балкона и увидела свою мать, в безопасности, в объятиях человека, которого она любила и потеряла. Киран был весь в саже, и ярко-красный ожог тянулся от щеки до подбородка, но он баюкал её мать легко и с большой осторожностью. Рансу и Бейт жались друг к другу, без сомнения, высматривая солдат. Слёзы начали собираться в её глазах, когда она встретилась глазами с Кираном, но она знала, что будет время для её благодарности позже.

Поэтому Аврора переползла через выступ балкона, свесила ноги и прыгнула.

И поэтому первые пользователи магии предали себя уничтожению. Они брали от земли больше, чем давали. Они грабили то, что было в изобилии, и нарушали то, что должно было быть священным. И богиня оплатит за их грехи тысячекратно с каждым новым рассветом сезона Гнева.

— *Изучение Первородной Магии*

11

Ужас был странной вещью — он сразу же вынес на поверхность все её страхи и тревоги, пузырясь, как горячее масло, и он был таким всепоглощающим, таким огромным, что затмевал все другие чувства. Новайя не могла погрузиться в колодец мыслей о будущем или запутаться в прошлом, потому что в эту самую минуту этот ужасающий фактор принял такие огромные размеры, что не осталось ничего, кроме неё и ещё одной ведьмы, чьё имя она до сих пор не знала. Они стояли спина к спине против такого количества солдат, что она и сосчитать не могла.

Ведьма дала ей короткий кинжал, но Нова не имела ни малейшего понятия, что с ним делать, кроме как держать его в качестве предупреждения.

— Ну же, красавицы, — услышала она мужской голос. — Вы в меньшинстве. Не заставляйте нас причинять вам боль. Некоторым здесь нравится этот вид спорта, и я не могу обещать, что они остановятся, когда вы подчинитесь.

— Ах, да, — ответила ведьма. — Я уже встречала таких солдат Локи ранее. В диких землях. И с сожалением должна сообщить вам, что они встретили ужасный конец от смерча в пустыне Сангсорра. Хотя думаю, они это заслужили. Вы бывали в пустыне Сангсорра? Она названа в честь красных песков, предположительно это была кровь первых племён или подобная ерунда. Но в тот день стало совершенно ясно, что красный песок оказывается гораздо светлее настоящей крови.

Кто-то сделал выпад, и в следующее мгновение всё произошло так же быстро, как удар небесного огня. Нова услышала лязг мечей, увидела приближающееся к ней угрожающее мужское лицо, и почувствовала, как её развернули за локоть как раз вовремя, чтобы другая ведьма остановила меч, летевший к ней по дуге. Не раздумывая, Нова ткнула кинжалом вперёд, рассекая бицепс поднятой руки. Меч мужчины с грохотом упал на пол, и она быстро подняла его, ещё больше растерявшись с большим оружием, чем с меньшим клинком.

— Молодец, — земная ведьма улыбнулась, а потом снова прижалась к её спине.

Маленькая птичка надежды расправила крылья в клетке её груди, и Нова задумалась, а

смогут ли они как-нибудь выбраться из этой ситуации живыми. Даже если бы они просто смогли оттянуть время, возможно, Аврора сможет прислать подкрепление.

Затем мужчины, казалось, лучше продумали свою стратегию, и они все бросились в атаку. В мгновение ока она была оторвана от своей партнерши, оба оружия бесполезно выпали из её рук. Двое солдат схватили её за руки и оттащили назад.

Но ведьма-воительница оказала гораздо больше сопротивления, нежели Нова. Она развернулась и сделала выпад, её тёмные волосы взметнулись вокруг неё, словно третий клинок. Она была окружена, но её ноги двигались так быстро, что ей удавалось отталкивать солдат назад и назад, создавая небольшой карман в середине для себя, пока она боролась. Когда трое мужчин одновременно бросились в атаку, Нова не знала, как ведьма будет отбиваться от них, но затем земля вздрогнула, пол дворца задрожал, стены загрохотали, а повреждённый потолок рухнул сверху.

Нова споткнулась, как и схватившие её мужчины, и на несколько коротких секунд оказалась на свободе и на коленях возле кучи горящих обломков. Она заметила горку тлеющих углей, которые накопились за время бури, и потянулась. Она схватила два уголька раньше, чем солдат снова поймал её. Нова позволила солдату поднять себя на ноги, а затем ткнула рукой ему в шею. Она услышала шипение, всё ещё горящий уголёк коснулся его кожи.

Крик мужчины был пронзительным, и так близко к её уху, что звук ещё долго болезненно отзывался в её голове после того, как солдат отшатнулся. Новайя даже не стала смотреть на свою руку. Она чувствовала приятное тепло уголька на своей ладони. Он не обжёг её, а наоборот стал нашептывать её магии, словно что-то знакомое и чужое одновременно, как дорогой старый друг, которого она не могла вспомнить. Это был огонь, и всё же не огонь как таковой. Это было... нечто больше.

Ещё один солдат бросился на неё, и на этот раз Нова не колебалась. Она бросила горящий уголёк прямо в грудь мужчины, где тот прожёт униформу почти идеальным кругом, а затем проник к коже. Солдат выронил оружие и начал хлопать руками по быстро распадающейся униформе, одновременно крича в ответ на невидимый путь тлеющего уголька вниз. Нова снова зачерпнула как можно больше угольков, а затем она начала запускать их в мужчин, которые игнорировали её, целиком и полностью сосредоточившись на ведьме-воине.

Её первый бросок прошёл высокомерно и не задел группу, но Нова поспешила вперёд, и её следующий бросок оказался гораздо точнее. Ещё один солдат отскочил в сторону, царапая собственную спину, где уголёк ударил его между лопатками. Снова и снова Нова бросала свои угольки, избавляясь от мужчин, пока не осталось только два врага, наступавших на ведьму.

Тлеющие угольки закончились, и Нова бросилась к ближайшей стене, куда ветер нанёс горы дымящихся углей. Схватив столько, сколько могла удержать двумя руками, она встала и вдруг услышала, как мир затих.

Звон скрецаемых мечей исчез.

Никто не говорил, не стонал и не рычал во время схватки. Она вообще не слышала никаких признаков борьбы.

Сквозь стук своего сердца она поняла, что не слышит никаких признаков бури снаружи — ни завывания ветра, ни грохота грома.

Она медленно повернулась и увидела ведьму-воина с поднятыми руками и стену солдат, загораживавшую остальную часть комнаты. Нова выронила угольки, и они рассыпались

вокруг её ног, словно обжигающие маленькие прыгающие камешки.

Из-за стены солдат появилась высокая фигура — светло-коричневая кожа, тёмные волосы, глаза почти такие же чёрные, как и его сердце.

Кассий Локи.

Похоже, прибыло подкрепление.

Только не к ним.

* * *

Киран всегда гордился тем, что быстро соображал на ходу, но в тот момент, когда Роар — нет, Аврора, — приземлилась с мягким стуком с балкона наверху, его мысли рассеялись, и все планы, которые он строил, улетучились вместе с ветром.

Он испытал огромное облегчение, увидев её целой и невредимой. Но от усталого, пристыженного выражения её лица, когда она встретилась с ним взглядом, казалось, его кожа слишком сильно натянулась. Или это могли быть ожоги, которые чертовски сильно заныли под давлением веса, который он держал. Это был человек, это было вполне очевидно, но Слай не сказала ему ничего лишнего, пока спускала груз к нему через край балкона. Кто бы это ни был, он казался живым, по крайней мере, судя по теплу, которое Киран ощущал, и редкому лёгкому дыханию.

Через несколько секунд Слай тоже тихо приземлилась под балконом, и Киран сумел на мгновение оторвать взгляд от Авроры. Он посмотрел на Слай, когда она приблизилась. У давней подруги было мрачное и серьёзное выражение лица.

— Нам нужно идти. Земля скоро будет кишеть синими.

— А где Джинкс? — спросил он.

Задумавшись, он опустил голову и посмотрел на скрытое простынями тело, которое он держал. Он был уверен, что Джинкс была гораздо ниже ростом.

— Её здесь нет. Мы разделились.

— Разделились? — вмешался Рансу, его голос был хриплым.

Повисло долгое молчание, и когда выражение лица Слай ничего не выдало, Киран снова перевёл взгляд на Аврору. Её брови были нахмурены, щёки ввалились, а губы сжались, и в её глазах появились слезы.

— Это моя вина, — прошептала она. — Я взяла её с собой в замок. И теперь она у них в руках.

— У них? — прорычал Рансу.

Киран оборвал его.

— У кого она?

— Солдатов Локи. Когда ударил торнадо, мы были под куполом, и часть крыши рухнула. Мы со Слай оказались на одной стороне зала, а Джинкс с моей подругой Новой на другой. Мы бы нашли выход, но с их стороны появились солдаты, и... и... мы вынуждены были уйти, пока не стало слишком поздно.

— Кстати, о том, что уже слишком поздно, — сказала Слай, — Есть ли выход отсюда, который не будет охраняться легионом солдат? Иначе нас всех могут схватить.

Киран продолжал смотреть на Аврору, чувствуя, как его разрывает в двух разных направлениях. Он был в ярости и ужасе от того, что его подругу схватили, от того, что она вообще подверглась ненужной опасности, но он знал, знал со всей определённой вселенной, что всегда хотел бы, чтобы Аврора спасла себя, если бы могла. Но это не оборвало расплывшееся по его душе чувство, словно его сердце разорвали надвое.

Чувствам придётся подождать. Ибо Слай была права, теперь они мало что могли сделать для Джинкс. Им нужно было добраться до безопасного места, перегруппироваться и всё спланировать. У него были крюк и канат, им просто нужно было найти изолированное место и надеяться, что они смогут перелезть через стену незамеченными.

В конце концов, они воспользовались его крюком и одним из якорей со стальными стрелами, которыми иногда пользовались, чтобы удержаться на ногах во время сильного ветра во время охоты. Он перебросил крюк через стену и дергал его до тех пор, пока у него не появился надёжный рычаг, а затем выстрелил стрелой в самую верхнюю часть камня. Стрела вонзилась в камень чуть выше крюка, но этого было достаточно. Соединенные вместе два каната позволяли им двигаться быстро, и это помогло ему с Рансу перенести дополнительный вес нового пассажира. Им повезло, что небо всё ещё было окутано дымом от пожара, город был тёмным и туманным, и они оказались за стеной, не привлекая никакого нежелательного внимания. Но даже когда они выбрались на городские улицы, опасность ещё не миновала.

Люди начали выходить из своих домов, стремясь спасти те части города, которые всё ещё горели, потому что было ясно, что никто из королевской семьи не позаботился о том, чтобы послать помощь. Киран знал, что отчаявшиеся люди, особенно те, чьи дома только что были повреждены или разрушены, не задумываясь, выдадут их описание любому, кто придёт искать, если эта информация принесёт им монету или какую-нибудь другую столь необходимую удачу в этом жалком месте.

Такой группой они вряд ли смогут протащиться через весь город обратно в гостиницу, неся на руках лежащего без сознания человека, завернутого в постельное белье, и никому не запомниться. Им нужно было найти какое-нибудь близкое и безопасное место, где они смогут затаиться и переждать, пока опасность не минует.

Затем он посмотрел на Аврору и слегка приподнял сверток на руках.

— Теперь-то я могу узнать об этом больше? Есть ли шанс, что наш гость скоро сможет нести свой собственный вес?

Лицо Авроры стало озабоченным, и она покачала головой.

— Я могу понести её, если тебе нужна передышка, — сказала она, подходя ближе.

— Нет, это не проблема, — настаивал он, несмотря на боль в плечах. К этому времени ожоги уже почти онемели. — Просто интересно, кто она такая?

Аврора подняла руку и легонько провела ею по тому, что должно было быть ногой человека.

— Она моя мать.

Он посмотрел на неё, надеясь, что расслышал всё неправильно, что его усталые уши каким-то образом перепутали слова. Но он знал, что это не так. Теперь всё встало на свои места. Её тайное путешествие в замок против воли мятежников, и почему Джинкс помогала ей. Земная ведьма потеряла свою мать незадолго до того, как присоединилась к команде, и эта потеря всё ещё мучила её.

Святая богиня. Киран держал в руках чёртову королеву.

Сейчас, больше чем когда-либо, им нужно было убраться с улицы в какое-нибудь уединённое место. Было только одно место, о котором он мог подумать, но он сомневался, что у них был хоть какой-то выбор.

Поэтому он поднял королеву повыше на руках и сказал:

— Следуйте за мной.

***

— Где во имя кровавых небес ты был, когда королевство подверглось нападению? — прорычал Кассий, захлопывая за собой дверь в тронный зал и приближаясь к отцу.

Дверь не закрывалась должным образом, и это ещё больше распалило его гнев, но дыра в потолке и куча полуобгоревшей мебели, занавесок и ковров в центре комнаты достаточно хорошо подчёркивали его настроение.

Отец медленно выпрямился, поднял одну руку со стола, на который опирался, потом другую. Его чёрные волосы были покрыты сединой, а морщины на загорелой коже превратились в борозды, он усмехнулся.

— Был занят. Я-то думал, что у тебя всё под контролем. Похоже, моё предположение оказалось неверным. Пожалуй, мне стоит послушать Казимира. Он думает, что ты потерял свою форму. Может быть, пришло время для небольшой здоровой братской конкуренции.

Да, его отцу бы это понравилось. Братья провели всё своё детство скорее как животные, которых отец обучал сражаться друг с другом, нежели как настоящая семья. Его отец проявлял жестокое любопытство, когда речь заходила о том, чтобы столкнуть своих сыновей.

Кассий ответил ему с той же жестокостью:

— Это может оказаться трудным, учитывая, что Казимир пропал.

Эта новость привлекла внимание его отца, мгновенно смахнув скучающую ухмылку.

— Что значит «пропал»?

— А то и значит, что как только во дворец проникли, я послал людей на защиту каждого члена семьи, но они опоздали. Жилое крыло было разграблено и затянута магией тумана. Казимир исчез, а мать, твоя жена, лежала на полу, как будто ползла за помощью. Не то чтобы тебя это волновало. Туман сделал её сбитой с толку и испуганной, и она спрашивала о тебе, но никто не знал, где ты был. И только несколько минут назад меня уведомили, что ты появился здесь. Так, где же ты был?

Его отец уклонился от ответа и вместо этого спросил:

— Хочешь сказать, что твоего брата похитили? — задавая этот вопрос, король Локи прошёлся по комнате, но его ноги не слушались и несли его по шаткой диагонали, а не по прямой.

— Боги. Да, ты пьян, — огрызнулся Кассий. — И с каждым днём становишься всё более жалким.

Лицо короля покраснело, и он выпятил грудь.

— Ты не будешь так со мной разговаривать. Я твой отец! Твой король. Я создал тебя.

Кассий знал, что эти последние слова не имеют ничего общего с происхождением, а только с жестокостью. Отец сделал его холодным, жёстким и в равной мере жаждущим победы и насилия. Он презрительно скривил губы, зная, что однажды это желание обернётся против его же создателя. Кассий не жалел о своей безжалостности. В этом мире это было необходимо. Но если ему суждено стать чудовищем, он будет принадлежать только себе, а не отцу.

— И какой же ты теперь неудачник на этой роли, — сказал Кассий. — Король города, который больше не существует, и отец сына, не знающий о грозившей ему опасности.

С рычанием отец сделал выпад, и Кассию потребовалось на удивление мало усилий, чтобы развернуть отца. Тот врезался спиной в ближайшую стену. Пыль и пепел взметнулись в воздух вокруг них, и свободная, наполовину сожжённая деревянная доска упала с потолка,

присоединившись к обломкам, разбросанным по полу.

— Я должен оставить тебя здесь, — прорычал Кассий. — Как думаешь, сколько ты продержишься против Повелителя бурь без меня? Сколько времени пройдёт, прежде чем он схватит тебя? Полагаешь, он будет убивать тебя медленно? Держать тебя при себе, чтобы мучить и играть с тобой? Я слышал, что он страшно зол. Может быть, тебе повезёт, и он отрежет тебе голову одним ударом и установит её на бойнице, выставив напоказ, как он сделал со многими нашими солдатами. Мне надоело быть твоей пешкой, старик. Я должен был пойти своим путём в тот день, когда ты разрушил наш дом.

Отец сглотнул и, вздернув подбородок, встретился с ним взглядом. Глаза у него были слезящиеся — от выпитого, не было никаких сомнений, что это могло быть вызвано эмоциями. Кассий знал, что у его отца их было немного.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что он остановится на мне, — выплюнул король. — То, что тебе ещё предстоит узнать об этом мире, может заполнить целый океан.

— Тогда, возможно, мне пора выйти и посмотреть, умею ли я плавать. Удачи тебе удержать голову над водой без меня.

Кассий выскочил из тронного зала в коридор, ярость бурлила в его крови. Солдаты и слуги в равной степени занимались уборкой, и он лавировал между ними, решив увеличить расстояние между собой и отцом.

Кассий по своей природе не был человеком, который всё переосмысливает. Он принял решение и бросился вперёд. Но в последние недели он обнаружил, что его разум снова и снова прокладывает одни и те же пути — задавая одни и те же вопросы.

Что, если бы они никогда не приходили сюда? Счёл бы Повелитель бурь их мёртвыми? Или у него был какой-то способ узнать это? Выследить их? Неужели только жажда его отца обладать другим королевством снова привела его к ним? Кассий любил власть, но он не был настолько наивен, чтобы думать, что стать королем — это единственный способ получить её. Он мог бы прожить сотню разных жизней, если бы поступил так, как угрожал, если бы расстался с отцом в тот день, когда пала его родина. С магией, которой он обладал, он мог бы пойти куда угодно, увидеть что угодно, но вместо этого он был здесь, и занимался этим снова и снова — наблюдая за падением мира, кусочек за кусочком.

Возможно, на этот раз он не останется здесь до конца. Какое ему дело до этой земли, до этих людей? И благодаря заботливому воспитанию отца он никогда не был слишком привязан ни к кому в своей семье — в конце концов, эмоции были слабостью. Ничто не связывало его с этим местом.

Вернувшись в свою комнату, он разорвал пуговицы на рубашке, желая снять ткань с ожогов. Он зашипел, освобождая ткань, вновь вскрывая раны, на которых уже свернулась кровь.

Пусть они кровоточат. Боль помогла притупить его ярость.

Кассий схватил стакан, налил себе напиток из буфета и направился к своему столу. Он уже собирался сесть, когда заметил прямо перед собой кусок пергамента. Он был довольно щепетилен в обращении со своими вещами и помнил, что ничего в последнее время не писал.

Двумя пальцами он подтащил пергамент поближе к краю стола и прочитал его. После первого прочтения он опустился в кресло, опрокинув в себя остатки своего напитка. Затем он поднёс пергамент поближе к лицу и снова прочитал слова.

«Моя мать у меня.

В следующий раз я приду за своим королевством.

И какую бы жестокость ты не проявил по отношению к Новайе, я позабочусь о том, чтобы она обрушилась на тебя тысячекратно.

Аврора».

Кассий откинулся на спинку стула, ожог на плече защищал от соприкосновения с деревом. Один уголок его рта приподнялся в подобии улыбки.

Похоже, у него всё ещё есть кое-что, что привязывает его к этому месту.

Те, кто обладал даром воды, зачастую были одинокими созданиями, ведь они познали глубины океана и самые дальние уголки мира так, как никто другой не смог.

— *Изучение Первородной Магии*

12

Тринадцать лет назад.

Круз уже не был уверен в том, сколько прошло дней. Больше дюжины, это уж точно, но иногда дни и ночи смазывались во время бурь, и было трудно понять разницу, когда тёмные тучи затягивали солнце на бесконечно долгие промежутки времени.

Число тех, с кем он застрял тут, начало быстро уменьшаться, и он не позволял себе слишком долго думать о потере. Отец говорил ему, что выживают только сильнейшие, а остальные не имеют значения. Это было тогда, когда его отец всё ещё его навещал... до того, как он решил, что Круз не был одним из сильнейших.

Но Круз ему докажет. Когда-нибудь. Он начнёт с того, что проявит себя здесь, в этих джунглях

Из тех, что остались, был он и девушка Кэсс, та, что с синяком на шее, хотя кровоподтек уже почти полностью исчез. Был также высокий мальчик с тёмной кожей, и маленький, которого тот взял под своё крыло. Девочка с тёмно-рыжими волосами и пятнистым пурпурно-красным пятном вокруг глаза, которое Круз принял за ужасный синяк в первые дни. Но цвет остался точно таким же, и теперь он догадался, что это родимое пятно.

Именно она, та, что с меткой, заставила Круза наконец-то понять, почему всех их вывезли в джунгли. Он увидел, как она спасла себя способом, который казался нереальным.

За последние несколько дней проливной дождь лил так часто, что река, от которой они зависели, вышла из берегов, поглотив скалистое убежище, которое они считали своим. То, что когда-то было спокойным и извилистым источником пропитания, превратилось в свирепую смесь порогов и обломков, поднимавшихся с неожиданной скоростью. Половина их отряда исчезла во время первых наводнений, и их так и не нашли, в основном это были дети помладше, которые не умели плавать, или те, кто уже слишком устал и заболел, чтобы бороться с порогами.

Но она — девушка с меткой, — Круз видел, как она протянула руку и остановила стену несущейся воды, давая ей дополнительные секунды, необходимые, чтобы взобраться на то же дерево, на котором он уже укрылся.

Даже после того, как они перебрались в другое место, опасность не исчезла. После наводнения появились животные. Поднявшаяся вода вытеснила и их, так что все они спасались бегством — от маленьких, безобидных существ до диких кабанов и больших хищных кошек, которые бродили по джунглям. Именно дикая кошка схватила ещё одного члена их компании.

Кэсс была той, кто нашла тело. Они с меченой девочкой подолгу бродили вместе, иногда собирали хворост или другие припасы, а иногда вообще без всякой цели. Круз послал

одного из своих призраков последовать за ними, отчасти потому, что ему были любопытны способности другой девушки, и потому, что из всех, он чувствовал определённую связь с Кэсс.

С тех пор как он застрял в джунглях, у него было очень много видений, и он учился различать призраков, общаясь без слов. На самом деле, он гораздо больше общался с невидимым шёпотом и эмоциями бурь, чем с другими детьми в лагере. Когда он услышал крик Кэсс, то испугался самого худшего и резко дёрнул за связь с духом, наблюдающим за ней. Даже на расстоянии он получил ответ, что она в безопасности, но напугана. Он всё ещё старался не думать о других, но это не означало, что он хотел остаться один. И если это означало, что кто-то останется с ним в живых, он хотел, чтобы это была девушка, которая оказалась достаточно умна, чтобы спасти себя, когда это было необходимо.

Получив указания от духа, он смог быстро найти девушек в лесу. Когда он наткнулся на Кэсс на поляне, она стояла у дерева и её рвало. Он понял причину, как только увидел наполовину съеденное тело молодой девушки, которая ушла в туалет и не вернулась. Её кожа была разорвана в нескольких местах, а её внутренности больше не были там, где они должны были быть. Вместо этого они были разбросаны вокруг неё в гротескном представлении.

Ещё одно тело, с которым ему придётся разобраться.

Остальные были слишком брезгливы, поэтому Круз взял на себя обязанность избавляться от тел, когда природа не делала этого за них. С этим нужно было бы разобраться быстро, иначе вокруг их нового лагеря начнут бродить новые хищники.

— С тобой всё в порядке? — спросил он Кэсс, которая всё ещё стояла возле дерева, прижав ладони к коре и низко опустив голову.

— Я не знаю, сколько ещё смогу здесь оставаться.

— Ты не она, — сказал ей Круз. — Ты выжившая.

— В данный момент да. Но это место... если мы останемся здесь, в конце концов, оно заберёт нас всех. Так или иначе, каким-то образом.

— Хочешь уйти?

— А ты нет? — вопрос исходил не от Кэсс, а от другой девушки, той, что с меткой.

Круз нахмурился, повернувшись к ней лицом. Вокруг него сгустился рой инобытности, и он сразу понял, что это. В своё время он дал обещания. Он видел смерти, как в настоящем, так и в прошлом — так много, что начинал узнавать лес по следам, оставленным смертью, по воспоминаниям и призракам, которые ещё оставались здесь. Они открылись ему, и он не смог отказаться от них.

— Вам двоим лучше вернуться в лагерь. Я разберусь с этим, — сказал Круз, указав на тело, ещё одну смерть.

Ему стало интересно, столкнётся ли он когда-нибудь и с её духом.

— Ну, серьёзно, — продолжала рыжеволосая девушка. — Ты считаешь, что лучше остаться здесь, чем пытаться уйти? Может быть, нам удастся выбраться из джунглей и найти другой город, где нас примут.

Круз с трудом подавил желание закатить глаза. Может он и жил в ветхом доме, с дюжиной женщин, но единственное, что сделал для него отец, это снабдил его книгами, необходимыми для самообразования.

— Ближайший Бурерождённый город находится по другую сторону гор Сахрейн. Нам предстоит пойти на север через все джунгли, а затем пересечь горные тропы. Здесь, по крайней мере, у нас есть вода и хоть какое-то укрытие. Если мы уйдём, то окажемся во

власти и бурь, и земли.

Девушка вздёрнула подбородок.

— Тогда мы не пойдём в город. Мы направимся к побережью. Возможно, там у нас будет хоть какой-то шанс найти помощь.

Любопытно. Если она была водяной ведьмой, как он подозревал, то почувствует себя более комфортно у моря. Его отец называл врождённую магию злом. Когда Круз попросил книгу на эту тему, он получил быстрый удар по щеке и приказ никогда больше не говорить об этой магии.

Но он сомневался, что отец одобрит голоса, которые он слышал, и видения, которые он видел. Сделают ли они его дьяволом в глазах отца? Проведя столько времени в джунглях в одиночестве, Круз решил, что его не волнует мнение отца. У него были свои соображения на этот счёт.

— На побережье мы будем уязвимой мишенью для следующего циклона. Это не тот мир, в котором можно найти помощь, — сказал он.

— Так что же ты предлагаешь?

Круз не знал, что делать с девушкой с меткой, он слышал, как другие называли её Джаэль. Она посмотрела на него с выжидающим взглядом и спросила:

— Ну? У тебя есть предложение или ты здесь только для того, чтобы отвергать все наши?

Круз выпрямился во весь рост и сказал:

— Я предлагаю тебе продолжать выживать.

* * *

Аврора не узнала здание, к которому привёл их Киран. Оно находилось всего в одной улице от дворцовых стен и, судя по всему, хорошо сохранилось. Замысловато раскрашенная вывеска над дверью гласила, что это таверна «Русалка». У Авроры был небольшой опыт посещения таверн, но эта казалась лучше, чем большинство других. Здание было хорошо покрашено и довольно большое — два, может быть, даже три этажа. Внутри было темно, но Киран прошёл мимо парадной двери и повёл их через боковую аллею и огибая здание сзади. Он кивнул Рансу, и тот подошёл к задней двери и несколько раз сильно постучал.

Ответа не последовало, и Аврора нервно огляделась, прикидывая, сколько у них времени до того, как солдаты Локи расползутся по улицам в их поисках. Бури, несомненно, помогли им выиграть время, но чем дольше они оставались на открытом месте, тем более уязвимыми становились.

И это была её вина. Она была виновата в столь многом, что если она позволит себе думать об этом, позволит своему разуму блуждать в этом направлении, она боялась, что может потерять сознание. Поэтому она обращалась с этими мыслями, как с назойливой душой, и блокировала их.

Рансу снова подошёл к двери, на этот раз он постучал несколько раз, и чуть позже они услышали движение с другой стороны. Щёлкнул замок, и дверь распахнулась, показав беспорядочно одетую Зефир. Она сменила свою одежду для восстания на длинное, драпированное и струящееся платье, которое подчёркивало её фигуру, но выглядела так, будто она натянула его в спешке.

— Кровавые небеса, — пробормотала женщина. — Быстро внутрь, пока вас никто не увидел.

Рансу вошёл первым, с трудом протиснув своё мощное тело мимо Зефир. Слай пошла

следом, и когда Аврора запнулась в нерешительности, Киран резко дёрнул головой, потребовав, чтобы она шла впереди него. Она так и сделала, но задержалась у двери, ожидая, когда он пройдёт вместе с её матерью. К тому времени, как он это сделал, Рансу уже освободил соседний стол от стульев, сложенных сверху, и Киран прошёл вперёд, осторожно положив на него её мать.

Аврора бросилась к нему, услышав, как хлопнула дверь и повернулись многочисленные замки.

— Что ты наделала? — прорычала Зефир, проталкиваясь сквозь толпу, пока не встала напротив Авроры через стол. — Я уже знаю, что ты ослушалась моего приказа.

— Я не подчиняюсь твоим приказам, — парировала Аврора.

— А должна, если хочешь участвовать в этом восстании. На карту поставлены жизни. Любое недоразумение, любое изменение в плане может погубить нас всех.

Аврора не ответила. Потому что, как бы ей не хотелось это признавать, Зефир была права. Джинкс вошла во дворец вместе с ней, потому что доверяла ей, потому что они были друзьями, а теперь она лишилась свободы, а возможно, и жизни, потому что Аврора потерпела неудачу. Авроре оставалось только надеяться, что записка спасёт её. Что риск разоблачения себя окупится. Если бы только она не держала свой план в секрете, если бы она заручилась большей помощью, если бы они провели разведку, а не ворвались без плана... Аврора не была ни генералом в армии, ни лидером восстания. Она была принцессой — наивной и неполноценной к тому же. Как она вообще могла подумать, что сможет что-то изменить? Сможет сделать что-нибудь сама?

— Ну... — наконец произнесла Зефир, скрестив руки на груди. — Кто-нибудь скажет мне, что у вас здесь? Или принцесса просто соскучилась по своим нарядным простыням и решила взять их с собой?

Аврора стиснула зубы и не поддавалась на эту провокацию. Вместо этого она склонилась над столом и начала разворачивать простыни. Сначала показались волосы её матери — не такие небесно-белые, как её собственные, а скорее бледно-белокурые и пепельные, мерцающие в слабом свете фонаря. Они скрывали её лицо, и Аврора осторожно откинула пряди, заправляя их за уши матери, пока оно не открылось.

В комнате воцарилась мёртвая тишина — сродни зловещей тишине в глазу бури. Затем разразился шум. Благоговейное проклятие слетело с губ Бейт, в то же время другое, гораздо менее благоговейное и более грубое, исходило от Рансу.

— Вы похитили королеву и принесли её сюда? — сказала Зефир, её голос был нечто средним между криком и шёпотом. — Вы хоть представляете, сколько солдат будет здесь сегодня вечером, пить эль и отряхиваться от дневной битвы? И вы решили рискнуть всем, что я построила, придя ко мне на работу? Вы хоть понимаете, что натворили?

— Нам нужно было убраться с улиц, — ответил Киран. — Это было самое безопасное место, какое я только смог придумать.

— Безопасное, — усмехнулась Зефир. — Безопасное? Ты сошёл с ума. Вся ваша компания сошла с ума. Это место — логово льва. Мы специально обслуживаем солдат, сановников и дворянство в надежде, что они позволят некоторым вещам проскользнуть мимо них, пока они утопают в своих чашах. Если появится хоть малейшее предположение или шёпот, что мы здесь что-то скрываем, всё это исчезнет.

— Мне очень жаль, Зефир. Я знаю, что это не идеальный вариант, — сказал Киран. — Но в противном случае мы рисковали быть замеченными вместе с ней, пока пересекали

город, или, что ещё хуже были бы схвачены в плен. Я сделал разумный выбор.

Зефир пристально посмотрела на Кирана, затем перевела взгляд на Аврору.

— А по мне так, разумность твоего выбора стоит под вопросом.

Аврора не знала, была ли эта реплика направлена конкретно на неё, или на Кирана, или на них вместе. В данный момент ей было всё равно. Она очень устала. Её тело болело. Как и душа. И её разум весил гораздо больше, чем слова почти незнакомого человека.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказала Аврора. — Но моя мать нездорова. Её накачала наркотиками семья Локи. Вот почему она спит. Я могу тебе не нравиться...

— Твоя мать мне тоже не нравится, — огрызнулась Зефир. — Может, она и лучше, чем Локи, но это не делает её святой.

Аврора сглотнула, и эта правда была горькой на вкус.

— Я это знаю. Я знаю, что ты ей ничего не должна. Но у нас с тобой есть соглашение. Я забираю королевство, ты можешь свободно использовать и продавать магию.

— Принцесса, после сегодняшнего дня я не уверена, что ты сможешь это сделать. Возможно, тебе нужна помощь матери. А если Её Королевское Высочество отвернётся и обвинит нас всех, как только всё это закончится?

— Моя мать может никогда не проснуться, — Аврора собралась с духом и продолжила: — Я дала тебе слово. И я сдержу его.

— Как ты можешь быть так уверена?

Расстроенная, Аврора сделала единственное, что могла придумать. Она потянулась к застёжкам на шее своего кожаного жилета и начала торопливыми, взволнованными движениями вытаскивать их.

— Аврора, — предупредил Киран.

— Это единственный выход.

Он протиснулся между ней и Зефир, закрывая обзор для другой женщины, и положил большую ладонь на её руки.

— Не надо.

Голос Кирана был низким и настойчивым, и впервые за последние дни они стояли так близко. Её руки казались ледяными по сравнению с его ладонью. Она подняла голову и встретила с ним взглядом.

— Я не могу бежать от этого вечно. Я могу сбежать из этого мира в другой, и всё равно не уйти.

Своими тёмными глазами он впился в неё, и напряжение, исходившее от него, немного растопило её усталость. Она мягко стряхнула его руку и снова принялась возиться с застёжками и шнуровкой, на этот раз уже не так яростно.

— Вот кто я такая. Я либо принимаю это, либо живу вечно как фрагмент целого. В ту ночь, когда это случилось, я сказала тебе, что никогда не пожелаю, чтобы мир стал меньше, даже если станет легче. Моё мнение не изменилось.

Она закончила с вереницей застёжек и отогнула одеяние, настолько, что слабое белоглазое свечение осветило пространство между ними. Аврора твёрдо встретила с ним взглядом, и было ясно, что он всё ещё не согласен. Но он отказался от своего права иметь собственное мнение, когда сбежал при первых же признаках трудностей. Возможно, он был бы доволен провести остаток своей жизни, убегая от правды, но не она.

Поэтому Аврора обошла его и вышла на открытое место. Мерцание света стало сильнее. Она встретила с взглядом с Зефир, и она оттянула край одежды вниз настолько, что

небесный огонь, разветвляющийся под её кожей, стал виден женщине.

— Ты можешь верить мне на слово, потому что я не такая, как другие Бурерождённые. Я, то, что происходит, когда магия ритуальной ведьмы соединяется с родословной Бурерождённых.

Впервые с тех пор, как они встретились, Зефир выглядела нервной, возможно, даже немного испуганной. Она не отвела взгляда от бушевавшей в груди Авроры бури, и сказала:

— Ты... как он? Как тот человек за воротами?

— Нет, я не такая, как он. Но я могу сделать то же, что и он. Я могу вызвать бурю и приказать ей следовать моим указаниям, если захочу.

Сжав челюсти, Зефир покачала головой и спросила:

— Тогда почему ты нуждаешься во мне? Зачем вообще беспокоиться о восстании? Просто войди и забери своё королевство.

— Как я уже сказала, я не похожа на человека за нашими воротами. У меня нет ни малейшего желания разрушать этот город, как и желания навлечь на него ещё одну ненужную смерть. Я хочу защитить его. Смотреть, как он процветает в безопасности и свободе. Если он станет местом битвы между моей магией и магией Повелителя бурь с семьей Локи посреди, я не уверена, что кто-то или что-то выживет. Я пока ещё не знаю ответа, но я знаю, что призывать ещё одну бурю не решение этого вопроса.

Зефир долго смотрела на неё, колеблясь, потом шагнула ближе, наклонилась, желая получше рассмотреть её грудь.

— Значит, это небесный огонь? Внутри тебя?

— В каком-то смысле, да. Это душа бури небесного огня, которую я приняла в диких землях.

Аврора держала подбородок высоко поднятым, надеясь, что на её лице не отразилось ни малейшей боли, оставшейся от пережитого. Возможно, она и делилась своими секретами, но это не означало, что она хотела показать все свои уязвимые места.

— Для другого охотника она бы превратилась в сердце бури. Но для меня, из-за моих сил ритуальной ведьмы, всё... произошло по-другому.

— А другие бури ты тоже можешь так перенести?

Аврора услышала, как Киран зашевелился позади неё, и каким-то образом поняла, что он подошел ближе. Она могла чувствовать его близость, как влагу, повисшую в воздухе после дождя.

— Не совсем так, — ответила Аврора. — Но я могу вызвать любую бурю, какую пожелаю, с помощью сердца бури.

— Интересно, — пробормотала Зефир. — Значит, если нам понадобится особый вид штормовой магии, ты сможешь вызвать эту бурю и управлять ею достаточно долго, чтобы один из твоих друзей-охотников смог собрать значительные запасы?

Аврора обдумала эту идею.

— Буря, конечно, привлечёт внимание. Но если мы сможем выбраться за пределы города, в дикие земли, тогда да. Да, я могу достать всё, что тебе нужно, при условии, что у нас есть сердце бури, которое я могу использовать для вызова.

— Хорошо. Тогда приготовься и давай спрячем тебя и твою мать, пока не придёт время открыться. Не хочу, чтобы тебя забрали до того, как мы сможем воспользоваться твоими навыками.

Облегчение нахлынуло на Аврору, а за ним последовала усталость, которая терзала её с

тех пор, как она использовала свою магию во дворце. Зефир повела их вверх по двум лестничным пролетам, Киран последовал за ней, снова неся её мать. Зефир привела их на чердак, откуда открывался вид на первый и второй этажи, и поместила в комнате, смежной с её кабинетом, где стояла мягкая кровать, покрытая шёлковыми простынями и толстыми тёплыми одеялами. Аврора устроила мать поудобнее, а затем уселась на плюшевый диван рядом, сразу же погрузившись в подушки с едва сдерживаемым стоном.

— Мне бы не помешала помощь в подготовке внизу, если кто-нибудь захочет помочь, — сказала Зефир.

Рансу вызвался добровольцем. Бейт и Слай собирались вернуться в гостиницу, чтобы ввести в курс дел Дьюка, который, без сомнения, будет беспокоиться об их долгом отсутствии. Когда группа начала расходиться по делам, Зефир остановилась у двери, мягко обхватив костяшками пальцев дверной косяк.

— Если вам что-нибудь понадобится, пришли Кирана. Просто не высовывайся, принцесса.

Аврора не знала, когда было решено, что Киран останется с ней. Честно говоря, она слишком устала, чтобы спорить. И она не была уверена, что смогла бы, даже если бы была отдохнувшей. Прошло слишком много времени с тех пор, как они были в одной комнате наедине. Слишком давно она не могла просто посмотреть на него. Она хотела этого, даже если это было неразумно.

— И спасибо тебе, — продолжила Зефир, — что доверила мне свою правду.

Потом водяная ведьма ушла вместе со всеми остальными, и дверь закрылась, оставив её одну в тишине с мужчиной, который разбил ей сердце, и матерью, которая, возможно, никогда не проснётся.

* * *

Киран прислонился спиной к двери, стараясь держаться на расстоянии. Это было самое безопасное, что можно было сделать. Если бы он пересёк комнату, как ему хотелось, то начал бы с проверки Авроры, потому что ему не терпелось убедиться, что с ней всё в порядке. И если он сделает это, если он прикоснётся к ней, он захочет продолжать прикасаться к ней и не сможет вспомнить все причины, по которым было плохой идеей быть вместе. Он забудет всё, в чём был не прав по отношению к ней, а она по отношению к нему, и он предложит себя в роли того, кого она захочет — друга, утешителя или любовника, чего бы она ни попросила.

Поэтому вместо этого он сосредоточился на ощущении лопаток, прижатых к двери, и стал наблюдать. Она сняла тяжёлый капюшон, скрывавший её волосы, а также кожаный корсет с высоким воротником, скрывавший её тайну. Он понимал, почему она рассказала об этом Зефир, но это не успокаивало. Она не видела себя такой, какой видел её он. Она постоянно бросалась в самую гущу событий — желая быть щитом для других, — но не знала, как легко её можно сделать мученицей, пешкой или товаром для торговли. Она уже не была такой наивной, как при их первой встрече, но всё равно всегда считала себя лучшей из людей, из этого мира. Киран было виднее. И он знал, что если с ней что-то случится, то это уничтожит его, потому что он не защитил её, когда мог.

Но где он провёл грань между защитой её от опасности и защитой себя от неё? Ибо в её мире для него не существовало ничего, кроме боли, он знал это с полной уверенностью. Когда она встряхнула своими светлыми, как звёзды, волосами и вытянула усталые ноги, он подумал, что ему уже всё равно. Неужели он действительно думает, что однажды сможет

покинуть её? Даже если она вернёт себе корону, если Локи будут повержены, и Повелитель бурь больше не будет представлять угрозы, сможет ли он уйти и оставить её проживать жизнь без него?

Он не был уверен. Он не мог представить себе, что сделает это, как не мог представить, что остаётся, пока она будет уходить всё дальше и дальше, из его мира обратно в свой. Ему оставалось только сделать невозможный выбор. Он никогда не задумывался о будущем. С той жизнью, которую он вёл, было бы лучше предположить, что у него его выбора, живи каждый день, как в последний.

Первой заговорила Аврора. Сложив руки на коленях и опустив голову, она сказала:
— Я понимаю, что ты, наверное, ненавидишь меня.

Киран застыл, мышцы его плеч напряглись ещё сильнее. Единственное, что он ненавидел, так это то, что больше не знал, как вести себя с ней. Он хотел успокоить её, но боялся, что если скажет больше нескольких слов за раз, его сердце может выпрыгнуть из груди. Он мог бы рассказать ей о том, как он лежал ночью без сна, думая о ней, как он мог закрыть глаза и вспомнить точный цвет её глаз, изгиб её подбородка и то, как её нос был слегка вздёрнут на кончике. Он просто будет продолжать двигаться дальше, пока не вывернется наизнанку от желания обладать ею.

Поэтому он вернулся к старым привычкам и задал свой собственный вопрос, вместо того чтобы дать ответ.

— С чего бы это?

— Потому что... — её голос слегка дрожал. — Из-за Джинкс.

Её плечи задрожали, и она закрыла лицо руками, а он уже пересёк комнату, прежде чем понял, что его плечи больше не касались двери.

Он присел на корточки между ней и кроватью, но не стал прикасаться к ней.

— Она сама приняла решение сопровождать тебя во дворец. Я давно знаю Джинкс, и она не делает ничего такого, чего не хотела бы делать. Она знала, что рискует, и всё равно пошла.

— Ради меня, — прошептала Аврора, поднимая голову. Из-за слёз её светло-голубые глаза казались почти святащимися. — Она пошла на риск ради меня. Ты, наверное, жалеешь, что я однажды вошла в Глаз.

Жалел ли он?

Может быть. Или скорее... какая-то часть его хотела сожалеть об этом. Он хотел вернуться к своей прежней жизни, ускользнуть в дикие земли, как будто ничего не изменилось, и быть довольным, как прежде, даже если не совсем счастливым.

Но теперь... богиня, он знал, что не найдёт ничего, кроме страданий в диких краях. Он даже не мог вспомнить, каково это — быть довольным. Была только эта пропасть, которая существовала в пространстве между бытием с ней и без неё. Она вытянула его за пределы того, на что он считал себя способным, и теперь мир стал ярче, больше и опаснее, но и слаще тоже, и когда жизнь расширилась, он не думал, что она может сократиться до того, чем была когда-то.

Но чувство вины, которое она испытывала? Это... это было хорошо знакомое ему чувство. И он знал, как с этим бороться.

Он встал, выпрямившись перед ней. Ей пришлось откинуться на спинку, чтобы увидеть его, и когда она подняла на него глаза, они распахнулись и стали настороженными, как будто она ждала, что он вымолвит какое-то ужасное наказание.

— Ты одна из нас? — спросил Киран.

— Что? — она слегка наклонила голову, заморгав.

— Ты одна из нас? Из нашей команды? Ты бы сражалась на нашей стороне, если бы нам это было необходимо? Предоставила бы ты помощь, если бы мы попросили? Ты бы рискнула собой ради одного из нас?

— Конечно.

— Тогда почему я должен тебя ненавидеть? Ты могла умереть в любой момент, когда была с нами. Есть тысяча способов умереть в диких землях. Нападение животного. Лихорадка. Бандиты. Не говоря уже о бурях. Мы рискуем. Постоянно. И все мы готовы к тому, что один из этих рисков не окупится. Джинкс сделала выбор, и на этот раз риск победил.

— Как ты можешь так спокойно относиться к этому? Я считала, что Джинкс для тебя как семья.

— Почти, — подтвердил Киран. — Я хочу сказать, что... нужно принимать плохое — это и значит быть охотником. Если бы каждый из нас держался за вину каждый раз, когда что-то шло не так, мы бы никогда не прошли через городские ворота снова.

— Но мы не в диких землях.

— Это правда. Но и это ещё не конец. Ты сказала, что ты одна из нас. Придёт время вернуть её обратно. Не знаю когда. И не знаю, как это сделать. Но я знаю, что мы будем продолжать пытаться, пока не выясним, и я знаю, что ты будешь рядом с нами, новичок. И это всё, что мне нужно знать.

Киран закончил свою речь, скрестив руки на груди и наблюдая за ней боковым зрением. Его сердце бешено колотилось, пока он ждал её ответа. Обычно он знал, как вести свою команду, знал, как успокоить страхи конфликтного новичка, но с Авророй всё было намного сложнее.

— Похоже, ты знаешь гораздо больше меня, — сказала Аврора, иронически усмехнувшись.

Киран быстро обернулся, не уверенный, обидел ли он её, но она... улыбалась, хотя и неуверенно, её глаза всё ещё были красными от беспокойства.

Он пожал плечами.

— Я верю в тебя, вот и всё.

— Думаю, это хорошо, по крайней мере, для одного человека, — ответила она, понизив голос.

— Что случилось с девушкой, которая собиралась путешествовать по диким местам и завоёвывать свою магию, несмотря на мнение других?

Аврора вздохнула.

— Я начинаю понимать, что променяла одну наивность на другую. Я покинула это защищённое место, надеясь узнать больше о себе и мире, и я сделала это. Я думала, что раскрою какую-то тайну, и всё встанет на свои места. Но я забыла, что это не так просто, что моё приключение не единственное, что есть тысячи и тысячи других путешествий, происходящих одновременно. Почему моё должно быть важнее? Мы все связаны, и больше страданий для одного означает больше страданий для всех. По крайней мере, так должно быть. Но всё так сложно, никто здесь не смотрит дальше параметров своих собственных желаний и потребностей. Обещай мне, что ты скажешь мне, если я когда-нибудь сделаю это — если я поставлю свои собственные желания выше человечности других. Снова.

К концу своей речи она потёрла тыльной стороной ладони место, где в её груди зарождался небесный огонь. И он больше не мог сдерживаться, его тянуло к ней, как волны к берегу. Он мог попытаться сдержать себя, но пока он был рядом с ней, он чувствовал, что падает снова и снова. Она была непреодолимым потоком.

Он медленно сел на диван рядом с ней, чтобы она смогла возразить или отодвинуться, если захочет. Когда она осталась на месте и смело встретилась с ним взглядом, он нежно обнял её за плечи.

— Я не хотел, чтобы ты была принцессой. Теперь ты это знаешь. Но если кто и должен признавать ошибки, так это я. Я был эгоистичным и жадным. Я хотел, чтобы ты была только со мной. Но миру нужна такая принцесса, как ты, Аврора. Ему нужен кто-то, кто созерцает страдания других. Нам нужен кто-то, кто готов признать свои ошибки, готов идти на компромисс и работать вместе с людьми из всех слоёв общества. Этот мир нуждается в твоём мужестве и сострадании, и я никогда не должен был пытаться сохранить всё это для себя.

Очень медленно её тело начало склоняться к нему, пока она не прижалась головой к его шее, прильнув грудью к его груди. Она глубоко вздохнула и перевела взгляд на мать. Он чувствовал мягкое щекотание её волос на своей щеке и нежный подъём каждого вдоха, когда он переходил из её тела в его. И когда он решился сказать что-то ещё, чтобы продлить этот момент, он понял, что она уже спит.

И впервые за долгое время узел тоски в его груди начал разматываться, и боль от того, что он скучал по ней, утихла.

Наименее изученным из первородной магии является сила духа. Люди, обладающие этой силой, обычно имели слабые способности, и их дары могли быть не более чем чувством знания — необычным осознанием, как живых, так и мёртвых. Но считается, что могущественная ритуальная ведьма может говорить с мёртвыми так же легко, как и с живыми, и, возможно, повелеть им выполнять его или её приказы. Некоторые предполагали, что подобное влияние возможно даже на души живых.

— *Изучение Первородной Магии*

13

Нове следовало бы испугаться. И отчасти так оно и было. Но она всё ещё чувствовала прилив энергии, курсирующий по ней от предыдущей схватки. Её ладони покалывало от кажущегося безграничным запаса магии, которую она впитала из огненных углей, подержав их в руках при захвате. Это ощущение пронзило её, заставляя почувствовать себя живой, прогоняя усталость и отчаяние, которые так долго не отпускали её. Солдаты не стали возвращать их в подземелья, вместо этого отвели в крыло, где размещались военные, и вместе с другой ведьмой их поместили в маленькую казарменную комнату, предназначенную для нескольких солдат. Солдаты, стоявшие на страже, тщательно обыскали комнату, извлекли все металлические предметы или предметы большого размера, которые могли быть использованы в качестве оружия, и заперли их внутри. Она слышала их продолжительный разговор снаружи, поэтому предположила, что они остались на страже, осторожно присев на одну из четырёх узких кроватей, она впервые порадовалась первому знаку комфорта, который почувствовала за долгое время.

Ведьма-воительница мерила шагами комнату, время от времени останавливаясь, прислушиваясь к болтовне солдат, или прижимая руку к стене или полу без объяснения причин. Через некоторое время она, казалось, выяснила, что ей нужно, пересекла комнату и

села на ту же кровать, что и Нова.

— Кто-нибудь скоро придёт нас допрашивать, и нам нужно сопоставить наши истории.

Нова кивнула.

— Это будет принц. Только он сам лично допрашивал меня после исчезновения Авроры. Он был одержим.

Ведьма склонила голову набок.

— Точно?

— Да. Он никогда не прекращал поиски. Он в очередной раз допрашивал меня на прошлой неделе, пытаясь выяснить то, что упустил. Он даже живёт в старых покоях Авроры.

— Интересно, — её спутница кивнула. Продолжая, она сказала: — На сегодняшний день не будем ничего усложнять. Ты понятия не имела, что мы придём. Мы друзья и мы освободили тебя под прикрытием бури. Ты ничего не знаешь ни о каком восстании, ни об Авроре, и если кто-нибудь спросит, как тебе удалось дотронуться до угольков огненной бури, скажешь, что тебе дали огненный порошок, понятно?

Спина Новы напряглась от последней инструкции.

— Да, — продолжила ведьма-воительница. — Я заметила, как ты забрасывала противников угольками, и не помню, чтобы ты кричала от боли. И сейчас я не вижу никаких ожогов на твоих руках, — девушка наклонила голову, и её тёмные волосы веером рассыпались по плечам, смягчая её свирепый вид. — А Аврора знает, что ты огненная ведьма?

Жар пополз по затылку Новы, и из её сжатого кулака вырвалась тоненькая струйка дыма. Она всегда представляла себе, что момент, когда её тайна выйдет наружу, будет гораздо более катастрофическим. Она боялась наказания, изгнания или даже драки в свою защиту. Вместо этого он пришёл с крошечным мерцанием потрясённого пламени, которое погасло в одно мгновение. Годы мучительного страха подготовили её к худшему, и теперь она была поражена тем, как легко было больше не нести это знание в одиночку.

Конечно, технически её всё ещё держали в плену, возможно, теперь за более серьёзное преступление, и её положение только что стало ещё более шатким, но вчера Нова была в этом одна. Каждый день она сидела в той камере с маленьким окошком и та сгоревшая кровать не годилась для сна, и воспоминания и тревоги давили так, что даже дыхание казалось работой. Но теперь она знала, что Аврора жива, что у неё есть целая команда людей, работающих, чтобы помочь Павану, и у неё есть эта ведьма, которая была гораздо более смелой и способной, чем она.

Богиня знала, что она всё ещё боится, но она была не одна, и это всё меняло.

— Предполагаю, что нет? — спросила другая ведьма.

— Никто не знает, — ответила Нова. — Это был мой секрет с тех пор, как ещё ребёнком я переехала в Паван.

— Откуда?

— Таранар. Мой отец был там торговым советником, до... до того, как нам пришлось уехать, чтобы сохранить мою тайну после инцидента с моей магией.

Земная ведьма кивнула.

— Я знаю, проявление моей магии было драматичным. Могу только представить, сколько ужаса ты испытывала, когда на кончиках твоих детских пальчиков горел огонь.

Волна эмоций подступила к горлу, и Нова с трудом сдержалась, чтобы не заплакать. Она нечасто вспоминала те дни, боясь, что если позволит себе погрузиться в эти

воспоминания, то уже никогда не сможет выполнить обратно. Она откашлялась и попыталась сменить направление разговора.

— Твоё имя, — наконец произнесла она. — По-моему, я его не слышала раньше.

Другая ведьма улыбнулась, и было что-то в её присутствии, что заставляло мир казаться более уравновешенным. Нова поймала себя на том, что жалеет, что не получила в дар землю, а огонь. Может быть, тогда она не разрывалась бы между таким количеством эмоций. Может быть, тогда её родителям не пришлось бы бросать всё, ради чего они работали, чтобы жить здесь, в Паване, в качестве прислуги.

— Мои друзья зовут меня Джинкс, думаю, теперь и ты официально являешься моим другом. Когда ты сражаешься и оказываешься в плену с кем-то, думаю, что можно упустить скучные тонкости.

Джинкс протянула руку, и Нова замешкалась. Обычно она избегала прикосновений, насколько это было возможно, но эта ведьма коснулась её в туннеле, когда освободила Нову из камеры, и тогда она не вызвала её огонь. И теперь, когда она знала больше о способностях Авроры, она начинала задаваться вопросом, были ли её уникальные способности как-то связаны с тем, почему прикосновения Авроры никогда не беспокоили её. Возможно, её магия не защищала её, когда распознавала подобную способность в другом человеке. Или, может быть, она была настолько поглощена всем происходящим, что её магия была слишком подавлена, чтобы проявиться. Одно лишь появление Авроры могло бы успокоить её настолько, что она смогла бы успокоить свою магию.

Был только один способ убедиться в этом. Нова подняла руку и приложила её к протянутой руке Джинкс. Земная ведьма решительно и властно её пожалала. Нова ждала какой-нибудь реакции, что пламя сгустится под её кожей, или, что неугомонная энергия уколёт, поднимет тревогу. Но ничего не произошло. Она улыбнулась так широко, что её щёки защипало, как будто она долго не практиковалась.

Джинкс улыбнулась в ответ, и выражение её лица стало озорным и диким в сочетании с кожаной одеждой и волосами, коротко остриженными с одной стороны и длинными и ниспадающими с другой. Что-то ёкнуло в животе Новы, но это был не огонь. Это было похоже на то, как урчал её желудок, когда она была голодна, за исключением того, что день был слишком хаотичным, чтобы даже подумать о еде. Вместо этого она просто почувствовала лёгкую дрожь внутри, когда Джинкс отпустила её руку, и эта безрассудная улыбка исчезла.

Нове вдруг захотелось задать вопросы — о том, как Джинкс познакомилась с Авророй, откуда она родом, как стала охотницей и на что было похоже проявление её магии. Но в этот момент замок двери с громким щелчком отворился. Дверь распахнулась настолько быстро, чтобы Нова успела только повернуть голову, прежде чем знакомый ей тюремщик вошёл в пространство, нарушив и разбив на тысячу осколков мирное равновесие, установленное Джинкс.

* * *

Кассий застал обеих девушек врасплох, и это было хорошо, потому что он и сам был немного не в себе. Он внимательно изучил ту, которую звали Новайя — ту, которую он держал в камере в течение нескольких месяцев, которую он допрашивал несколько раз, которая всегда настаивала на своей невиновности, и всё же сегодня была почти спасена в весьма скоординированной атаке, из-за которой дворец стал уязвимым, а его брат пропал вместе с Паванской королевой.

А потом появилось письмо, если оно было настоящим. Он сунул руку в карман пальто, чувствуя, как шуршит пергамент под пальцами. Чутье подсказывало ему, что это её почерк. Он провёл в её комнатах достаточно времени, чтобы видеть заметки, нацарапанные на полях её книг, или забытые листки бумаги, засунутые между страницами. Он сидел за своим столом и изучал её каракули, удивляясь девушке, стоявшей за ними, и странным событиям судьбы, которые привели его к ней, а затем забрали её.

Кассия это не должно было волновать, хотя беспокоило больше всего. Возможно, для него всё сложилось очень даже хорошо. Его семья получила королевство, за которым они пришли, даже не пройдя через шараду брака. Так почему бы ему не быть счастливым и не принять свою новую роль полностью? Почему он так одержим её исчезновением? И почему возможность того, что она сейчас находится в городе, заставила его бросить всё и обыскивать дом за домом, пока он не увидит её и не подтвердит для себя правду?

Он должен был знать. Он откладывал этот допрос как можно дольше. Он проследил, чтобы его мать успокоилась, разослал разведывательные отряды, чтобы обыскать город в поисках брата, поручил другим заняться самыми неотложными проблемами города после бури. Он сделал всё, что должен был сделать его отец, но проигнорировал это ради выпивки, ещё одного отвлекающего маневра, ещё одного дня бега от смерти, кусающей его за пятки. Но теперь ему надоело ждать. Ему нужны были ответы. Поэтому он вошёл в комнату, где держали двух девушек, и на этот раз помедлил, прежде чем закрыть дверь. Он посмотрел на одного из солдат снаружи и сказал:

— Здесь холодно. Принеси одеяла. И попроси горничную принести что-нибудь поесть и попить для наших гостей.

Солдат заколебался, явно сбитый с толку, но Кассий бросил на него нетерпеливый взгляд, внося ясность в его приказ, и закрыл дверь. Он повернулся к девушкам и увидел смущённое выражение на лице служанки Новайи. Но другая, та, что в одиночку сражалась с дюжиной или больше его людей, если верить рассказам — она выглядела почти... самодовольной. Конечно, он никогда раньше не видел такого выражения на лице пленника. Этого было почти достаточно, чтобы заставить его открыть дверь и отказаться от своей просьбы, но потом он вспомнил о записке в кармане.

Он не боялся расправы, но кем бы ни была эта девушка для Авроры, она явно была важна.

— Ты ведь понимаешь, кто я, не так ли? — обратился он к девушке, не в силах придать голосу вполне приветливый тон.

Девушка фыркнула, взмахнув своими странно уложенными волосами, как будто её ловили раз в вдвое суток.

— Да, я слышала о тебе. Даже довольно много всякого. Большая часть... плохое, если тебе интересно, — она подняла руки с притворной невинностью. — Не обижайся. Честность среди друзей, и всё такое.

Она прислонилась к стене с привычной лёгкостью, не выказывая ни капли страха.

— Я тоже слышал о тебе. Настоящая воительница. Бунтовщица, да? — спросил Кассий.

— Едва ли. У меня нет права голоса в этой буре. Это не мой город. Я просто проезжала мимо.

— Ты хочешь сказать, что не являешься законным гражданином города Паван?

— В последний раз, когда я была тут, ты тоже им не был, ведь свадьба не состоялась.

Кассий прищурил глаза.

— Я гость королевской семьи Павана.

— И сейчас? И где они находятся? Мне бы очень хотелось побеседовать с ними о не должном гостеприимстве, оказанном нам. Нова, как я слышала, хорошо дружит с принцессой. Уверена, минута разговора с королевой прояснила бы всё это.

Неудивительно, что Казимир до сих пор не подавил восстание, несмотря на свою жестокую тактику, если среди них были такие девушки.

— Ты довольно наглая, не так ли?

— А ты «холодный и расчётливый», «хищный» и как «акула», судя по тому, что я слышала. Теперь, когда мы познакомились, мы можем перейти к делу?

— Кто тебе это сказал? — спросил Кассий, переведя взгляд на Новайю.

— Только не она, — огрызнулась болтунья, — так что не думай больше изводить её. Тебе не кажется, что ты и так уже достаточно учинил неприятностей?

— Я? Это тебя схватили во время набега мятежников.

— Я просто помогала в спасении той, что была несправедливо заключена в тюрьму, и попросил меня об этом один очень уважаемый друг.

— Очень уважаемый друг? — Кассий ухватился за подсказку, едва сдерживая желание сунуть руку обратно в карман за запиской.

— Да, это так, — сказала девушка.

— И кто бы это мог быть?

— Сомневаюсь, что у кого-то вроде меня и у кого-то вроде тебя есть общие друзья, — ответила девушка.

— Никогда не знаешь наверняка, — он был слишком нетерпелив, чёрт побери, и девушка это знала.

Он видел блеск в её глазах, как будто она знала, что только что одержала верх, и он должен был вернуть себе власть. Инстинкт подсказывал ему, что он должен заставить её бояться любыми средствами, вероятнее всего, болью. Но если его подозрения верны, если эта женщина каким-то образом знакома с Авророй, то пытка, вынуждающая её дать ему информацию, в конечном счете, может обернуться неприятными последствиями. Он немного отступил назад, пересекая комнату, нарушая бешеный темп их разговора, прежде чем, наконец, сказал:

— Насколько я знаю, твой особенный друг может быть Повелителем бурь.

Девушка откровенно рассмеялась.

— Если бы ты думал, что это так, вряд ли бы мы оказались в этой комнате с приемлемыми кроватями на обычном этаже и с охраной за дверью. И, конечно же, ты бы не потребовал принести одеяла. И еду.

Кассий махнул рукой в сторону Новайи.

— Вы явно сумели проникнуть в подземелья, поэтому я решил, что спонтанность здесь ни при чём. И что бы ты ни думала, я не чудовище. У тебя есть информация, которая мне нужна. Сотрудничество со мной облегчит вашу участь. И продлит жизнь.

— Ооооо! — съязвила она, наполовину смеясь, наполовину призрачно взыв. Затем она наклонилась вперёд, заговорщически прижав ладонь ребром к уголку рта, и прошептала: — Твой монолог злого повелителя не звучит так угрожающе в то время, когда истинный злодей осаждают украденный тобой город.

Кассий вдруг осознал, что его небрежное движение по комнате превратилось в непринуждённое хождение вперёд-назад. Дерзкая маленькая девчонка перевела весь

разговор на него, и он потерял контроль. Он резко остановился, упершись ногами в пол, и впился в неё взглядом.

— Я мог бы казнить тебя за это всё прямо сейчас, если бы захотел, — он осторожно приподнял бровь.

— Ты мог бы. Но я не думаю, что ты это сделаешь.

Он стиснул зубы и постарался сохранить невозмутимое выражение лица, устав от этой игры. У него не хватало терпения на бесконечные расспросы. Не тогда, когда дело касалось Авроры. Если она вернулась в город, освободившись от своих похитителей, то почему не вернулась домой? Неужели у неё всё ещё какие-то неприятности? Неужели мятежники нашли способ спасти её от похитителей? Используют ли они её теперь в своих целях? Или она присоединилась к ним добровольно? Неужели она не знает, что может вернуться, и он с радостью примет её? Возможно, то, как его брат отнёсся к мятежу, и поспешное решение отца заменить флаги заставили её почувствовать себя неуверенно. Если бы он мог найти способ поговорить с ней, возможно, она просто вернулась бы домой. Он вернёт ей её подругу-горничную, если этого будет достаточно. Она была ничем, просто средством для достижения цели.

Если Аврора вернётся домой, у них будет больше шансов сдержать Повелителя бурь, объединив способности. Вот что сейчас имело значение. Она могла бы занять трон. Он обнаружил, что с каждым днём всё меньше и меньше заботится об этой идее.

Кассий решил не прибегать к уловкам и сразу перейти к делу.

— Ты ведь знаешь, где она, не так ли?

— Где кто? — спросила девушка.

— Моя будущая жена, — сказал Кассий.

— Она никогда не станет твоей женой, — ответ пришёл не от наглой мятежницы, а от подруги Авроры.

Девушка практически вжималась в стену, у которой сидела на кровати, но уже достаточно пришла в себя для того, чтобы дать отпор.

— Ты слышал её, — сказала другая девушка. — Я не знаю никакой твоей будущей жены.

— Я не собираюсь вдаваться в подробности. Всё, что меня волнует, это в безопасности ли она и где находится. Мне нужно поговорить с ней.

Мятежница склонила голову набок, и он увидел, что её волосы были сострижены с одной стороны гораздо короче, чем у него.

— Она в безопасности. Я не знаю, где она. Но она знает, где мы. Этого достаточно.

— А если я захочу передать ей сообщение?

Мятежница улыбнулась.

— Ты мог бы отпустить нас. Мы будем твоими посланниками.

— Без вариантов.

— Тогда, полагаю, твоё послание останется неотправленным.

Кассий подошёл к двери и сказал:

— Или, возможно, я устану торговаться и решу послать сообщение другого типа.

Он бросил тяжёлый взгляд на служанку, которая снова тихо сидела на кровати. Затем он вышел вон, решив найти другой способ добраться до Авроры Паван.

Вернувшись в свою комнату, он сел и открыл ящик стола, достав всё ещё зелёный и сочный лист, который он сорвал с виноградной лозы, найденной возле комнаты Афры Паван. Он провёл большим пальцем по гребню на нижней стороне. Если он не найдёт

Аврору, то найдёт её ведьму.

* * *

Киран натянул капюшон на голову. Он был рад холодной погоде, у него появился хороший повод обернуть шарф вокруг нижней половины лица, ведь улицы Павана кишели солдатами Локи. Он оставался с Авророй у постели её матери так долго, как только осмеливался, так долго, что его кожа пропахла её ароматом, и каждый вдох грозил погрузить его в болезненные воспоминания о том, от чего он отказался.

На пути от таверны до места назначения его пять раз останавливали солдаты, и каждый раз он отвечал на их вопросы максимально односложно. Он позволил им обыскать себя на предмет оружия, потому что на нём его не было. Он оставил свой пояс и запасы штормовой магии в таверне. Зефир услышала слухи в таверне, что солдаты будут проводить случайные обыски на улицах и в некоторых районах.

К счастью, таверна находилась не в зоне предполагаемого восстания, так что это был не тот район, который они планировали обыскать, но, тем не менее, они разработали план, где спрятать Аврору и её мать, если такие поиски произойдут. К счастью, Зефир была таким же параноиком, как и охотник, поэтому у женщины уже был приготовлен скрытый проход, который вёл в подвал, где можно было поднять небольшое окно и сбежать. Киран не знал, как им удастся сбежать с бесчувственной королевой, но он чувствовал себя лучше, зная, что, по крайней мере, у них есть план.

По мере приближения к месту назначения количество солдат только увеличивалось. Он знал, что они сосредоточились на самых бедных районах города в поисках участников восстания. Но они не потрудились останавливать людей на улицах. Вместо этого они врываются в дома, разбрасывали мебель и кровати, устраивали отвратительный беспорядок и, казалось, наслаждались этим.

Он осмотрел окрестности, проверяя, нет ли следящих глаз, но когда единственные солдаты, которых он видел, занялись своей травлей людей в домах, он нырнул в переулок, где была спрятана секретная штаб-квартира восстания.

Он отодвинул щеколду на двери штормового убежища, поднял её ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь и спуститься на лестницу. Он быстро спустился вниз, закрыв за собой дверь убежища. Он подождал на лестнице несколько долгих минут, прислушиваясь к любому знаку снаружи, что его могли заметить. Когда всё, что он услышал, было тишиной, он спрыгнул на землю и подошёл к запертой двери в конце комнаты.

Он постучал причудливым стуком, которому научила его Зефир, и через несколько мгновений дверь открылась, на пороге стоял Рахим. Киран никогда не слышал, чтобы этот человек сказал хоть слово, но он был опытным бойцом и явно пользовался доверием Зефир.

Киран прошёл мимо него в длинный, тускло освещённый коридор и спросил:

— Где он?

Рахим указал пальцем в единственно-возможном направлении, куда мог пойти Киран. Догадавшись, что это был единственный ответ, который он получит, Киран направился вглубь по коридору. Рядом с кабинетом Зефир он обнаружил комнату с закрытой дверью, из-под которой пробивался слабый свет.

Он постучал, услышал шаги, и дверь распахнулась, явив громадного мужчину по имени Бракс. Киран знал о нём по предыдущим путешествиям в Паван. Этот человек был драчуном. Ему и другим подобным платили за то, чтобы они сражались в кровавых, безжалостных рукопашных схватках, на которые другие делали ставки. События эти приносили изрядную

сумму денег тому, кто выигрывал — как бойцам, так и игрокам.

Он посмотрел мимо Бракса в комнату и увидел мужчину, к которому пришёл.

Казимир Локи.

Он хотел бы, чтобы это был другой брат, но он будет довольствоваться малым.

— Как идут дела? — спросил он Бракса.

Его ответ донёлся из дальнего угла комнаты.

— Он упрям. И раздражает.

Киран прошёл мимо Бракса и увидел Зефир, сидящую на табурете в углу, её ноги были скрещены слишком элегантно для того, что он предположил, было допросом.

— Кто этот ублю... — рычащий вопрос замер на губах Казимира, прежде чем он успел закончить фразу.

— Ах, ах, ах! — начала Зефир. — Что я тебе говорила о том, когда ты начинаешь меня раздражать?

Она повернула руку в красной перчатке, и Казимир задрожал в кресле, его рот был открыт, как у рыбы, умирающей на суше, когда Зефир использовала свою магию воды на нём.

— Чёрт, как бы я хотел это сделать.

Киран резко обернулся, потрясённый тем, что его лучший друг Рансу сидит в другом углу. Он даже не знал, что здесь был ещё кто-то. Он полагал, что тот вернулся в гостиницу вместе с остальными.

Рансу встретился с ним взглядом.

— Бейт не смог бы и слова вставить, если бы я был на такое способен.

Киран фыркнул, почти рассмеявшись. Рансу ответил ему тем же, что можно было бы принять за улыбку, если бы не мрачное выражение, которое овладело всем его лицом. Взгляд его друга вернулся к Казимиру, и Киран почувствовал, что Рансу думает о Джинкс. Киран с трудом мог не думать о том, что могло происходить с ней в том дворце.

Она могла оказаться в точно такой же ситуации, только это была бы она, привязанная к стулу, а не вкрадчивый, ненавистный кретин, который сидел перед ними.

— Что он тебе сказал? — спросил Киран.

— Ничего, — ответила Зефир. — Пока.

В этот момент любимая дикая кошка Зефир нырнула под кресло Казимира, проскользнув между его ног, как будто ожидая команды своей хозяйки наброситься.

Киран прошёл в центр комнаты и наклонился так, что его глаза оказались на одном уровне с глазами Бурерождённого.

— Ты знаешь, что мы собираемся с тобой сделать, Казимир? Мы передадим тебя Повелителю бурь. Так что всё, что ты нам сейчас скажешь, каждый раз, когда ты окажешься полезным, давая нам ценную информацию о твоей семье, военных, их планах — позволит оставаться тебе дольше здесь с нами, а не там с этим сумасшедшим. Ты понимаешь?

Зефир, должно быть, слегка отпустила Казимира, дав ему возможность говорить, потому что он издал хриплый смешок, его голос был сухим и неровным.

— Ты меня не пугаешь. И он тоже. Этот, — сказал он, указывая подбородком на верёвки, которыми был связан, — плен был игрой, когда я был ребёнком. Как и пытки. Моему отцу нравилось смотреть, кто из его мальчиков сломается первым. Ты хочешь отправить меня к Повелителю бурь? Вперёд. Я с нетерпением жду встречи с ним.

— Даже после того, что он сделал с твоим домом? — спросил Киран. — Должно быть,

он действительно ненавидит твою семью. Превратить целый город в руины, убить тысячи людей и последовать за вами сюда, узнав, что не закончил свою работу.

Он ждал, что Казимир будет отрицать это, утверждать, что слухи были ложью, но тот лишь улыбнулся и пожал плечами.

— Мы нашли новый дом, не так ли?

— Да, как удобно для вас, что принцесса Павана исчезла, а потом королева заболела.

Он хрипло рассмеялся.

— Что я могу сказать? Нам повезло. И мы не могли оставить Паван беззащитным. Это было бы жестоко.

От выражения его глаз при последнем слове у Кирана скрутило живот.

— Жестоко то, что ты делал с теми оборышами за воротами.

— Мы не можем спасти всех.

— От опасности, которую вы принесли сюда? Насколько я могу судить, ты и твоя семья — главная проблема.

Казимир усмехнулся.

— Вы все недалекие глупцы. Без нас вы не продержались бы и недели сезона Гнева, с Повелителем бурь или без.

Киран закатил глаза и посмотрел на Рансу, потом на Зефир.

— Не знаю, с кем, по-твоему, ты разговариваешь, но мы не боимся сезона Гнева. Мы жили в диких землях. Я стоял посреди огненной бури и выжил, удержав сердце Бури в своей руке. Я сталкивался с ураганами, смерчами и людьми гораздо более сильными, чем ты. Ты, Казимир Локи, не нужен этому миру и не важен для его выживания. Время Бурерождённых здесь, в Паване, закончилось. Скоро вся магия будет разрешена, та, которую вы уничтожили в Глазе, и та, с которой эта женщина скоро близко тебя познакомит, — он указал на Зефир, и она встала, подойдя к Казимиру, её плечи были прямыми и гордыми.

— Я не знаю, назвать вас сумасшедшими или глупцами, — сказал Казимир. — Идеалистические дураки. Ваше восстание всегда было обречено. Ты умрёшь. Каждый из вас умрёт. От моей руки или от руки моего брата или Повелителя бурь...

Слова застряли у него в горле, и он дёрнулся в кресле, его лицо покраснело, а затем побледнело, когда Зефир забрала воду, столь необходимую его телу, чтобы выжить.

— Думаю, на сегодня хватит разговоров, — сказала она. — Возможно, тебе стоит ещё немного подумать. Подумай о том, как тебе хочется пить прямо сейчас. Твоё зрение ещё не затуманилось? Головная боль уже началась? Комната вращается? Подумай также о Повелителе бурь, о том, что он может сделать, когда мы предложим тебя ему, слабого и уязвимого. Где же тогда будет твоё высокомерие? Твой брат придёт за тобой? Судя по тому, что я слышала, вы не близки. Возможно, он будет рад избавиться от тебя. Меньше конкуренции. Прямо сейчас я решаю, останешься ли ты жить или умрёшь, останешься ли ты здесь, в безопасности Павана, или встретишь человека, который следовал за тобой от развалин твоего бывшего дома. Подумай об этом, Казимир Локи.

Те, кто обладал властью над землёй, могли бы быть создателями новых миров. Вместо этого, с испорченными алчностью сердцами они использовали свои дары, чтобы надорвать землю и высосать из неё все соки.

— *Изучение Первородной Магии*

Крузу удалось найти своё тайное место, где он смог скрыться от остальных и где смог слушать голоса, не опасаясь, что кто-нибудь заметит. Он обнаружил место высоко в кроне дерева, где ветви нескольких деревьев пересекались и обвивались друг вокруг друга, создавая относительно безопасный кокон, в который он мог забраться, не боясь упасть. Оно также давало ему хороший обзор неба, благодаря которому он мог наблюдать за приближающимися бурями. Он проводил там большую часть своих дней, но не прекращал следить за лагерем и Кэсс с помощью духов, которые стали его спутниками.

Оставшись в одиночестве, он обнаружил, что жаждет новых знаний о прошлом и о том, что происходит с ним сейчас. Конечно, всегда существовала вероятность, что это безумие — слышать другие голоса, — но по мере того, как он копался в памяти, он начал вспоминать похожие перешёптывания во время его пребывания в Локи, когда он был совсем юным. Они никогда не задерживались на столь долгое время, как те, что он слышал здесь, и всегда казались отстранёнными. Но он был почти уверен, что испытывал это ощущение ещё до того, как его оставили в джунглях.

Поэтому он сосредоточил свою энергию на расширении способностей, пытаясь более эффективно общаться с духами, узнавая всё, что мог, об их смерти. Для некоторых, это было всё, что они могли вспомнить. Другие смогли предоставить минимальную информацию о своей жизни. Но почти для каждого духа, с которым он сталкивался, когда пытался спросить, знают ли они, почему они зависли в мире людей в таком состоянии, духи либо замолкали, исчезали, либо не могли вспомнить.

— Что ты там делаешь?

Круз резко выпрямился, едва не свалившись с дерева. Но в этот момент сильный бриз пронёсся сквозь покров дерева, придав Крузу достаточно сил, чтобы раздвинуть ноги и раскинуть руки, восстанавливая равновесие на искривлённых ветвях, где он сидел.

Он посмотрел вниз и увидел Кэсс, вид у неё был смущённый.

— Извини, — сказала она. — Я не хотела...

— Напугать меня до смерти?

Она покачала головой.

— Определённо нет.

Он пожал плечами.

— Мне надо быть внимательнее.

Или один из духов должен был предупредить его об её приближении. Он послал эту мысль и почувствовал несколько ответных толчков извинения.

— Я... надеялась, что мы сможем поговорить, — сказала Кэсс, нервно теребя потёртый край своей рубашки.

Вся их одежда теперь была немногим лучше лохмотьев. Они принялись рвать их и переделывать в более мелкие, более пригодные для носки элементы, поскольку все они теряли в весе.

— Да, — ответил Круз. — Мне тоже хотелось бы кое о чём поговорить.

Он всё больше склонялся к вероятности того, что она ведьма, и о том странном опыте, который он сам пережил с тех пор, как попал в джунгли.

Он довольно быстро спустился с дерева. И оказавшись лицом к лицу с ней, ему показалось, что она не решалась спросить о том, зачем пришла, поэтому он воспользовался возможностью задать свои собственные вопросы.

— Ты веришь в сверхъестественное? — спросил он.

— Ты имеешь в виду магию? Конечно, я верю в магию бурь.

— Нет, — отрезал он, всякий раз при мысли об этой магии и о тех, кто владел ею, он стискивал зубы. — Я не о магии бурь. Я о других её видах.

Бурерождённые были всемогущими в этом мире, они принимали решения, создавали законы, командовали солдатами. У них было всё, когда у Круза ничего не было.

Кэсс долго колебалась, но, в конце концов, кивнула.

— Я... я верю, что она есть.

Она подняла руку к воротнику рубашки и плотнее прижала его к шее.

— А что, если я скажу тебе, что мы не первые, кто остался здесь, в этой самой части джунглей? У меня были видения, слуховые галлюцинации. В этих лесах есть призраки, и... и они говорят со мной.

— У тебя есть магия? — спросила Кэсс.

Круз усмехнулся.

— Не знаю, можно ли это так назвать. Если я и проявил какие-то врождённые способности к магии, то сомневаюсь, что мой отец... Впрочем, неважно. У меня просто бывают видения, как будто призраки показывают мне эти что-то.

— Это магия, — настаивала Кэсс. — Ритуальная магия.

Круз нахмурился.

— Что это значит?

— Это значит, что ты можешь общаться с душами умерших.

Круз почувствовал, как в животе у него закипает нечто пылкое и торжествующее. Значит, это правда. Он не был сумасшедшим, как опасался. И видения были реальны. Он верил в это, и конечно, делал всё возможное, чтобы резонно убедить себя, но кто-то другой должен был подтвердить это...

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросил он. — Что ты об этом знаешь?

Кэсс нахмурилась и печально покачала головой.

— Именно поэтому мы здесь. Каждый из нас, — она отвернула воротник рубашки, с которым возилась, и показала то, что осталось от уже почти зажившего синяка. — Я же сказала тебе, что приняла решение не умирать. Этот выбор заключался в использовании способности контролировать воздух, только так я смогла спасти себя от петли, — Круз ошеломлённо уставился на девушку. — Я не умерла, когда у меня из-под ног выбили табуретку. Поэтому они выбросили меня сюда.

— Петля? — прорычал Круз. — Они пытались повесить тебя? Но... но ты же ребёнок.

— Как и ты. И они оставили нас обоих здесь умирать. Локи плевать. Любого, кто представляет угрозу для них, их магии или их образу жизни, они считают легко устранимыми.

После этого заявления Круз с трудом сглотнул. Его сердце билось так сильно, что у него едва не закружилась голова. Духи теснились вокруг него, так близко — некоторые из них пытались успокоить, в то время как другие... другие, казалось, питались его страданием.

Кэсс продолжила:

— По сути это подводит меня к тому, о чём я хотела поговорить с тобой. Остальные... мы поговорили и решили уйти. Мы построили плот, и с помощью моей магии воздуха и магии воды Джаэль...

— Значит, она водяная ведьма? — перебил её Круз.

Кэсс удивлённо приподняла брови.

— Да, Джаэль умеет управлять водой. С нашими способностями в тандеме, мы считаем, что сможем доплыть по реке к побережью без особой опасности. Это самый быстрый и безопасный выход из джунглей.

— Нет, — ответил Круз. — Нет, это слишком рискованно.

— Не более рискованно, чем оставаться здесь.

— Но разве ты не понимаешь? Я могу общаться здесь, с теми, кто был до нас. Я могу учиться у них. И затем...

— Что затем?

— Мы возьмём реванш.

Глаза Кэсс распахнулись.

— Мы же дети. Какую месть мы можем осуществить? Я выбираю жизнь. Это больше, чем я ожидала получить в тот день, когда мне на шею накинули петлю.

— Чёрт возьми, неужели ты не понимаешь? Они избавились от нас, потому что боятся того, кем мы можем стать. Они хотят, чтобы мы умерли здесь, потому что мы достаточно сильны, чтобы однажды бросить им вызов.

— И как ты собираешься бросить им вызов, если можешь разговаривать только с призраками? — огрызнулась Кэсс.

Крузу показалось, что он получил пощёчину. И на мгновение его охватило неистовое желание возместить ущерб, отдать всё, что у него есть, даже больше. Чтобы вернуть десятикратную боль тому, кто осмелится причинить ему боль. Но потом этот момент прошёл, и Кэсс виновато посмотрела на него.

— Мне очень жаль. Решение принято. Мы отправляемся завтра с первыми лучами солнца. Надеюсь, ты отправишься с нами.

Круз позволил ей уйти, зная, что он к ним он не присоединится. Наконец-то он нашёл место, где чувствовал себя как дома. Да, он был среди мёртвых, но они приняли его, они назвали его своим. И он отомстит за них, чего бы это ни стоило.

* * *

— Ещё раз! — крикнул Кассий, и по его приказу небольшая группа солдат, которую он собрал, снова начала тренировку.

С тех пор как его брат сжёг чёрный рынок города в желании произвести впечатление на их отца, у него не было никакой возможности получить припасы, которые позволили бы его солдатам практиковаться против истинной магии бури, поэтому он разработал подборку самых трудных упражнений, которые только мог придумать, и теперь заставлял солдат проходить их как можно чаще, всё сильнее и сильнее понуждая их выполнять задачи, пока они не начинали двигаться быстро и плавно. Скоро он начнёт испытывать их, позволяя им по очереди прикрывать оборону дворца. Он, конечно, будет там же на случай чрезвычайной ситуации, но им нужно больше полевой подготовки, и борьба с бурями, которые терзали город, была единственным вариантом.

Впоследствии они перешли к тренировкам с оружием, и он присоединился к ним, меняясь с разными партнёрами, чтобы проверить их уровень мастерства, пытаясь определить, кто из них был сильнее.

Когда-нибудь они ему понадобятся, потому что он не будет вечно защищаться. Чтобы победить, им придётся преследовать Повелителя бурь на своих собственных условиях, и он позаботится о том, чтобы они были готовы. Или были настолько готовы, насколько это могло быть возможным.

Наконец, когда с него градом закапать пот, он сжалился над солдатами и объявил о завершении тренировки. Он не слышал ни стонов, ни жалоб, ни других звуков, но по медленной походке и слабым движениям солдат понял, что они испытывали благодарность за завершение тренировочной сессии.

Возможно, они наконец-то начали воспринимать эту угрозу всерьёз. Недавно нанесённый дворцу ущерб одновременно бурей небесного огня и торнадо заставил многих задуматься. Он был недостижим лишь короткое время, разбираясь с проникновением мятежников и магией тумана, которая распространилась по дворцу, загипнотизировав большинство людей и сделав их бесполезными, но для бурь калибра Повелителя бурь потребуется всего несколько мгновений, чтобы превратить что-то в руины. Всё могло быть гораздо хуже. В тот день они могли потерять всё, но кто-то помог победить бурю в его отсутствие.

Ещё одна загадка, которую нужно разгадать.

Наверное, это была Аврора. Другой альтернативы он не мог придумать. Она была где-то там с ведьмой, и ему нужно было выяснить всё, что он мог.

Добравшись до своих покоев, он сбросил с себя одежду, обнажив полностью торс, но оставив на себе брюки. Он хотел принять ванну, но прошло слишком много времени с тех пор, как прозвучала последняя штормовая сирена. Они должны скоро ожидать новый вой сирены. Поэтому он решил окунуть тряпку в тазик с водой, стоявший в углу, и вымыться, насколько это было возможно без полного погружения.

Как следует умывшись, он вернулся к своему столу и достал книгу, которую ему доставили сегодня утром. Обложка была из чёрной кожи, названия нигде не было видно. Но когда он открыл её, обнаружил на первой странице выгравированные слова «Изучение первородной магии».

Все книги о колдовстве в королевстве Локи были давно уничтожены, но законы в Паване не были столь строгими. Долгое существование Глаза позволило выжить таким изданием, что он сейчас держал в руках, слава богине за это, потому что прямо сейчас он нуждался в дополнительной информации.

Один из Паванских аристократов, который проникся симпатией к Кассию с момента его прибытия и поддержал его притязания на трон ещё до исчезновения Авроры, однажды упомянул ему об этой книге. Он был коллекционером редких вещей и приобрел её у владельца популярной таверны, который, как говорили, был настоящим хранителем, как секретов, так и уникальных предметов. Только после того, как Кассий упомянул о своих приключениях в Глазе, аристократ обмолвился о владельце таверны, так как, судя по всему, этот человек тоже имел какое-то отношение к старому рынку.

Возможно, после того, как Кассий прочтёт книгу, он наведается в эту таверну и посмотрит, какую информацию сможет предложить ему хозяин. Но сейчас он перевернул страницу и начал читать, надеясь хоть как-то понять земную ведьму, с которой Аврора вступила в союз.

* * *

Прошло три дня, но состояние матери не изменилось. В первый день большую часть дня Аврора проспала, просыпаясь лишь изредка, чтобы побеспокоиться о матери, отметить неловкость от того, что снова оказалась в непосредственной близости от Кирана, и снова заснуть в любом удобном для неё месте. С каждой секундой её охватывала тревога, и она вышагивала по комнате, слишком часто останавливаясь, с целью проверить температуру

матери или дышала ли она. Аврору чаще стали оставлять одну, и иногда к ней заглядывали разные охотники.

Её посетил Дьюк, и это был первый раз, когда она увидела его с момента начала миссии. Она ожидала, что он расстроился из-за её невольного участия в пленении Джинкс, поскольку дружелюбные черты его пожилого лица приняли мрачное выражение, но вместо этого он крепко обнял её. Она цеплялась за него, как за спасательный круг и он терпеливо сидел рядом, пока они ждали, когда состояние её матери изменится. Он задавал ей вопросы, и она рассказывала истории о своём детстве, о матери и брате. Он успокоил её так, как никто другой не смог бы.

Но на третий вечер она почувствовала, что стены начали сжиматься вокруг неё. Ей нужно было заняться чем-то более серьезным, чем просто сидеть здесь. Наверняка есть какой-то способ помочь её матери, помочь восстанию, помочь Джинкс и Нове. Она сойдёт с ума, если проведёт ещё один день, задыхаясь и закрываясь ото всех, наблюдая, как её мать лежит так тихо и незащитно, чувствуя себя виноватой и бесполезной.

Поэтому, когда Рансу оставил её одну в тот вечер, решив спуститься вниз и помочь с чем-то в таверне, Аврора воспользовалась случаем, чтобы осмотреть здание. Она нашла шарф в кабинете Зефир и связала волосы в популярном узловатом стиле, которому научила её Нова, и надела один из длинных развевающихся плащей Зефир, висевших на двери её кабинета. Материал был мягким и скользил по рукам Авроры, как вода. Обернув массу ткани вокруг себя, Рора вышла из кабинета Зефир на чердак, откуда открывался вид на таверну внизу — как на второй, так и на первый этаж. Она забилась в угол, подальше от двери Зефир, и наблюдала за движением на двух нижних этажах.

Внутри таверны мерцал мягкий голубой свет, напомнивший ей небесный огонь, но Аврора никак не могла обнаружить источник голубого света, так как фонари в помещении и на каждом столе имели простые горящие фитили. В воздухе висел запах морской воды и небольшой водопад ниспадал на каменную скульптуру в углу — русалка, отлитая из бронзы, отдыхала на скале у основания. Если бы она оказалась где-то ещё, Аврора подумала бы, что это чудо механики, возможно, система насосов и труб, но, зная, что умеет Зефир, она задавалась вопросом, была ли эта женщина достаточно смелой, чтобы пользоваться магией на виду.

Зал был переполнен, главный бар заполнен людьми, стоящими позади сидящих. И большинство столов тоже были заняты, как простые деревянные на первом этаже, так и более мягкие, частные столы, которые были зарезервированы для специальных гостей на втором этаже. Аврора заметила Рансу, несущего большую коробку за стойку бара, но кроме него все остальные служащие, которых она заметила, были женщинами. Они были всех форм, размеров и видов, но каждая из них носила струящиеся юбки пастельного цвета, которые мерцали, как хвост русалки, если бы они существовали, они ослепляли в голубом свете таверны. Они улыбались, очаровывали и бросали кокетливые взгляды на каждого мужчину, мимо которого проходили, и на каждого мужчину по очереди, будь то молодой парень, едва успевший выпить, или старый генерал, которого она видела бесчисленное количество раз за столом, все они, казалось, раскачивались в такт движению женщин вокруг них, притягиваемые, как магниты.

На втором этаже она увидела знатных мужчин, собиравшихся за столиками в нишах, окружённых растениями для некоторого уединения, но никто из них не прерывал разговор, даже когда женщины проходили мимо или останавливались, чтобы наполнить бокалы, и

Аврора наблюдала, как женщины иногда задерживались у некоторых столов, без нужды вытирая пыль с растений или наполняя бокалы, которые были далеко не пустыми.

Мужчины, казалось, ничего не замечали. Если они и смотрели на женщин, то только для того, чтобы пофлиртовать или, в некоторых случаях, дотронуться до них. Именно в этот момент Аврора увидела второго за ночь мужчину — работника. Лейтенант Зефир, мужчина по имени Рахим был высок, с тёмной кожей и глазами, которые говорили то, чего не говорили его губы. У него была странная манера появляться всякий раз, когда посетитель пытался сделать что-то большее, чем просто поговорить с одной из женщин.

Аврора не знала, как долго она наблюдала за экосистемой внизу, изучая, как она работает и процветает, прежде чем высокая фигура закрыла ей обзор.

— Что ты делаешь? — пробормотал Киран, подхватывая её под руку и таща обратно к двери кабинета Зефир. Прежде чем Аврора успела возразить, он провёл её через дверь и закрыл её за собой. — Ты же знаешь, что не можешь быть там. Если тебя заметят, ты можешь оказаться в огромной опасности. Я уже говорил тебе, что патрули были сильно увеличены после проникновения во дворец. Достаточно одного человека, узнавшего тебя.

Аврора вздохнула, прошла через кабинет в соседнюю спальню.

— Я не могу оставаться здесь вечно. Мне нужно что-то делать.

— Попытайся отдохнуть.

Она резко повернула голову и посмотрела на него.

— Я отдохнула.

Киран поднял руки вверх.

— Что насчёт книги?

— Я устала читать.

Киран поднял бровь.

— Тебе? Надоело читать? Ты заболела?

— Нет, но это не помогает моему настроению, тем более что единственная книга в моём распоряжении о принце из города, который попал в жестокие бури, особенно когда он, по крайней мере, должен что-то сделать. Финнес Вольфрам боролся с океаном в поисках безопасного места. А я отважилась лишь сидеть в спальне, в то время как эти женщины там, совершенно незнакомые, заметь, рискуют собой, чтобы получить информацию для нас. С таким же успехом я могла делать то же самое.

Киран заартачился.

— Это просто смешно. Там есть несколько высокопоставленных людей, как из командования Локи, так и Павана. Они наверняка видели тебя раньше.

— Я могу надеть маску. Эти люди ничего не замечают. Я наблюдала за ними. Они, правда, не видят этих женщин. Они видят то, что хотят видеть. И в отличие от женщин, работающих там, я знаю, что слушать, и я буду знать, чьи разговоры стоят моего времени.

Киран открыл рот, его брови уже сложились в знакомую прямую линию, и Аврора продолжила:

— Как будто ты имеешь право управлять мной, потому что ты мужчина, а я нет. Если я должна править королевством, то, конечно, это начинается с права управлять собой, по крайней мере.

Аврора уставилась на него, слегка вздёрнув подбородок, и несколько долгих мгновений он молчал. Он просто смотрел на неё с непонятной смесью боли, разочарования и чего-то, что могло быть гордостью. Затем он слегка наклонил подбородок и сказал:

— Тебе придётся убедить Зефир, но я уверен, что ты это сделаешь. Ты просто замечательна в этом плане.

С другого конца комнаты донёлся скрипучий голос:

— Она на самом деле такая, не так ли?

Аврора ахнула и резко обернулась, шарф на её голове от быстрого движения повалился набок. Её мать проснулась и пыталась приподняться на подушках, но её ослабевшие руки всё ещё подгибались под собственным весом. Рора протиснулась мимо Кирана, подбежала к матери и прижала её к себе, призывая саму себя быть осторожной.

— Ты очнулась, — прошептала Аврора, её горло сдавили слёзы. — О, богиня, я так рада, что ты очнулась.

Слишком костлявые пальцы матери обхватили её предплечье, потянув руку Авроры вниз, к щеке королевы.

— А ты жива.

Слёзы уже было невозможно остановить. Аврора не могла понять ту боль, через которую она заставила пройти свою мать, беспокойство и горе, которые она напрасно перенесла, потому что её план пошёл шиворот-навыворот. Если бы у неё хватило смелости сказать матери правду, если бы она не держала при себе так много своих страхов о Кассие... Аврора не могла думать о том, что могло бы случиться. Не было пути назад, чтобы исправить её старые ошибки, она просто должна была двигаться вперёд. И на этот раз, она знала, что доверить людям свою правду, всю правду, было единственным способом, которым они могли бы пройти через это.

Пока она плакала, Киран выскользнул из комнаты, возможно, чтобы сообщить остальным о пробуждении королевы. Она взяла хрупкую руку матери в свои ладони — такая маленькая и хрупкая, как маленькая птичка.

— Мне так много нужно тебе сказать, мама. Начиная с того, что я очень сильно люблю тебя, и мне жаль, что я заставила тебя так волноваться.

Она не могла заставить себя извиниться за то, что вообще ушла, она не обо всем сожалела, хотя у неё было много сожалений и горя по поводу этого решения. Она могла бы справиться с этим лучше, оставив меньше людей в опасности, возможно, подготовив свою мать каким-то образом. Но она не будет сожалеть о том, чему научилась и как выросла в этом путешествии. Она не могла.

— Я планировала, что ты получишь записку, объясняющую правду о моём исчезновении, но всё пошло не так, как планировалось.

Мать слушала весь вечер и большую часть следующего дня, пока Аврора рассказывала ей обо всём, что произошло, время от времени останавливаясь, когда тело матери призывало её снова уснуть. Аврора начала с самого начала, с того, как по глупости увлеклась флиртом Кассия и подслушала его истинные планы по контролю над ней и короной. При необходимости она опускала детали. Хотя она любила свою мать и надеялась, что, в конце концов, они будут смотреть на вещи одинаково, она не станет рисковать личностями своих друзей и соотечественников, если её мать будет цепляться за свои старые представления о магии. Они говорили о семействе Локи, о том, что произошло через несколько дней после исчезновения Роры. Аврора действительно должна была заполнить некоторые пробелы для своей матери, используя знания, которые она получила от Тавена. Похоже, её мать была недееспособна уже очень долгое время.

Они несколько раз отвлекались, когда королева спрашивала о новостях королевства и о

том, как она очутилась там, где была (о чём Аврора отказалась ей рассказать). Аврора дала ей необходимую информацию о захвате Локи, восстании и Повелителе бурь, но не стала ничего рассказывать, когда та захотела продолжить расспросы о текущем положении дел. Во-первых, Аврора сама не была в этом уверена, так как провела здесь всего несколько дней. Кроме того, она знала, что её мать будет решительно настроена помочь против нападений Повелителя бурь, а она была слишком слаба, чтобы делать что-либо, кроме как лежать в постели.

Поэтому вместо этого Аврора попыталась втянуть её в рассказы о своём пребывании в дикой местности. Она долго рассказывала о меняющихся ландшафтах, о бурях, с которыми они столкнулись, и о проявлении её магии. Это привлекло внимание её матери. Волнения, вспыхнувшего на её лице, было почти достаточно, чтобы она снова выглядела здоровой. Но Аврора старалась рассказывать свою историю медленно, оставляя мать в неведении относительно природы её способностей, как и прежде, и постепенно приходя к выводу, что она нечто большее, чем Бурерождённая, нечто иное. Хотя она надеялась, что её мать сможет увидеть ошибку запрета естественной магии, она убедит её, если понадобится. Если бы ей пришлось заставить мать выбирать между традициями Бурерождённых и свободным и справедливым путём вперёд со своей дочерью, она бы сделала это. Традиции, власть и гордость не должны стоять выше человеческой жизни.

Наконец, когда Аврора рассказала достаточно из своей истории и решила, что пришло время рассказать правду матери, доказать раз и навсегда, что она никогда не станет идеальной Бурерождённой принцессой, о которой всегда мечтала её мать, она начала расстёгивать жилет, скрывавший её тайну. Она обнажилась перед матерью, представив её истину вместе со светом, который бился в её груди.

— Видишь ли, когда я взяла своё первое сердце бури, всё пошло не так, как у других. Эмоции, которые я испытывала, яростные вспышки, когда штормы были рядом, они были непреднамеренным использованием магии духа. Старые племена были правы. Именно беспокойные души мёртвых лежат в сердце бури, и так или иначе, поскольку у меня есть естественная связь и с душами, и с бурями, я приняла сердце бури и потерянную душу в себя вместо того, чтобы получить в пользование талисман с магией.

Мать Авроры смотрела на неё с удивлением и недоумением. Она протянула палец, колеблясь, а потом дотронулась до кожи, под которой струился небесный огонь.

— Тебе больно? — спросила её мать.

— Больше нет.

Мать подняла на неё глаза.

— Но было.

Аврора пожала плечами.

— Я впустила иную душу в свою собственную. За такое приходится платить.

— Но что это значит? — спросила мать Авроры, указывая на явление перед ней.

Рора колебалась, не зная, как её мать отреагирует на следующую новость.

— Ты помнишь, что я говорила тебе о Повелителе бурь? Как поговаривают, что он обладает способностью вызывать бури по своему желанию?

Королева кивнула.

— Я всё ещё не уверена, что верю в эти слухи. Возможно он один из тех охотников, которые используют страх, чтобы запугать в моё отсутствие.

— Он не охотник, мама.

Аврора пошевелила пальцами, пытаясь вызвать в себе то же самое чувство настойчивости, которое она испытала во дворце, когда заставила горничную дать им ответы. Сначала она получила только крошечную искру, затем волосы на её руках начали вставать дыбом, и яркая вспышка белого света перескочила с кончика её указательного пальца на большой палец одной сильной молнией. Несколько более мелких лучин изогнулись вокруг её пальцев, зигзагообразно двигаясь вперёд и назад, издав серию потрескивающих хлопков.

— Он может вызывать бури, мама. Как и я.

Управлять огнём — значит быть посредником для всех видов магии, ведь это самое близкое к закону в дни бесконечного хаоса.

— *Изучение Первородной Магии*

15

Кровать была в огне.

Нова брыкалась и кричала, но её конечности были привязаны, а постельное бельё горело, и одежда вместе с ним. Весь матрас под ней был охвачен пламенем, но она не могла вырваться. Сама она не горела. А за слезами и клубами дыма, заполнявшими комнату, она видела лицо принца Кассия, зловеще освещённое бликами жёлто-оранжевого пламени.

Он улыбался.

Он знал.

Он знал.

— Нова. Нова.

Она проснулась, лоя ртом воздух, и резко села на кровати. Её поразило, как её конечности легко поддались при малейшем рывке. И только быстрая реакция Джинкс удержала их головы от столкновения.

— Ты в безопасности, — заверила её Джинкс, перекрикивая быстрые, судорожные вдохи Новы. — Ты начала шуметь. Я не хотела привлекать внимание охранников.

Как и Нова. Она была благодарна судьбе за то, что в последние дни их почти не трогали. Ей даже удавалось немного расслабиться днём. Но она мало контролировала то, где блуждали её мысли в течение ночи, и никогда не упускала из виду худший из сценариев.

Джинкс протянула руку и Нова отпрянула раньше, чем рука другой ведьмы успела опуститься на её руку.

— Не надо, — сказала она. — Я не контролирую себя.

Джинкс наклонила голову, её большие глаза видели слишком много.

— Для тебя это обычное явление?

Нова закрыла глаза и сосредоточилась на своём дыхании, вдох-выдох, на том, как двигалось и расширялось её тело. Каждый раз, когда она выдыхала и её грудь опускалась, она представляла, как огонь всё глубже и глубже уходил с поверхности её кожи. Когда он был похоронен достаточно глубоко, чтобы она почувствовала себя в безопасности, Нова открыла глаза и снова посмотрела на Джинкс.

— Всё хорошо.

Земная ведьма устроилась на краю кровати и Нова подтянула ноги, освобождая место. Джинкс скрестила ноги, а руки обернула вокруг колен. Она выглядела менее свирепой, с босыми ногами и всем телом, свёрнутым в удивительно маленький узел.

— Ты можешь мне объяснить, что произошло? — спросила Джинкс.

— Ничего особенного. Мне приснился кошмар. Иногда мои нервы берут верх надо мной, и когда это происходит, огонь поднимается из глубины. Он не знает, как отличить

настоящую опасность от опасностей моего беспокойного ума.

— Значит, если бы я прикоснулась к тебе...

— Я могла сжечь тебя. Я не уверена. Лучше не рисковать.

— Видимо именно так тебе и пришлось прожить большую часть своей жизни здесь. Не рискуя.

Нова пожала плечами.

— По крайней мере, здесь у меня была своя жизнь. В Таранаре меня бы уже давно поймали. Чудо, что за все дни, что я просидела в этой камере, я не спалила всё помещение.

— Возможно, тебе следовало бы это сделать.

Нова резко покачала головой.

— Ты не понимаешь, что у меня внутри. Ты, твой дар — это созидание, равновесие и красота. Мой — это разрушение. Это смерть. Если бы я высвободила магию, это, вероятно, причинило бы боль многим, кто этого не заслуживал. Я не выпущу дар, если буду знать, что можно поступить иначе. Каждый раз, когда я это делаю, он приносит только худшее для меня и тех, кто мне дорог.

— Конечно, но ты не можешь сопротивляться этому полностью, — сказала Джинкс. — Я часто выпускаю свою магию, даже не замечая. Это естественная реакция, когда я нахожусь рядом с природной стихией. Я питаюсь землёй, растениями и деревьями, а они мной. Полагаю, огнём ты не окружена постоянно, но предполагаю, что у тебя такая же тяга к нему, как и у меня.

— Меня, конечно, тянет к нему. И пламя поднимается ближе к поверхности, когда я нахожусь рядом с естественным огнём. Кроме того, это происходит, когда я взволнована или эмоционально взвинчена. Но я научилась достаточно глубоко хоронить магию, чтобы иметь хоть какой-то контроль.

— Хоронить её?

— Да, — ответила Нова. — Это единственный способ быть в полной безопасности. Я изо всех сил стараюсь избегать контактов с людьми, но иногда солдаты не оставляют мне выбора. Мне нужно как можно больше барьеров между моей магией и моей кожей, чтобы не обжечь их.

— Значит, ты ни к кому не прикасаешься. Никогда?

— Прикасаюсь. Просто будет легче, если я этого не буду делать.

— Но ты пожала мне руку. С тех пор я несколько раз прикасалась к тебе, а ты ничего не сказала.

Нова почувствовала, как по её щекам пополз незнакомый жар. Она проверила свою магию, но пламя всё ещё было надёжно заперто. Это не имело к этому никакого отношения.

— Думаю, что это работает иначе с другими носителями магии. Контакт с Авророй всегда был мне приятен, но я не понимала, почему. Я думала, это потому, что мы были друзьями, и я просто верила, что никогда не причиню ей боль.

— Всё ещё может быть и так. Магия действует интуитивно. Она часть тебя. При правильном использовании она должна жить в гармонии с твоими желаниями и намерениями, а не против них.

— Возможно, так работает твоя магия, но не моя. Она всегда был чудовищем в глубине, сеющим хаос, как бы я ни пыталась его контролировать.

Джинкс пристально посмотрела на неё, и Нове пришлось бороться с собой, чтобы не съёжиться от её внимания.

— Ты так боишься себя.

Нова грустно улыбнулась.

— Ты бы тоже боялась, если бы знала, какой вред я могу причинить. Я стала свидетелем того, как лицо мужчины горело прямо у меня перед глазами, когда я была всего лишь ребёнком, и всё потому, что он напугал меня, и моя магия сделала то, что она делает лучше всего. Мой детский мозг потянулся за помощью, словно ища домашнего любимца в качестве защитника, но вместо этого я вернулась, привязанная к дракону.

— Вспышки случаются с каждым пользователем магии. Трудно найти правильный баланс.

— Я не могу позволить себе вспышек, — сказала Нова, изо всех сил стараясь не повышать голос в тёмной комнате, не желая натравить на них охранников.

— Если ты будешь давить на свои силы так, словно их не существует, это не помешает им. Вероятно, от этого вспышки станут лишь более частыми. Ты должна найти баланс между твоим телом и магией.

— И как же мне это сделать? — спросила Нова, сжимая пальцы в отчаянные кулаки.

Джинкс подняла руку ладонью вверх.

— Позволь мне научить тебя.

— Здесь? — спросила Нова, ошеломлённо. — Ты хочешь учить меня магии здесь?

— Я хочу научить тебя балансу и доверию. Ты никогда не сможешь контролировать свою магию, если не сможешь доверять ей.

— Тогда у меня никогда не будет контроля, потому что я не могу представить себе мир, где смогу доверять тому, что внутри меня, где я смогу доверять мозгу и телу, которые всегда, кажется, предают меня.

Должно быть, земная ведьма потеряла терпение, потому что вместо того, чтобы продолжать ждать, она протянула руку и положила ладонь поверх сжатого кулака Новы. Выпрямив спину, Нова замерла, но, как и прежде, её магия продолжила спать в ответ на прикосновение другой ведьмы.

— Я знаю, что ты чувствуешь себя невероятно одинокой. И я не могу притворяться, что знаю, каково тебе пришлось. Но в сердце каждого человека есть тайна или ложь. Иногда эти секреты передаются по наследству без нашего собственного выбора, как твои и мои, и даже Авроры. Иногда мы используем ложь для выживания. Или иногда кто-то другой нам лжёт, мы цепляемся за неё и пытаемся превратить ложь в правду, хотя в глубине души знаем, что это такое. У меня есть друг, который считает, что не заслуживает счастья, что в жизни есть только опасность и тонкая грань между жизнью и смертью. Это ложь, но он жил с ней так долго, что убедил себя, что это правда. Я думаю, твоя магия почти такая же. В юности у тебя был ужасный опыт, и он убедил тебя, что твоей магии стоит опасаться, и это правда. Но так не должно быть. Магия делает тебя сильной, она делает тебя цельной. Этот огонь был дан тебе не просто так, а потому что он должен каким-то образом уравновесить тебя. И чем больше ты его отталкиваешь, тем больше теряешь равновесие.

Сердце Новы бешено колотилось. Она никогда не встречала никого похожего на Джинкс — настолько уверенного в себе и своём месте в этом мире. Она хотела сохранить исходящую от неё уверенность и всегда держать её при себе, чтобы, когда она понадобится, она могла вытащить её и снова наслаждаться ею.

— Может, ты попробуешь что-нибудь сделать для меня? — спросила Джинкс.

Нова кивнула, не в силах даже подумать о том, чтобы сказать ведьме «нет».

— Дай мне дружную руку.

Нова так и сделала, и Джинкс положила ладони Новы плашмя друг на друга, указывая в противоположные стороны, а затем положила свои руки поверх каждой из ладоней. Она подвинулась вперёд, пока они обе не сели, скрестив ноги и соприкасаясь коленями, Нова под одеялом, а Джинкс сверху.

— Закрой глаза.

Нова послушалась, хотя ровный стук её сердца только лишь усилился.

— Я хочу, чтобы ты освободила свою магию.

— Но...

Нова приоткрыла один глаз и увидела, что Джинкс смотрит на неё.

— Всё будет хорошо. Помнишь, ты сказала, что она не реагирует на других ведьм.

— Пока что. Это не значит, что этого никогда не произойдёт.

Широкая улыбка появилась на губах Джинкс.

— Я готова рискнуть. Теперь закрой глаза и опусти все стены, которые ты установила.

Нова слотнула, но сделала, как ей было сказано, ослабив крепкую хватку на своей магии. Сначала ничего не происходило. Затем она почувствовала, как внутри неё поднимается искушающий, томительный жар пламени. Она почти запаниковала, но потом услышала, как Джинкс тихонько бормочет себе под нос.

— Вот ты где. Скажи мне. Как это ощущается?

Нова крепче зажмурилась, внезапно занервничав от желания открыть эту часть себя другому человеку.

— Тепло. Бурно. Как будто рой пчёл ожил в грудной клетке.

— Магия хочет двигаться, — сказала Джинкс. — Наверное, ей беспокойно оттого, что её заперли.

Нова слегка дёрнулась, и Джинкс крепче сжала её руки.

— Я не хочу, чтобы она двигалась. Тогда я не смогу удержать её внутри.

— Она не должна быть неподвижной. Думай об этом, как о другой части твоего тела. Она должна циркулировать так же, как воздух, когда ты дышишь. Как кровь течёт по твоему телу, так и магия должна течь по тебе. Вместо того чтобы сосредотачиваться на том, чтобы держать её в одном месте, чтобы не дать обнаружить её охранникам, позволь ей двигаться, заставь её двигаться. Она должна стать неотъемлемой частью тебя, а не отдельной частью.

Нова обдумала эту идею и попыталась воплотить её в жизнь. Она начала с малого, позволяя магии двигаться только в её животе, подобно собственному вихревому огненному шторму внутри. Когда это показалось выполнимым и на самом деле ослабило часть подавляющей энергии, которая всегда атаковала её, когда её магия была близко к поверхности, она толкнула её дальше. Сначала в ноги, потом до самых кончиков пальцев и снова вверх. Она сделала эту петлю несколько раз, и когда всё, казалось, было хорошо, она отважилась на последний круг, позволяя огню потечь в её руки, проходя через её соединенные ладони снова и снова в бесконечном круге.

Она потерялась в этой практике, следуя за своим пламенем до каждого уголка своей личности, исследуя себя таким образом, который она никогда не представляла возможным. Огонь сжигал боль в её мышцах и любую затяжную усталость, он заряжал её энергией с каждым взмахом, и она почувствовала себя лучше, чем когда-либо. Она почувствовала себя... совершенно новой.

Она не имела ни малейшего представления о том, как долго она гоняла в себе пламя,

когда что-то тяжёлое коснулось её колена. Она резко открыла глаза и посмотрела вниз.

Зевающая Джинкс отмахнулась от неё.

— Продолжай. Я больше не могу сидеть. Но у тебя хорошо получается. Я чувствую это. Вся твоя энергия изменилась. Разбуди меня, если тебе что-нибудь понадобится.

Потом ведьма закрыла глаза и уснула, уткнувшись в колено Новы под одеялом.

Нова смотрела на неё с благоговейным трепетом, удивляясь, что она так быстро заснула. С другой стороны, она не знала, как долго они этим занимались. Она посмотрела на Джинкс сверху вниз, на маленькую дугу её верхней губы и длинную прямую линию носа. Она едва была знакома с ней, но каждый раз, когда Нова смотрела на неё, внутри у неё что-то шевелилось. С каждым днём ощущение становилось всё сильнее, и Нова не понимала, что с собой делать, когда это случилось. «Благодарность», — считала она. Ведьма-воительница ворвалась в её жизнь, как ураган, и принесла с собой все виды надежды и мужества. Она внушала благоговейный трепет. Кого бы это не привлекло?

И даже сейчас, когда она изучала спящее лицо подруги, её магия всё ещё проходила через её тело, уже адаптируясь к трюку, которому научила её Джинкс. Несколько ночей вместе и Нова уже чувствовала себя менее контролируемой своим страхом и более ответственной за собственную судьбу.

Она обожала Джинкс уже только за это. И она отчаянно надеялась, что они смогут найти выход из сложившейся ситуации, потому что у неё вдруг возникло желание увидеть мир таким, каким его видит Джинкс. Может быть, даже с Джинкс рядом.

Теперь она знала, что есть и другие варианты такой жизни, как у неё, кроме секретности и одиночества.

* * *

Аврора повернулась лицом к матери и спросила:

— Что ты думаешь?

Она надела фальшивый парик из длинных чёрных волос, отчего её кожа казалась почти такой же сияющей, как луна. Мерцающая зеленовато-голубая юбка обтягивала её бёдра и веером расходилась от колена, как русалочий хвост. Этот цвет навёл её на мысль о тайных бухтах и далёких секретных островах. На ней был кремовый топ с короткими рукавами и вырезом чуть ниже ключицы, достаточно высоким, чтобы скрыть её тайну. В общем, оно было менее откровенным, чем то, что она надела на бал в честь своей помолвки, но она могла себе представить, как интригующе оно выглядело бы под синими свечением ламп внизу.

— Ты бы меня узнала? — спросила Аврора.

Её мать всё ещё не совсем понимала, где они находятся, но Аврора была достаточно честна в своих намерениях на этот вечер. Ей нужно было одурачить людей, которые увидят её, некоторые из них когда-то были советниками её матери. Она знала, что её мать хотела возразить против того, что Аврора рискует собой, она видела беспокойство на её лице, но по какой-то причине некогда властная королева молчала.

— Конечно же, ты будешь привлекать внимание, — сказала мать. — Подойди сюда. Позволь мне добавить ещё немного румян и теней к твоим глазам, и тогда, я думаю, ты будешь достаточно замаскирована, чтобы обмануть даже меня.

Аврора подошла и села рядом с матерью на кровать. Королева теперь могла подниматься лучше, но её мышцы так долго оставались неподвижными, что она быстро уставала и была гораздо слабее, чем её когда-либо помнили.

Когда её мать закончила с макияжем, она откинулась назад с глубоким вздохом и сказала:

— Ты как будто совсем другой человек.

Мать смотрела на неё, сжав губы в грустной улыбке, и эти слова тяжело легли на сердце Авроры. Королева деликатно фыркнула, и Рора быстро поймала её за руку.

— Я всё ещё твоя дочь

— О, я знаю это, моя дорогая. Просто сейчас, когда я вижу тебя, слышу твои истории, вижу, как твоё лицо светится, как никогда раньше... мне стыдно, что я не понимала, как сильно позволила своему страху задушить тебя. — Её мать снова шмыгнула носом, но это не остановило слезу, скатившуюся по её щеке. — Я думала, что оберегаю тебя от беды, но на самом деле я не давала тебе стать той удивительной дочерью, которую богиня предназначила мне.

— Ты веришь в богиню?

Мать пожала плечами.

— Я полагаю, что ты, как сказал тот молодой человек... поразительна. Случилось ли это благодаря предсказанной богиней судьбе, удаче или чему-то ещё... я верю в тебя. С этого я и начну.

Аврора не думала, что существует язык, чтобы выразить то, что она чувствовала в этот момент. Конечно, она знала, что мать любит её. И, несмотря на чувство вины и другие страхи, она понимала, что мать всегда старалась делать то, что было лучше для неё. Но существовал такой врождённый дисбаланс власти между родителем и ребёнком, между творцом и творением, что она боялась, что навсегда останется неадекватной, что она всегда будет выбирать между своими собственными желаниями и желаниями своей матери, и это, вероятно, будет означать, что она всегда будет разочаровывать себя или свою мать.

Но теперь... теперь она чувствовала себя не столько чьим-то творением, сколько своим собственным. Она никогда не чувствовала себя такой свободной, хотя и напуганной.

— Спасибо, — ответила она, хотя этих слов едва хватало.

— Обещай мне, что будешь осторожна, — сказала королева и в её голосе послышались нотки приказа.

— Обещаю.

— И не задерживайся слишком долго. Мне здесь скучно одной.

— Я пришлю кого-нибудь составить тебе компанию.

— Красивого молодого человека, который назвал тебя поразительной?

Аврора покраснела.

— Кого-нибудь. Возможно, моего друга Дьюка, если он здесь. Я тебе о нём рассказывала.

— Ах да, старый мудрый охотник. Я должна поблагодарить его за заботу о тебе.

— Ты должна поговорить с ним о магии. Он очень хорошо осведомлён.

— Возможно, я так и сделаю.

Аврора поцеловала мать в щёку и спустилась вниз, чтобы поговорить с Зефир до открытия таверны. Она нашла хозяйку у водопада, комната уже была освещена таинственным голубым светом. Она откашлялась, и Зефир повернулась, внимательно оглядывая её с головы до ног.

— Неплохо, — сказала она. — Но всё равно говори по минимуму, на случай, если кто-то может узнать твой голос. Плавай по залу, убирай пустые стаканы, приноси новые напитки,

когда попросят. Не настаивай на разговорах. Пусть они витают вокруг тебя. Лучше быть невидимой.

— Что мне делать, если идёт важный разговор? Есть ли какой-нибудь сигнал?

Зефир нахмурилась.

— Большинство моих девочек не могут определить, что важно, а что нет. Они прислушиваются к именам, датам, местам. Незначительные детали для них, но это помогает нам сконцентрировать некоторые наши усилия. Они записывают всё, что слышат, независимо от того, считают ли они это важным или нет, подают отчёты в конце ночи, и им за это щедро платят. Если ты заметила что-то важное, постарайся оставаться поблизости. Если это невозможно, тогда приходи ко мне в бар, и я организую замену, чтобы сделать это незаметно.

— И что может пойти не так? — спросила Аврора.

Взгляд Зефир стал суровым.

— Ничего не может пойти не так. Если тебя это беспокоит, я предлагаю вернуться наверх к матери.

Аврора покачала головой.

— Ты права. Всё пройдёт нормально.

Всё пошло не по плану.

Аврора пыталась быть невидимой, но по правде говоря, она привлекала к себе всё внимание. Она начала вечер с того, что уронила почти полный поднос стеклянных кружек, представ в потрясающем виде обитателям таверны «Русалка». За это она заслужила сердитый и разочарованный взгляд Зефир в баре, а также бурные аплодисменты и смех молодых солдат на первом этаже.

С тех пор, казалось, некоторые следили за ней, поддразнивая, когда она проходила мимо, галантно раздвигая толпу, даже после того, как она перешла от подноса к одному напитку в каждой руке. Другие издевались и смеялись, когда она проходила мимо, словно пытаясь напугать её и довести до ещё одного инцидента. Их издевки стали привлекать так много внимания, что Зефир поймала её и потащила в подсобку.

— Давай попробуем в другой раз, — сказала она раньше, чем дверь полностью закрылась.

— Нет, пожалуйста. Отправь меня в приватную зону наверху. Там спокойнее. И в любом случае именно там от меня будет больше пользы.

— И там тебя, скорее всего, узнают, и к тому же ты не продемонстрировала мне мастерства смешения с толпой.

— Дай мне попробовать. Пожалуйста. Если хоть что-то пойдёт не так, я уйду наверх, не сказав ни слова. Я обещаю.

— Не рассчитывай получить ещё один шанс после этого. Твоя ценность в этой игре зависит от умения выживать. За твоё безрассудство заплатят остальные.

— Я понимаю. Я буду осторожна.

Зефир вздохнула, но отослала её прочь взмахом руки в перчатке. Перчатка, которую она носила в таверне, была перламутровой и изящной, а не кроваво-красной и с когтями на кончике. Уже не в первый раз Аврора заметила, что не у неё одной здесь секреты.

Но она оставила загадку перчаток Зефир на другой день и поднялась на второй этаж, где всё было гораздо спокойнее. Девушки также носили униформу и приносили напитки из бара внизу, но гости сидели в круглых мягких кабинках на большем расстоянии друг от друга.

Комнатные и висячие растения в сочетании с голубым светом и запахом морской соли создавали атмосферу пустынного островного пляжа, где можно было разглашать самые грешные тайны, не опасаясь быть подслушанным.

Теперь Аврора была уверена, что Зефир использует часть своей магии, потому что, хотя она знала, что под ногами и в стенах вокруг неё нет ничего, кроме дерева, комната заставляла её чувствовать себя так, как будто океан находится рядом. Как бы она ни вытягивала шею, океан никогда не попадал в поле зрения. Это было нагло, но Аврора видела, как непринуждённо чувствуют себя здесь гости, и было что-то большее, чем мягкие кресла, хотя она была уверена, что это тоже помогало. Скорее всего, магия притупляла их чувства, заставляла меньше сомневаться в непохожести, объясняя это реакцией разума на выпивку. Внезапно стало гораздо понятнее, как такая молодая женщина, как Зефир, которая вряд ли прожила больше тридцати сезонов и, возможно, видела гораздо меньше, могла обладать такой властью в городе.

На верхнем уровне у Авроры дела пошли куда более гладко. Пространство позволяло ей скользить, не уклоняясь от движущихся тел, и она занялась тем, что помогала там, где могла. За долгое время она не услышала ничего интересного — разговоры о недавних бурях, предположения о повелителе бурь и восстании, но, как ни странно, ни одного упоминания о пропавшем принце Локи. Ничто из этого не было новой информацией, просто пустой дружеской болтовней богатой и влиятельной касты людей. Аврора подумала, что зря тратит время. Она оставила мать одну, чтобы быть здесь, и могла провести всю ночь, не услышав ничего важного. Возможно, Зефир была права. Может быть, она поступила глупо, настаивая на том, чтобы заниматься этой работой, когда было ясно, что её роль в этой революции совершенно в другом месте. Она погрузилась в работу по уборке пустого стола, размышляя об этих мыслях, а успокаивающая атмосфера таверны создавала спокойный фон.

Она взяла со стола последний пустой бокал, поместила его между предплечьем и грудью вместе с остальными, а затем выпрямилась, чтобы уйти, чуть не упав на человека в синей форме Адмирала Локи. Затем она подняла глаза и увидела знакомое лицо одного из своих бывших охранников.

Аврора быстро потупила взор и пробормотала тихое извинение.

— Этот столик свободен? — спросил мужчина.

Аврора кивнула и поторопилась прочь, но он крикнул ей вслед:

— Принеси мне эль, хорошо?

Она снова кивнула и поспешила вниз к бару. Она только позволила себе оглянуться, когда добралась до лестницы, и увидела, как он пожимает руку другому мужчине в униформе Локи, в котором она смутно узнала кого-то, кто держался поближе к королевской семье. Она спустилась по лестнице, прежде чем Меррин успел снова взглянуть на неё.

Он был её вторым главным охранником, гораздо более веселый, чем серьёзный Тавен. Но тот веселый кудрявый Меррин исчез. Его волосы были коротко подстрижены, все кудри исчезли, а выражение лица стало равнодушным, как и голос.

Аврора вернула пустые стаканы на кухню, а потом подумала, не пойти ли ей прямо к матери, как она и обещала. Потом она вспомнила, что Меррин попросил эль. Она не хотела стать ещё более подозрительной, исчезнув без его заказа. Она отнесёт ему выпивку и после исчезнет.

Она заказала выпивку в баре и, пока ждала, решила сделать ответственный поступок и сказать Зефир, что уходит. Но она не смогла найти её ни там, где оставила, ни за стойкой

бара. Поэтому она велела женщине за стойкой передать Зефир, что новенькой надо перекинуться с ней словечком.

Затем она отправилась обратно наверх. Подойдя к столу, за которым сидел Меррин, она замедлила шаг и опустила голову.

— И эта информация, которой располагает принц... она достоверна?

— Он считает, её весьма достоверной.

— А почему бы ей не вернуться домой, если она вновь в Паване? Наверняка она слышала, как мы её искали.

— Принц не уверен, что она может свободно уйти. Возможно, похитители продали её сопротивлению.

Аврора была уже почти у стола и не знала, что делать. Остановиться и надеяться, что они её не заметят? Или поставить стакан и надеяться, что они продолжат?

— И они оставили её в живых? Какая им от неё польза?

— Мы не уверены. Возможно, шантаж. Или у них есть какие-то намерения в отношении её магии. Всё, что мы знаем, это то, что есть достоверные доказательства, что она в городе. И вот тут вы вступаете в игру. Принц Кассий хотел бы, чтобы ты возглавил расследование её местонахождения.

Аврора повернулась и поставила бокал на первый же столик, мимо которого прошла, к большому удивлению пожилого мужчины, не заказавшего его. Она добралась до лестницы и стала подниматься всё выше и выше, пока не нашла чердак, а затем дверь кабинета Зефир. Она протиснулась сквозь неё, тяжело дыша, длинная русалочья юбка застряла между её лодыжками. Она пальцами пыталась ухватить ручку двери в спальню, суставы отказывались нормально работать, возбуждение нарастало. Наконец, она распахнула дверь настежь.

А потом она обнаружила, что внутри плачет её мать, громкие порывистые рыдания сотрясали её худое тело. Дьюк сидел рядом с королевой в её постели. При её появлении старик резко вскинул голову, но мать была слишком расстроена, чтобы перестать плакать.

— Что ты ей сделал? — воскликнула Аврора, чувствуя облегчение, что может направить всю панику, несущуюся по её телу, на кого-то другого. — Ты сделал больно моей матери? — потребовала ответа Аврора, проходя через комнату.

Внезапно из ниоткуда появился Киран, хлопнув сначала дверью кабинета, потом дверью спальни.

— Что, чёрт возьми, ты делаешь, Аврора? Ты оставила двери распахнутыми.

— Я хочу знать, что не так с моей мамой.

Киран придвинулся ближе, пытаясь успокоить её, и она знала, что он прав, знала, что за пределами этих комнат существует мир с очень большими, очень грозными последствиями. Но она только что благополучно вернула свою мать, и теперь Дьюк ужасно расстроил её, и ей не нужен был такой стресс в её состоянии.

— Со мной всё в порядке, — сказала мать срывающимся от волнения голосом.

— Тогда почему ты плачешь?

Афра Паван выглядела далеко не по-королевски и удивительно уязвимой, когда она пожала плечами и ответила с растерянной, слезливой улыбкой:

— Потому что он жив.

Аврора посмотрела на Дьюка.

— Кто ещё жив?

Мать Авроры пристально посмотрела на Дьюка, старика, который стал для Авроры чем-

то средним между отцом и наставником. Слёзы всё ещё текли по щекам королевы и капали с царственной линии её подбородка.

— Возможно, ты знаешь его как Дьюка. Но я знала его как лорда, давным-давно.

Мать Авроры взяла Дьюка за руку и сжала её.

— Ты мог бы приехать сюда, Финн. Мы бы никогда тебя не прогнали. Что бы ни случилось в Калибане.

Дьюк поднял руку её матери и поцеловал костяшки пальцев.

— Мне со многим пришлось справляться. Было легче распространять это горе повсюду, а не брать его с собой в одно место. Кроме того, я пришёл, когда пришло время, я думаю.

Паника заставила разум Авроры замедлиться, как будто она пробиралась сквозь тающие сугробы снега.

Калибан.

Финн.

Она видела осколки, знала, как их собрать в одну картинку, но как такое возможно?

— Ты хочешь сказать... — она замолчала, глядя на мать.

Королева приподнялась чуть выше на кровати и вытерла слёзы.

— Аврора, позволь представить тебе Лорда Финнеса Вольфрама из Калибана. Лорд Вольфрам, я полагаю, вы уже знакомы с моей дочерью.

Финнес Вольфрам, племянник короля, покинул Калибан в тот же день с небольшим отрядом солдат и матросов, намереваясь найти безопасный проход в другие земли. Ни его корабль, ни его самого больше никто не видел, и через две недели город Калибан подвергся катастрофическим штормам.

— *Падение Калибана и тайна лорда Вольфрама*

16

Голова Кирана начала раскалываться, а голоса в комнате превратились в оглушительный шум. Им чертовски повезло, что сейчас утро, и в таверне внизу не было посетителей, которые могли бы подслушать их разговор.

Ему было достаточно трудно осознать тот факт, что его наставник — мужчина, который практически воспитал его с тех пор, как он присоединился к команде в одиннадцать лет, — был неким давно потерянным и считавшимся мёртвым лордом. Да и тот факт, что у него, очевидно, когда-то был роман с матерью Авроры до того, как королева вышла замуж, превратился в думу, которую он отложил для осмысления на другой день, и тайно надеялся, что этот день никогда не наступит.

Аврора была потрясена известием об интрижке. Она едва дышала, ругая мать за то, что та никогда не говорила ей о знакомстве с Финнесом Вольфрамом, и что она была не просто знакома с ним. Но это была далеко не самая страшная новость за день. Как только Киран, наконец, успокоил Аврору, он сумел заставить её объяснить, почему она покинула работу таверну и побежала наверх.

Локи знали, что она в городе. И они попросили одного из её старых охранников возглавить поиски.

Киран разослал записки соответствующим людям, прося о встрече на следующее утро, и вот они все оказались в кабинете Зефир: Дьюк и всё ещё исцеляющаяся Паванская королева сидели в стороне, Зефир расхаживала перед столом, Тавен стоял в углу с суровым выражением лица, а остальная часть его команды смотрела на них так же ошарашено, как и он сам. Аврора стояла в другом конце комнаты с мрачным лицом, крепко обхватив себя

руками.

— Я не понимаю, как об этом стало известно, — кипятилась Зефир. — Мы были так осторожны. Тавен, ты что-нибудь слышал?

— Ничего. Я могу попытаться поговорить с Меррином.

— Нет, — отрезала Зефир. — Он слишком глубоко увяз. Гораздо опаснее дать им знать о твоём участии.

— Меррин? — спросила Аврора. — Меррин слишком глубоко увяз? Что это значит?

Тавен вздохнул.

— Он был одним из первых добровольцев, отправившихся на твои поиски. Он отправился на юг, в Одилар, с отрядом солдат Локи. Все, кроме троих, погибли. С тех пор, как вернулся, он совсем другой. После этого я уже никогда не был волне уверен в его лояльности, чтобы рассказать ему о сопротивлении. Я не знаю на чьей он стороне.

Глаза Авроры распахнулись, и она ещё крепче прижала локти к телу. Вид у неё был такой, словно она пыталась заставить себя стать меньше.

— Значит, если он найдёт меня, то может выдать Кассию, невзирая на мои желания?

Тавен пожал плечами.

— Не знаю, Ваше Высочество.

Аврора нахмурилась.

— Я же сказала тебе, чтобы ты прекратил это.

— Дело в том... — вмешалась Зефир. — Что каким-то образом они узнали о твоём присутствии в городе, и теперь они будут искать тебя, а это значит, что в таверне больше небезопасно. Больше не спускаешься вниз, не покидаешь это здание. Мы должны скрывать тебя, пока не наступит время.

— И когда же это произойдёт? — спросила Аврора.

— Когда я скажу, — прорычала Зефир, упираясь руками в стол.

Не в силах больше терпеть эту перепалку Киран вмешался:

— А не лучше ли было бы вообще вывезти её из города? Мы не знаем, как далеко зайдут Локи в её поисках. Они могут начать проводить рейды на соседние районы без разбора.

— Ты думаешь, у них есть время на это? — спросила Зефир. — Когда каждый день над городом висит угроза бури? Конечно же, нет.

— Всё зависит от того, насколько они уверены, что она здесь.

Киран перевёл взгляд на Аврору, её лицо стало удивительно бледным даже для неё. Судя по её настороженному выражению лица, он догадался, что все остальные тоже уставились на неё.

— Ты не знаешь, где они могли тебя видеть? — спросил он. — Не мог ли кто-нибудь заметить тебя во дворце? — Аврора медлила с ответом, и ему в голову пришла ужасная мысль. — Или они могли получить информацию другим способом. — Его взгляд метнулся к Рансу, затем к Дьюку. — От Джинкс или от твоей подруги. Джинкс — самый преданный человек из всех, кого я знаю, но мы не знаем, что они там с ними делают. Одна из них могла даже случайно что-то рассказать.

Внезапно Аврора опустила руки, которыми крепко обхватывала свою талию.

— Это не они. Я сообщила.

На этот раз к голосу Кирана присоединился шквал голосов, и Аврора закрыла глаза, позволив шуму разлиться по всему телу. Ему хотелось броситься к ней и встряхнуть её, а потом увезти далеко-далеко отсюда.

— В каком смысле ты? — спросил он.

Аврора сглотнула и вздёрнула свой подбородок.

— Я беспокоилась за безопасность Джинкс и Новы, поэтому сделала выбор. Перед уходом я написала Кассию записку.

Это было похоже на циклон, пронёсшийся в его голове. Кирану нужно было сесть. Стульев больше не было, так что в итоге он прислонился к столу Зефир, его голова шла кругом.

— Вот зачем ты вернулась, — вмешалась Слай, впервые заговорив из угла, где она стояла.

— Это был лучший способ, который я смогла придумать, чтобы гарантировать, что они останутся невредимыми.

Грубый голос Рансу присоединился к перепалке, когда он сказал:

— Ты, вероятно, сделала прямо противоположное. Всё, что ты сделала, это сказала принцу, что у них есть информация о тебе. Пока мы говорим, их, вероятно, пытаются за эту информацию.

Лицо Авроры стало призрачно-белым, и кончики пальцев нащупали стену за спиной. Она пыталась удержаться на ногах.

— Нет, — Аврора яростно замотала головой. — Нет, всё совсем не так. Я сказала Кассию, чтобы он хорошо обращался с ними.

Зефир фыркнула.

— И ты думаешь, что этот деспот сделает то, о чём ты просишь? Думаешь, у него есть сердце?

Аврора стиснула зубы и покачала головой.

— Конечно, нет. Я ушла от него не без причины. Но я, правда, считаю, что он... он хочет меня. Он мог бы просто захватить королевство, когда я ушла. Я дала ему прекрасную возможность получить всё, что он хотел. Вместо этого он неустанно искал меня. Одержимо. Он отправил солдат умирать в дикие земли, хотя они могли бы помочь сражаться здесь с Повелителем бурь. Не знаю почему, но если он пошёл на это раньше, то я подумала, что смогу спасти Джинкс и Нову, привязав их к себе. Чтобы выиграть нам время.

На этот раз в комнате воцарилась тишина. Но хотя мир, возможно, и был безмолвен, Киран кричал в душе. При мысли о том, что этот монстр хочет заполучить Аврору, ему становилось дурно. Тот факт, что ей пришлось бежать, лишь бы не выйти за него замуж, заставлял его негодовать на беззащитную пожилую женщину, молча сидевшую всего в нескольких шагах от него. Это заставляло его желать разбить всё вокруг, начав с лица принца.

— Ну что ж, тогда всё понятно, — сказал он. — Он не успокоится, пока не найдёт её, даже если будет знать наверняка, что она здесь. Нам нужно либо спрятать её, либо вывезти из города.

— И нам нужно вытащить Джинкс из этого проклятого дворца, — рявкнул Рансу.

— У меня есть связи в маленьком форпосте к северу от города, — сказала Зефир. — Мы могли бы спрятать её там на некоторое время, пока всё не уляжется.

— Нет, — воскликнула Аврора. — Мне надоело прятаться. Нам нужны припасы, чтобы спасти Джинкс, верно? Разве ты не упоминала о возможности отправить меня в дикие земли, чтобы запастись магией? Мы могли бы это сделать. Я уеду из города, и мы подготовимся к следующим шагам мятежа. Вернёмся со всем необходимым, чтобы спасти

Джинкс и свергнуть Локи раз и навсегда.

Зефир остановилась на месте и повернулась, чтобы встретиться взглядом со своим лейтенантом Рахимом, который молча и неподвижно стоял в углу комнаты. Киран совсем забыл, что он здесь.

— Это может сработать, — сказала она. — Хотя в дикой местности ты тоже будешь в опасности. И я не знаю, как долго тебе придётся там оставаться. Я могу тайно вывезти тебя из города вместе с припасами, когда понадобится.

— И как же ты это сделаешь? — спросила Аврора.

Зефир сурово посмотрела на неё и дёрнула подбородком в сторону королевы.

— Полагаю, я уже достаточно выдала своих секретов в этой компании.

Афра Паван подняла руки, и это движение было грациозным, несмотря на её болезнь.

— Пожалуйста, у нас одинаковые намерения. Я хочу видеть свою дочь в безопасности, и вернуть королевство под её правление.

Зефир вскинула бровь.

— Не под ваше?

— Я старая женщина. И если возраст чему-то и учит, так это тому, что нужно учиться на прошлых ошибках. Именно мои решения привели Локи в королевство, позволили им осуществить свои планы. Моя дочь ясно видела то, чего не могла видеть я. Я предоставлю вам любую помощь или информацию, которую вы пожелаете, но... — она замолчала на мгновение и посмотрела на Дьюка. — Корона — это не главное.

— Тогда всё решено. Сегодня в полночь мы тайно вывезем тебя отсюда.

— И меня, — добавил Киран. — Ей понадобится ещё один охотник, чтобы собрать магию, пока она сосредоточится на управлении бурей. У меня самый большой опыт, за исключением Дьюка. А он ушёл в отставку. И занят. Я могу обеспечить ей безопасность, если что-нибудь случится, пока мы будем в глуши.

— Есть ещё какие-нибудь причины? — спросил Дьюк, с вызовом посмотрев на Кирана своими голубыми глазами. В течение многих лет Дьюк так смотрел на него, а Киран считал его просто ещё одним неудачником, таким же как он, а не каким-то лордом.

— А разве нужны ещё причины? — спросил он.

Как вдруг Тавен спросил:

— Это приемлемо для вас, Ваше Вы... — он умолк, увидев свирепый взгляд Авроры, и добавил: — Если вам потребуется больше охраны, я с радостью присоединюсь.

— Нам нужны твои глаза и уши во дворце, — заявила Зефир. — Я хочу, чтобы ты постарался выяснить всё, что сможешь, о Джинкс и Нове, где их держат, сколько охранников, когда они сменяются. Если принцесса хочет иметь больше охранников для своего пребывания в дикой местности, ей придётся выбрать кого-то другого.

— Мне не нужно больше охранников. Мне вообще не нужны охранники, — настаивала Аврора.

— Но тебе нужен ещё один охотник, — сказал Киран, встретившись с ней взглядом.

— Думаю, ты прав.

— Значит, мы договорились? — спросила Зефир. — В полночь?

Аврора встретила пристальный взгляд Кирана и, хотя выглядела настороженной, она не отвела глаз и не отказалась от затеи. Она кивнула.

— В полночь.

* * *

— Тебе надо поспать.

Голос Джинкс донёлся до настороженных ушей Новы из тёмной комнаты. Она пыталась. Но это была одна из тех ночей, когда она слышала каждый звук, и её разум усиливал его, как рябь в пруду. И её мысли продолжали следовать за этой рябью куда угодно отсюда — к Авроре где-то в городе. Была ли она в безопасности? Что теперь делают мятежники? Неужели они вернутся за ней и Джинкс? Её мысли вернулись к родителям. Она ничего не слышала о них с тех пор, как угодила в тюрьму. Беспокоятся ли они о ней? Помиловали ли их или она навлекла и на них беду? Возможно, она отсутствовала достаточно долго, чтобы они решили двигаться дальше, жить жизнью, свободной от опасности, которую она с собой несла в их дом. Она не будет обижаться на них за это. Хотя будет скучать по ним. Откровенно говоря, она бы меньше волновалась, если бы они ушли, тогда она не смогла бы причинить им боль.

А потом ещё была Джинкс. Нова думала о ней больше, чем ей хотелось бы признать. Об очевидных вещах: откуда она пришла, какой была её жизнь, как она так много узнала о магии. Но Нова также думала и о менее практичных вещах, которым у неё было меньше объяснений. Она думала о том, какие на ощупь волосы Джинкс в том месте, где они были коротко подстрижены. Были бы они мягкими, как длинные локоны на другой стороне, или грубыми и колючими? Нова уже привыкла к ощущению Джинкс, теплу её магии в воздухе, мягкому толчку энергии, которая казалась мирной и яркой. И она задалась вопросом, как ощущалась её магия для Джинкс, заставляла ли её желудок опускаться и успокаиваться одновременно?

— Ты слишком много думаешь, — сказала Джинкс.

— Как ты узнала?

— Неужели я ошибаюсь?

Нова плюхнулась на бок, и в темноте встретилась лицом к лицу с Джинкс.

— Нет.

— О чём думаешь?

— О чём я не думаю?

— Тебе нужно отвлечься? — спросила Джинкс.

— Да.

Нова услышала тихое шлёпанье ног в темноте, а затем край её кровати опустился. Джинкс забралась на кровать. Сердце Новы сильно сжалось, а потом понеслось с такой скоростью, что у неё закружилась голова.

— Вставай, — приказала Джинкс.

Нова замерла, внезапно занервничав совсем не так, как обычно. Она была сверхчувствительна по отношению к своему телу и пространству вокруг неё, но на этот раз это не имело ничего общего с её огнём.

— Давай. Поднимайся, — настаивала Джинкс, схватив Нову за предплечья и неуверенно сажая её.

Нова плюхнулась вперёд, и Джинкс рассмеялась. Нова тоже рассмеялась, радуясь, что другая девушка не видит, как пылают её щёки.

— Давай потренируемся. Дай руки.

— Ммм... — Нова заколебалась. — Я в этом не уверена.

— Тогда расскажи мне свои самые постыдные секреты.

У Новы отвисла челюсть, и она втянула в себя воздух.

— Теперь магия не кажется такой уж плохой, а?

— Сон не кажется таким уж плохим.

— Плохо. Ты меня разбудила. И мы можем использовать эти тихие часы с пользой.

Обычно ночью охранников было меньше, и хотя Нова знала, что стражники были снаружи, они редко разговаривали или двигались в ночные часы, что давало ей, по крайней мере, иллюзию куда большей безопасности.

— А что именно мы будем практиковать? — спросила Нова.

— Ну, ты, кажется, гораздо лучше справляешься со своим балансом. Мне интересно знать, как это повлияет на твой контроль над фактическим проявлением магии. Как часто ты на самом деле используешь её?

— Только тогда, когда это необходимо. В дни, предшествовавшие вашему появлению, я обычно отрывала куски от подола своей юбки, и сжигала их, когда начинала чувствовать себя переполненной и боялась, что могу случайно сорваться.

— Должно быть, это было очень тяжело, — голос Джинкс был тёплым и мягким в темноте.

Нова содрогнулась, хотя и не была уверена, что Джинкс заметила это движение.

— Я в жизни не встречала огненную ведьму, — сказала Джинкс, — но в команде, с которой я путешествую, была одна до моего появления. Они говорили, что у неё была идеальный дар, что она иногда использовала костёр в рассказах историй, превращая пламя в крошечную сцену с людьми и местами, бурями и битвами. Она помогла им построить огромный фургон, подобного которому ты никогда не встретишь. Это тщательно обработанный металл, который может выдержать даже самые свирепые бури диких земель. Я не была знакома с этой ведьмой, но они говорят о ней с любовью и с благоговейным трепетом. И поэтому возможно, что и ты сможешь найти такой же контроль, чтобы жить без страха перед ошибками.

— Мне бы этого хотелось, — сказала Нова.

Она не решалась произнести эти слова, боясь даже признаться, что хочет этого, потому что тогда ей будет ещё больнее, если она никогда этого не получит. Но она с трудом сдерживалась. Может быть, потому, что она отпустила свою магию, потому что она теперь свободно текла по ней, и мир не развалился на части, она чувствовала себя более живой, как никогда раньше. Перед искушением снова ослабить поводья было почти невозможно устоять.

— Тогда давай попробуем. Сложи руки вместе и попытайся разжечь небольшое пламя, размером с фитиль свечи.

Нова выпрямилась и спустила ноги с кровати, располагаясь чуть удобнее. Это оставляло больше места для Джинкс, которая сдвинулась и теперь сидела лицом к лицу с Новой, как это было несколько ночей назад.

— Начни с малого. Думай об этом, как о расширении циркуляции магии, которая уже есть в твоём теле, вместо того, чтобы выталкивать её в никуда, что может привести к некоторым, эм, неожиданным последствиям. Представь себе, что петля твоей силы расширяется за пределами твоих рук ровно настолько, чтобы образовалось небольшое пламя, но затем возвращается, чтобы снова присоединиться к общему потоку. Магия на самом деле не покинет твоё тело, ты просто расширишь свой контроль над ней в мир за пределами твоей плоти и костей.

Нова сложила руки вместе, как было предложено, и закрыла глаза, позволив себе снова

погрузиться в поток магии внутри себя, следуя за ней по циркуляции своего тела несколько раз, как она практиковалась.

— Ты хорошо справляешься, — сказала Джинкс. — В самом деле, ты справились с этим гораздо быстрее, чем я ожидала. Мне потребовались годы, чтобы примириться с моей магией и установить равновесие, которое ты нашла всего за несколько дней.

Нова старалась дышать ровно и расслабила плечи, приняв прямую позу.

— У меня было много практики с ментальной концентрацией. Это показалось естественным продолжением этого урока.

— Ментальной концентрацией? Ты имеешь в виду попытки контролировать огонь?

— Нет. Ну, да, и это тоже, но мама всегда говорила, что я нервозный ребёнок. Она сказала, что я заболею от беспокойства, — Нова тихонько рассмеялась. — Огонь не помогал. Но он был всего лишь одним из многих последствий, которых я боялась.

— Каких вещей ты боялась?

— Ох, всего на свете. Некоторые из них были разумными: быть пойманной, не иметь достаточно денег для жизни, разочаровать родителей, не иметь возможности контролировать магию. Поэтому я часто ловила себя на том, что разыгрываю сложные худшие сценарии, мучая себя снова и снова под видом подготовки. Некоторые страхи было труднее объяснить. Иногда я убеждала себя, что в происходящем моя вина. Что шторм разразился из-за того, что я неправильно пришила пуговицу, или слишком медленно выполняла свои обязанности, или разговаривала в тот день со слишком многими людьми. Иногда я просыпалась с убеждением, что должно произойти что-то ужасное, и ждала с этой грызущей болью весь день, чувствуя себя слишком больной, чтобы есть, уверенной, что должно произойти что-то ужасное. Я постоянно колебалась между чувством полного изнеможения и попытками укрыться, но ни то, ни другое не помогало.

— Что помогало? — спросила Джинкс.

— Честно? — спросила Нова. — Это помогало. Этот баланс. Раньше я обычно погружалась в тихое местечко в своем сознании и дышала, стараясь пропустить через себя мысли, не привлекая внимания. Иногда я начинала считать. Я пыталась отвлечься от падения в бесконечные провалы агонии и паранойи и никогда не справлялась.

— Ух, ты, — выдохнула Джинкс. — Это прекрасно.

Сбитая с толку тем, как всё сказанное ею может быть прекрасным, Нова открыла глаза и обнаружила, что из её рук вырвалось высокое тонкое пламя.

— Посмотрим, сможешь ли ты им управлять. Сделай его короче, затем выше.

Нова глубоко вздохнула и уставилась на зловеще неподвижное пламя. Оно не мерцало и не кружилось в её руке. Оно стояло прямо, как лезвие, всё ещё плавно перетекая из её магии. Медленно, она сделала, как просила Джинкс, укоротив петлю, пока пламя не стало таким же маленьким, как ноготь, а затем выпустила его ещё дальше, чем раньше. Она позволила ему вырасти до длины кинжала и задумалась, сможет ли с достаточной практикой выковать огненный меч для себя. Если ей это удастся, это означало бы, что она никогда не останется без оружия, никогда не будет беспомощной снова.

Джинкс обхватила ладони Новы своими и удивлённо посмотрела на неё. Шок от прикосновения нарушил концентрацию Новы, пламя дико замерцало, а затем исчезло совсем, вернув их назад во внезапную темноту.

— Ты можешь сжечь всё что угодно, — прошептала Джинкс. — Прости, я отвлекла тебя.

Нова всё ещё думала о выражении лица Джинкс за мгновение до того, как пламя погасло, о том, как тени заиграли на её подбородке и скулах, одновременно подчёркивая её ярость и смягчая её. Новайя никогда не была склонна к творчеству. Она искала место в штате портнихи, потому что прекрасно владела иглой, и это был способ уйти от работы горничной, но также это было просто средством для достижения цели. Она всегда была так занята заботами о том, как выжить, что мечты не были тем, что успевало укорениться и вырасти в её сознании. Но это единственное воспоминание о Джинкс в свете её пламени заставило её внезапно подумать о том, как бы стать художницей и попробовать сотню разных цветов, пока она не найдёт те, которые сделают её совершенно правильной. Казалось несправедливым, что она была единственной, кому довелось увидеть такое зрелище. Это было слишком красиво, чтобы не захотеть поделиться этим.

— Как ты думаешь, я смогу сделать меч из огня? — спросила Нова. — Или для начала что-нибудь поменьше? Кинжал?

— Богиня, конечно. Я уже могу себе это представить. Ты будешь великолепа.

Желудок Новы снова опустился — предвкушение и тревога слились в одно месиво запутанных, переполняющих её эмоций.

Джинкс легла обратно на кровать, упершись ногами в ближайшую стену, и они начали болтать о возможностях различных видов огнестрельного оружия, и о том, что со временем Нова сможет научиться колдовать.

По прошествии времени, пока Джинкс обсуждала достоинства огненного хлыста и какого-то оружия, с которым она однажды сталкивалась, которое можно было бросить и которое возвращалось к своему хозяину, не с помощью магии, а с помощью своей формы, Нова начала зевать.

Она подтянула подушку поближе, но сделала всё возможное, чтобы приподняться на локте, не желая, чтобы Джинкс перестала говорить, но другая ведьма заметила это движение. Она перекинула ноги через колени Новы и опустила плечи на подушки.

— Ложись спать, если устала, — сказала Джинкс. — Думаю, этого кусочка магии было достаточно, чтобы успокоить твой разум.

Нова не знала, изменило ли это что-то, но она всегда была спокойнее, когда Джинкс была рядом, даже когда нервничала. Нове это в ней нравилось. Но как только её плечи коснулись матраса, их уже было не поднять. Джинкс всё ещё прислонялась к её коленям и земная ведьма протянула руку, убирая длинную прядь чёрных волос с лица Новы, которую та была не в силах убрать.

Её сердце сжалось, затем тяжело забило, как неудачно брошенные камни в пруд.

— Моя мать была бы рада познакомиться с тобой, — сказала Джинкс. — Она тоже была ведьмой, и она... я думаю, она гордилась бы тем, что мы делаем.

— Даже несмотря на то, что мы заперты?

Вес поднялся с колен Новы, и она услышала, как заскрипела крошечная кровать. Джинкс растянулась на другом конце.

— Это лучше, чем то, что случилось с ней.

Впервые Нова услышала уныние в обычно неутомимом тоне другой ведьмы. Она несколько минут молчала, слишком трусливая и неуверенная в том, хочет ли Джинкс, чтобы она спросила.

Наконец, она сказала:

— Ты хочешь поговорить об этом?

Нова протянула руку над кроватью, пока не нашла то, что могло быть коленом девушки. Затем рука Джинкс тоже оказалась там, обвиняясь вокруг её собственной руки и крепко сжимая пальцы.

— Не сегодня. Мне кажется, на сегодня у нас было уже достаточно размышлений.

Джинкс отпустила её пальцы, но продолжала держать руку, повернув её так же, как она делала, когда они работали. Рука Новы сверху, а ладонь Джинкс снизу.

— Как думаешь, ты сможешь призвать пламя? Ещё один раз?

Нова не стала спрашивать зачем. Она просто удлинила петлю своей магии в руке, пока крошечная жемчужина огня не появилась в центре её ладони. Когда это произошло, она обнаружила, что глаза Джинкс смотрят не на пламя, а на неё саму. Они смотрели друг на друга, обе неловко свернулись на боку на кровати и заняли диагональные территории, оставив узкую границу между ними.

— Всё нормально? — спросила Джинкс после долгого молчания.

Нова сглотнула и кивнула, пламя стало чуть ярче, хотя она этого не хотела. Ведьма всматривалась в её лицо, и Нова не отвела взгляда, даже когда нервы забурлили в её животе, как штормовые волны.

— Ну, ладно, — Джинкс улыбнулась, отстраняя свою руку. — Спокойной ночи, моя огненная ведьма.

Нова позволила пламени погаснуть и устроилась на подушке, внезапно почувствовав себя гораздо менее усталой.

— Спокойной ночи, Джинкс.

Потом она постаралась уснуть, но её сердцу потребовалось много времени, чтобы вернуться в нормальный ритм.

* * *

Они встретились в незнакомой Авроре части города, но Киран знал дорогу. Окраина города, где домов было мало, а улицы забиты промышленными складами. Они находились недалеко от доков, где базировалось ограниченное судоходство Павана на реке Напатия. Напатия была главным источником воды в городе, но также обеспечивала возможность для торговли купцам, которые готовы были совершить путешествие.

Похоже, у Зефир были связи и в этой области. Несмотря на глухую ночь, маленький порт был пуст, а здания темны и лишены жизни. Ночью неожиданно похолодало и на щёки Авроры начал падать мокрый снег. Она высоко подняла воротник своего жилета, не позволяя снежинкам попадать на кожу, и продолжила идти за Кираном.

Она чувствовала, что Повелитель бурь где-то там над чем-то трудится, тёмные души метались вокруг города, задерживаясь в полях и небольших холмах, и в собирающихся облаках чернильно-чёрного неба, задевая городские стены. Она не знала, что задумал Повелитель бурь, но чувствовала его присутствие так же ясно, как души, которых он загнал в ловушку.

Когда они подошли к краю причала, Зефир и Рахим уже ждали их, но больше никого не было. Порт располагался на излучине реки, где она ненадолго ныряла в городскую черту, но затем снова поворачивала и уходила в дикие дебри. Городские стены продолжались на земле, окружающей реку, с мостами, построенными над каждым участком воды. Мосты были освещены длинной линией факелов, но они находились достаточно далеко от причала, и Аврора не могла разглядеть детали, только общие очертания мостов и тень сторожевого поста на каждом из них. Аврора замедлила шаг и остановилась перед Зефир, гадая, как эта

женщина собирается провести их мимо охранных пунктов. Может быть, постовые тоже её шпионы? Как Тавен?

— Это будет неприятно, — сказала Зефир, прерывая её мысли. — Особенно при низкой температуре.

Аврора нахмурилась.

— Я не так избалована, как ты думаешь. Я довольно долго жила в дикой местности без элементарных удобств. Ты меня недооцениваешь.

— Я не говорю о твоём временном изгнании, Принцесса. Я имею в виду ваш способ передвижения.

— И что же это за способ такой? — вмешался Киран.

Зефир указала на мостик, который Аврора видела раньше.

— Там дежурит охранник, наблюдающий за лодками, так что очевидного выбора нет. Но, к счастью, я предлагаю выбор, который далеко не очевиден. Нас ни разу не поймали ни с одним из наших грузов, — сказала она, кивнув Ракиму, стоявшему рядом с ней.

— Тогда что же это? — спросила Аврора.

Зефир сделала паузу, и в напряжённой тишине Авроре стало труднее игнорировать пронизывающий до костей холод.

— Вы пойдёте под воду.

Аврора снова посмотрела на расстояние до моста, затем огляделась в поисках какого-нибудь транспорта, возможно, водного варианта Скалы. Всё-таки она научилась ожидать неожиданного.

— Только вы вдвоём, — добавила Зефир. — Я создам воздушный пузырь, чтобы вы не утонули и, используя свою магию, буду продвигать вас под водой, пока вы не исчезнете из поля зрения стражника. Но после, вы уже будете предоставлены сами себе. Ты будешь мокрой, замёрзшей и одинокой. Думаешь, ты справишься с этим, Принцесса?

— Она справится, — ответил за неё Киран.

Аврора боролась с дрожью при мысли о том, какой холодной должна быть эта вода, и надеялась, что выглядит так же уверенно, как и Киран.

— У вас есть всё, что нужно? — спросила Зефир.

Киран поднял сумку, которая висела у него на бедре.

— Полагаю, мне не нужно говорить вам, чтобы вы были осторожны? — спросила Зефир.

— Похоже, ты всё равно это скажешь, — ответил Киран.

Аврора вздохнула и шагнула вперёд.

— Мы будем осторожны. Как мы можем связаться с вами, если будет необходимость?

— Этель посещает лагерь от моего имени через день, она раздаёт еду и другие необходимые вещи. Найди её, если я тебе понадобится.

Аврора вспомнила маленькую старушку, которая попыталась продать ей сомнительные товары при первом посещении Глаза. Она и не подозревала, что Зефир заставила её работать на восстание. После ещё нескольких инструкций не осталось ничего, кроме как начать действовать. По приказу Зефир они сели на край шаткого причала, и она устроила их так, как хотела, сумка с припасами была зажата между их ними, а Аврора и Киран сидели лицом друг к другу, крепко обхватив друг друга руками.

Аврора чувствовала жар дыхания Кирана на своём виске, и её собственное лицо было близко к его подбородку, где древесный, мужской запах, казалось, был самым сильным.

— Вода будет холодной, — предупредила Зефир. — Но не паникуйте. Дышите нормально. Как я и обещала, я буду удерживать воду от попадания в пузырь воздуха, который вам нужен, чтобы продержаться до тех пор, пока вы не преодолеете мост. Самое главное, чтобы вы не отпускали друг друга. Я не смогу разделить свою концентрацию между вами двумя.

Киран уверенно кивнул, щетина на его подбородке царапнула её щёку. Она уже давно не чувствовала это. Аврора тоже попыталась кивнуть, но движение затерялось в ложбинке его горла.

Затем Зефир спросила, готовы ли они, и на их плечи легли руки, а Аврора втянула воздух, готовясь к холоду. Следующее, что она помнила, как они падали, руки Кирана сжимались всё сильнее.

Первый всплеск был жестоким, он прорезал одежду, кожу и кости до самого мозга костей. Холод пронзил её словно тысяча иголок, заставив конечности ныть от боли и чувствовать онемение одновременно. Несмотря на предупреждение Зефир, её охватила паника, и она стала выворачиваться, цепляясь пальцами за всё, что они могли найти, брыкаясь ногами, пытаясь определить, где верх, а где низ. Затем сильные пальцы нащупали её подбородок и потянули вверх, пока лоб не прижался к чему-то тёплому. Она открыла глаза, ожидая, что её зальёт водой, независимо от того, что ей объясняли, но вода так и не хлынула. Вместо этого она увидела тёмно-коричневые радужки глаз своего охотника, который смотрел на неё, призывая к спокойствию единственным доступным ему способом. Он прижался лицом ближе, его нос скользнул вниз рядом с её носом, пока они не оказались так близко, что её губы коснулись его губ на следующем выдохе.

Она наблюдала за ним, вдыхая и выдыхая, смутно осознавая, что они двигались совершенно неестественным образом. Ни один из них не плыл и не брыкался ногами, чтобы удержаться на плаву, а под тяжестью одежды и припасов они должны были бы погрузиться на дно реки. Вместо этого она почувствовала мягкое давление под собой, скользя по какому-то неизвестному течению. Она не была уверена, как долго это продолжалось, только то, что она потеряла себя, глядя на Кирана, потому что она могла, и потому что ей больше ничего не оставалось делать, как смотреть на него.

Он выглядел усталым, хотя она догадывалась, что то же самое относится и к ней. Под его глазами тёмными полумесяцами залегли круги, и она подумала, сколько же времени прошло с тех пор, как он крепко спал по ночам. Растительность на его подбородке была длиннее, чем она когда-либо видела — настоящая борода, а не небрежная небритая щетина, к которой она привыкла. Она рискнула, позволив одной из своих рук скользнуть вверх по его спине, через плечо, к затылку. Его веки затрепетали от ласки, но когда её большой палец нащупал уголок его подбородка, между мочкой уха и большей частью бороды, его взгляд остановился на ней, пылая неожиданной напряженностью.

Она молчала, хотя Зефир не сказала, возможно ли говорить, когда та творила свою магию. По правде говоря, Аврора решила, что в этой тишине есть своя магия.

Его рука всё ещё была на её подбородке, хотя его хватка ослабла до едва заметного прикосновения. Он держал её так, пока его пальцы скользили по нижней стороне её подбородка и впадине на шее. Когда он не смог опуститься ниже, он снова положил руку ей на щёку, желая, чтобы её подбородок был приподнят так, чтобы её рот оказался ниже его, как подношение. Она последовала его примеру, проводя пальцами по бороде, которую он отрастил, пытаясь решить, что она об этом думает. Он выглядел... старше. Более суровый.

Его глаза всегда были достаточно настороженными, но сейчас даже больше.

Всему причиной была она. Своей ложью и секретами она сделала с ним это. Она задавалась вопросом, есть ли способ исправить эту боль или она была эгоистична, следуя этой тяге снова. Её пальцы продолжали исследовать его, пока не нашли место, где волосы на лице уступали место гладкой коже чуть ниже губы. Она дотронулась до этого места один раз, и когда он не возразил, она позволила своему пальцу подняться выше, к полной нижней губе. Над верхней губой у него был крошечный шрам, которого она никогда не замечала. Интересно, как долго он там был, и почему она не видела его раньше? Она встретила с ним взглядом, гадая, хватит ли у неё смелости поцеловать его, и не нашла ничего, кроме поддержки в тёмных зрачках, которые заняли все его глаза.

Аврора медленно провела пальцем по изгибу его верхней губы, затем опустила руку ему на грудь и положила на сердце. Она придвинулась ближе, приблизив свои губы к его губам. Простого поднятия подбородка было достаточно, чтобы их губы соприкоснулись, но она не хотела делать этот выбор за него.

Он был тем, кто ушёл. И она знала, что у него были на то причины. Она совершила ошибки, и какие бы сильные чувства она не испытывала, она не могла заставить его хотеть того же, что и она. В первый раз она не дала ему выбора, хочет ли он иметь дело с принцессой. На этот раз он точно знал во что ввязывается.

Он провёл костяшками пальцев по её щеке, нежнее, чем она могла бы подумать. Она посмотрела ему в глаза, отчаянно пытаясь понять, о чём он думает. Она не увидела там никаких ответов, только глубину чувств, которые заставляли всё внутри неё спонтанно сворачиваться в узлы.

Потом он поцеловал её, и она начала распутываться.

Это был медленный, восхитительный поцелуй, она почувствовала, как напряжение внутри неё немного ослабло, а потом изменилось, когда его язык коснулся её так, что это было ново и возбуждающе. К тому времени, как он отстранился, она чувствовала себя так, словно их снова представили друг другу. И каждый узел внутри неё был развязан.

Она застенчиво посмотрела на него, и Киран ответил ей свирепым и гордым взглядом, таким он был всегда. Она хотела поцеловать его снова, но прежде чем она получила свой шанс, пузырь вокруг них лопнул, и вода хлынула со всех сторон.

Она втянула в себя воздух и не получила ничего, кроме ледяных лезвий на языке и в горле. Она закрыла глаза от обжигающей воды, и их охватил хаос. Её дёргало то в сторону, то вверх, то вниз, а может, ни одно из этих направлений не было правильным. Она не была уверена. На расстоянии она ощущала тяжесть, на спине её одежды, но все её конечности были свободны, и она размахивала руками, ища поверхность, которой нигде не было. Она кружилась и кружилась в потоке, который был бурным и диким, совсем не похожим на мягкий пульс, по которому они путешествовали раньше.

Наконец её голова прорвалась сквозь толщу воды, и она вынырнула, кашляя и задыхаясь, волосы закрывали её лицо и глаза, что не имело никакого значения, потому что там, где они были, не было ничего, кроме темноты.

Что-то твёрдое столкнулось с её спиной, и только тогда она поняла, что то, что цеплялось за её одежду, было рукой Кирана. Как только его голова показалась на поверхности, он обхватил её сильной рукой, подталкивая её выше из воды за свой счёт.

Но это был бесполезный жест. Они вдвоём быстро двигались вниз по реке, переваливаясь через пороги, но нигде не находили достаточно места, чтобы выбраться.

Аврора дёрнула за свой жилет, дёрнула наугад, пока не обнажилась достаточно большая часть её груди, и сияние её небесного огня дало им немного света в ночи.

Они были в середине быстрой, горной реки, которая, казалось, не собиралась отступать. Вместе Аврора и Киран поплыли к ближайшему берегу, борясь с течением, которое хотело смести их с пути. Несколько раз Аврора чувствовала, как её конечности врезаются во что-то невидимое под водой, деревья, кусты или что-то ещё, что она не могла определить.

Она понятия не имела, сколько времени им потребовалось, чтобы выбраться, но казалось, что это никогда не закончится. Когда они, наконец, достигли достаточной отмели, чтобы их ноги коснулись дна, они схватились друг за друга для силы и выскочили из воды. Потом они рухнули на берег, обессиленные, промокшие и дрожащие. Аврора откашлялась от воды, которую вдохнула, и прижалась щекой к влажной земле, которая по сравнению с ней казалась тёплой.

Киран первым поднялся на колени. Туника, которую он носил, прилипла к груди, как будто была частью его самого, и куртка, которую он надел поверх, тоже вся промокла. Слава небесам, у него всё ещё была сумка. Она совершенно забыла о ней в безумии течения. Он быстро проверил и не сообщил ни о каких проблемах, так что она предположила, что сумка осталась целой и невредимой.

Затем он взглянул на Аврору, и его губы растянулись в слабой усмешке.

— Приемлемое для тебя приключение, принцесса?

Она медленно поднялась на ноги, чувствуя боль и онемение во всём теле.

— Это? Детские шалости.

Он рассмеялся.

— Пойдём. Нам нужно найти укрытие, снять мокрую одежду и, надеюсь, развести огонь.

На этот раз Аврора не стала спорить. Дул пронизывающий ветер, и температура за пределами города была не лучше, чем внутри городских стен. Она знала, что чем дольше они так сидят, тем больше рискуют заболеть.

Используя небесный огонь в её груди как фонарь, они забрели в ближайшую рощу и начали собирать хворост для костра. Аврора держала всё на весу, не желая, чтобы её мокрая одежда намочила дрова и помешала разжечь огонь. Им повезло, что они наткнулись на горную местность в лесу. Они отыскиали укрытие — не совсем пещера, но место представляло собой ровную площадку, на которой можно было спать, и имелся выступ, блокирующий ветер и дождь, который мог начаться ночью.

Они двигались в лёгком ритме, раскладывая свои материалы для костра, время от времени останавливаясь, чтобы снять с себя часть мокрой одежды. Аврора была уже в штанах и лёгкой майке, когда услышала, как Киран тихо выругался, пытаясь разжечь огонь.

Она остановилась, выглянула через его плечо, и увидела, что его руки трясутся так сильно, что ему трудно ударить по кремню с достаточной силой, чтобы вызвать искру. Она положила руку на его уже обнажённую спину. Он вздрогнул от прикосновения её холодной руки, но не отодвинулся.

— Позволь мне.

Раньше он, вероятно, стал бы спорить, настаивать, что прекрасно знает, как разжигать огонь, но то ли от усталости, то ли просто от долгого путешествия, которое они проделали вместе за последние месяцы, на этот раз он ничего не сказал, только встал и освободил ей место для работы.

Она проигнорировала предложенный ей кремень и вместо этого протянула руку к будущему костру. Она тоже дрожала, но её намерения требовали менее точного мастерства и грубой силы. Она сделала успокаивающий вдох и потянулась к той части своей души, которая принадлежала ей, но нет. Она ответила, неистовая, заряженная и горячая на ощупь. Она потянула, позволив магии скатиться по руке к аккуратно сложенной куче дров, и устояла на растопку у основания.

Она завладела изменяющимся давлением и из её ладони появилась маленькая полоска раскалённого добела небесного огня. Вспышка небесного огня охватила растопку, к которой стремилась, обугливая землю вокруг. Но дело было сделано. Несколько больших кусков дерева вспыхнули пламенем.

Киран схватил её за плечи и оттащил на несколько шагов назад, подальше от потрескивающего огня, который мгновенно ожил. Он взял несколько более тяжёлых поленьев, которые были сложены поблизости, бросил их в пламя, и в мгновение ока ревущий огонь вспыхнул перед ними, испуская жар, который начал медленно пробиваться сквозь холод, захватывая каждый дюйм тела Авроры.

Они разложили одежду, которую уже сняли, на больших камнях, окружавших их святилище, и когда дел больше не осталось, она повернулась к Кирану. Он потёр затылок. Раздетый, но в брюках, которые всё ещё были на нём.

Он прочистил горло.

— Было бы лучше, если бы мы сняли всю нашу мокрую одежду.

Аврора кивнула, понимая, что он прав.

— Мы можем расположиться в разных местах, — предложил он. — Я останусь за этой скалой, — сказал он, указывая на место подальше от костра, в котором, как она догадалась, будет довольно холодно всю ночь. — Ты можешь остаться на этой стороне. Надеюсь, к утру хотя бы некоторые вещи окажутся достаточно сухими, чтобы снова их надеть.

— Это глупо, — ответила Аврора. — Тебе нужно быть у огня. Ты заболеешь.

— Тогда мы будем спать по разные стороны костра. И я обещаю не смотреть.

— Теперь ты ведёшь себя просто смешно. Ты прекрасно знаешь, что самое разумное для нас — это разделить тепло тел. Кроме того, мы уже спали бок о бок.

Не говоря уже о поцелуе в реке, о котором никто из них не упоминал, так как им удалось не умереть после этого.

— Да, но это было раньше. И мы никогда не были...

Он сделал жест, который, как она догадалась, имел отношение к их скорому состоянию в неглиже.

— Раньше?

— До того, как ты стала принцессой.

— Я всё это время была принцессой, Киран. Каждый раз, когда ты целовал меня, обнимал, заставлял бегать до тех, пока я не начинала желать умереть, — продолжила она, пытаясь разрядить внезапно навалившееся тяжёлое настроение.

Но никаких изменений в сгустившемся и нагнетенном между ними воздухе не произошло. Они так долго были врозь, и теперь каждый биологический инстинкт, который у них был, сводил их вместе. Может быть и несколько меньше биологических инстинктов. Аврора крепко обхватила себя руками, борясь с дрожью.

— У меня такие же губы. То же самое тело. Я тот же самый человек.

— А что бы сказала твоя мать, если бы узнала, что ты целовалась с кем-то вроде меня?

— Насколько я знаю, мы оставили мою мать в довольно уютной обстановке с твоим наставником, который к тому же охотник.

— Ты же знаешь, что это не одно и то же. Очевидно, он лорд.

Аврора и сама ещё не до конца разобралась в этом. Во время их путешествия она узнала, что в прошлом Дьюк был моряком. Но чтобы он был моряком, на чьих историях она выросла, вдохновилась и всё ещё в некотором роде моделировала свою жизнь? Она не была уверена, что чувствует по этому поводу. Она провела большую часть своей юности, воображая истинный конец истории Финнеса Вольфрама, колеблясь между нигилистическими видениями затонувшего корабля где-то на дне моря и фантазиями о райском острове, где жизнь была проще и безопаснее и так отличалась от здешней. Теперь она знала конец истории, и это было совсем не то, что она могла себе когда-либо представить.

Но сейчас она думала не об этом, она была всецело сосредоточена на Киране.

— Ты злишься на него за титул, даже после стольких лет совместной жизни? Ты покинешь его команду? Отправишься в путь сам по себе? Оставишь ли ты его так же, как грозился оставить меня?

Киран тяжело вздохнул и сел у огня.

— Если мы собираемся завести этот разговор, то нам лучше согреться.

Он начал стаскивать сапоги, и Аврора придвинулась ближе, проделывая то же самое со своей собственной обувью.

— Ну что? — спросила она, когда они оба были босыми и подошли к потрескивающему костру. — Ты убежишь от Дьюка, как убежал от меня?

— Я не убегал от тебя.

Аврора вызывающе подняла бровь.

— Неужели? А я вот помню, как хлопнула дверь, и я осталась одна с моим сердцем в руках.

— Я здесь сейчас, не так ли?

— Так и есть. Хотя я понятия не имею почему. Ты сказал мне, что не принадлежишь этому миру, не встретил меня, когда я попросила тебя об этом, а потом всё равно появился как мятежник. Твои действия не совсем ясны.

Киран фыркнул, его лицо исказила гримаса.

— Я не могу сказать, что мои чувства всегда были ясны.

Аврора сглотнула, её горло пересохло, несмотря на то, сколько воды она случайно проглотила.

— А теперь твои чувства ясны? — спросила она. — Там, в реке, они были вполне определёнными, но если нет, пожалуйста, уточни.

Киран посмотрел на неё, дым от костра делал их маленькую нишу туманной на фоне ночи.

— Я всё ещё не принадлежу к твоему миру.

— Некоторые сказали бы, что я тоже не принадлежу своему миру.

Руки Кирана взлетели вверх от того места, где они сжимали его колени, и слова вырвались из него, как будто правда наконец-то нашла выход на свободу.

— Именно поэтому я и не мог уехать. Помогите мне небеса, Аврора. Мне хотелось уйти. Я хотел иметь возможность сделать этот выбор, — он сглотнул, и его лицо стало серьёзным, он наклонился ближе к огню, ближе к ней. — Но пока ты живёшь в этом мире, я хочу

прикрывать твою спину. Я хочу убедиться, что ты в безопасности. Я хочу помочь тебе творить дикие, невероятные вещи, о которых ты мечтаешь. Я хочу стоять рядом с тобой, когда ты перевернёшь это место вверх дном и построишь его заново.

— Я тоже хочу, чтобы ты был там. Я всегда этого хотела, — её голос слегка дрогнул, когда она продолжила: — Так где же ты был?

Он вздохнул.

— Я никогда не буду достаточно хорош для тебя, принцесса. Я могу делать всё это, не связывая тебя с кем-то от кого мало пользы. Я знаю, как устроены королевские браки. Ты должна выйти замуж за того, кто тебе ровня, за того, кто принесёт землю или богатство, а у меня нет ничего. Я только могу быть твоим стражем, как Тавен. Я отдам свою жизнь, чтобы защитить тебя, чтобы увидеть, как ты достигнешь высот, которые, я знаю, что ты сможешь достигнуть.

Авроре надоел этот разговор.

Она встала и стянула через голову мокрую майку, бросив её на камень неподалёку.

— Ч-что ты делаешь? — спросил Киран, быстро отводя взгляд.

Аврора не ответила, вместо этого переключила своё внимание на брюки, которые были на ней, и занялась расстёгиванием пуговиц.

Киран вскочил на ноги в мгновение ока, протестуя, но она проигнорировала его, одним махом сбросив штаны и нижнее бельё, что было на ней. Киран выругался, резко отвернувшись от неё, почти так же, как возле Таранара, когда она купалась. Тогда Аврора была уязвима и напугана, нуждалась в утешении. Он удержал её от распада, когда она чувствовала себя тысячью разорванных нитей. Его руки обеспечили ей безопасное место, где она смогла собрать себя воедино. И теперь она намеревалась отплатить ему тем же. Повернувшись к нему спиной, она положила на камни свою последнюю одежду и подошла к нему.

Она начала с того, что положила руку ему на спину, найдя место между лопатками, где мышцы уступали место прямой линии позвоночника.

— Аврора, ты не должна... — Киран замолчал, когда она заменила свою руку телом, прижимаясь кожей к коже.

— Мне холодно, — ответила она. — И я очень устала. И я так скучала по тебе, что иногда мне казалось, будто я разрываюсь на части. Я слышала твои доводы. Я их понимаю. Теперь ты услышишь мои.

Он не возразил, но она чувствовала, как участилось его дыхание. Она провела рукой вниз по его мускулистой руке до сжатого кулака и погладила пальцами твёрдый камень из сомкнутых пальцев.

— Может быть, я и принцесса, но не собираюсь идти по стопам тех, кто был до меня. Я намерена слушать своих людей, всех, и принимать решения в интересах большинства, а не только тех, кто обладает влиянием. Я не хочу, чтобы мной двигала сила, как теми, кто был до меня, или руководил страх, как моей матерью. Я не поддамся жадности и не позволю воспользоваться собой тем, кто имеет недобрые намерения. Лучший способ, который я знаю, чтобы сделать это — быть верной самой себе. И я никогда не знала себя лучше, чем когда я с тобой. Кому ещё я могу довериться, когда веду себя как высокомерная королевская особа, как не тому, кто ненавидит высокомерных королевских особ? У меня нет намерения пытаться вписаться в этот мир, который ты презираешь. Я хочу, чтобы он был мне впору. И ты был рядом. Если ты останешься. И я имею в виду, не как мой охранник.

Несколько минут тело Кирана по-прежнему оставалось неподвижным, и Аврора начала бояться смелости, которая двигала ей раньше. Как бы ни было приятно снова поцеловать его, она была полна решимости. Он должен быть либо полностью с ней или окончательно отвергнуть её.

Она отпустила руку с его кулака и начала пятиться, но не успела даже отпрянуть от него, как его пальцы нашли её запястье и потянули назад. Она снова грудью прижалась к его спине, ещё крепче, потому что на этот раз он прижал её ладонь к своей груди.

— Ты уверена? — спросил он, всё ещё не глядя на неё.

Тело Авроры вспыхивало жаром везде, где их кожа соприкасалась, резко контрастируя с тем, где её голые ноги касались его всё ещё мокрых штанов.

Аврора обхватила другой рукой его крупное тело, положив ладонь на твёрдый живот.

— Я редко бываю уверена, — сказала она ему и почувствовала, как напряглись мышцы его живота под её рукой. — Но в этом я не сомневаюсь.

В яростном вихре возбуждения Аврора обнаружила, что её руки соскользнули, когда Киран разорвал её нежную хватку, а затем она оказалась в его объятиях. Он поднял её. Его губы встретились с её губами за мгновение до того, как он обвил её ноги вокруг своей талии. Аврора не теряла времени на раздумья, вместо этого излила в поцелуй каждую минуту тоски, сомнения и страха, которые она испытала.

Каждое движение её языка, каждый вздох, проходящий между их раскрытыми ртами, каждая царапина, оставленная её ногтями на его шее, были ещё одним уроком, который она собиралась преподать ему. Мир не мог стать добрее, если не сделать его таким самим. Жизнь не могла стать легче, если у вас нет моментов, которые помогли бы пережить трудности. И сердца всегда будут разбиты, если вы считаете, что это неизбежно.

— Я люблю тебя, — прошептала она между отчаянными, страстными поцелуями. — Таким какой ты есть. Мне не нужна другая версия тебя.

Киран замедлил их поцелуй, отстранился и опустил её ноги на землю. Она сжала его плечи, беспокоясь, что сказала что-то не то, мысленно возвращаясь к своим словам в попытке определить, что могло же расстроить его.

Киран обхватил ладонями её лицо, ожидая, пока она посмотрит ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя. Каждую версию тебя.

Лёгкий вздох сорвался с её губ, и губы дрогнули в подобии улыбки. Она рассмеялась, когда покатила слеза, а затем шлепнула его по бедру, всё ещё обтянутому мокрыми брюками.

— Тогда сними их и согрей меня.

Он запечатлел короткий, нежный поцелуй на её губах, а потом сделал то, что она приказала.

Ведьмы воздуха могут разительно отличаться в зависимости от интенсивности силы. Некоторые из них совершают лишь незначительные манипуляции с ветром, в то время как другие обладают силой, достаточной для воздействия на воздух, чтобы нанести огромный ущерб, остановить дыхание или даже летать.

— *Изучение Первородной Магии*

17

Аврора ожидала, что на следующее утро, когда она проснётся, всё будет по-другому. Она думала, что мир может выглядеть совершенно иначе после того, что она пережила прошлой ночью, но когда солнце поднялось из-за деревьев и трели птиц в лесу разбудили её,

она обнаружила, что мир не изменился. Её тело тоже не изменилось, хотя немного болело, но, честно говоря, трудно было сказать, где боль от их путешествия через реку уступила место боли от других занятий.

Она осторожно подняла голову с обнажённой груди Кирана и посмотрела на его всё ещё спящее лицо. Мир, возможно, и не изменился, но кое-что изменилось. Сомнение, которое кусало её за пятки, как голодный волк, задремало где-то, оставляя чувство удовлетворённости, что было совершенно чуждо ей. На этот раз над её головой больше не висело никаких секретов, никаких сожалений. Конечно, волноваться ещё было о чём, но их путешествие было далеко не окончено. И, по крайней мере, сейчас она чувствовала, что дрейфует, а не плывёт по стремнине, слишком сильной, чтобы она могла что-то сделать, кроме как попытаться остаться в живых.

Аврора Паван была жива, и это всегда было её мечтой — взять на себя ответственность за свой выбор, преодолеть тайны и страх, которые окружали её, как горы. Перемены начались в тот день, когда она забрела в Глаз. Именно тогда семя пустило корни и оно прорвалось сквозь почву в тот день, когда Аврора покинула Паван. Каждый день, проведённый в дикой местности, она видела изменения в себе. Как цветы их поливали, подрезали и заботливо выращивали. Но если Аврора была честна сама с собой, то с того момента, как она вернулась в Паван, она ждала неизбежного, ждала, что её стебель сломается. Потому что в этом городе, в этом мире, в своём доме она так привыкла чувствовать себя слабой и неполноценной. Когда она потеряла Джинкс и Нову, это подорвало её, уменьшило каждую частицу уверенности, которую она должна была сохранить.

Но прошлой ночью Аврора кое-что поняла. В жизни были вещи, которые она не могла выбирать, — кого она любила, как она страдала, или кем была рождена. Но она больше не могла бежать, несмотря на боль. Киран пытался убежать от неё, потому что думал, что это не сработает. Аврора всю свою жизнь бежала от того, кем она была и кем не была. Теперь она предстала перед всем этим, но это не означало, что она закончила свой путь. Теперь ей предстояло не уступить всей боли, которую таили в себе воспоминания, и она должна была это прочувствовать. Даже если сейчас было самое неподходящее время, чтобы накопить массу незаживающих шрамов. Но она должна была сделать это для себя, и она должна была сделать это для Павана, чтобы начать всё с чистого листа.

Готовая встретить этот день и их миссию, Аврора наклонилась и поцеловала Кирана в центр груди. Она двигалась с поцелуями все выше и выше, пока не достигла его челюсти, и он пошевелился.

Он тихо промурлыкал и произнёс скрипучим голосом:

— Не думаю, что я когда-либо спал так хорошо.

Она улыбнулась и опёрлась на его живот.

— Ты лежишь на камнях, огонь почти погас, а воздух кусается сильнее медведя.

— Да, но ты рядом со мной, — ответил он, обнимая её и прижимая к себе всем телом.

Она заёрзала, смеясь.

— Это не может быть комфортно.

— А кто говорит о комфорте?

Он поймал её губы в обжигающем поцелуе, от которого она забыла все свои намерения на этот день. Почти.

Она позволила поцелую продолжаться так долго, насколько она осмелилась, затем

отстранилась. Холодный воздух ворвался внутрь и онемел на распухших губах.

Она села, обхватив руками голую грудь, защищаясь от холода.

— Мы должны сориентироваться и найти лучшее место для работы.

Обычно они разведывали районы, где, по их мнению, могли формироваться бури, но теперь им нужно было найти место, где их деятельность была бы как можно более скрытой, и, как они надеялись, достаточно изолированной, чтобы было мало шансов нанесения какого-либо ущерба.

Киран тоже сел и, закинув руку ей на плечо, притянул ближе к своему естественному теплу.

— Совершенно верно.

Это не помешало ему наклониться и поцеловать её снова, задержавшись дольше, чем при лёгком поцелуе, но не стремясь углубить поцелуй. Когда он, наконец, отстранился, он вздохнул.

— Мы отморозим себе задницы, стоит нам только отойти подальше от этого костра, — сказал он.

Она фыркнула.

— Моя задница уже на полпути к этому.

Киран посмотрел на неё с притворным ужасом и расположил её как можно ближе к тлеющим остаткам костра.

— Я не допущу, чтобы во время моего дежурства твоему королевскому заду был нанесён какой-либо ущерб.

Он оставил её там, смеющуюся, и бросился голым к скалам, где они оставили свою одежду прошлой ночью. Он устроил грандиозное представление, принося ей её одежду, и она не могла не хихикать, но не из-за одежды, а из-за того, что он сделал всё это беззастенчиво голым, как в день своего рождения. Хотя выглядел он явно повзрослевшим. Щёки Авроры вспыхнули, когда она вспомнила, какой взрослой он заставил её почувствовать себя прошлой ночью.

Их веселье улеглось, когда они надели одежду, часть которой была всё ещё влажной со вчерашнего дня. День будет неприятный, но у них не было особого выбора. Киран поймал кролика, пока Аврора собирала ягоды и зелень на завтрак, а затем они отправились прочь из их лагеря, тщательно отмечая свой путь, складывая груды камней или большие упавшие ветви деревьев, чтобы потом вспомнить дорогу назад.

Они вернулись к реке и шли вдоль неё, удаляясь от города, пока не достигли места, где вода замедлилась и растеклась, образуя тихую заводь. Оттуда они двинулись дальше по небольшому, более извилистому ручью. Территория вокруг заводи была достаточно большой и открытой, чтобы обеспечить им достаточно места, но она была немного ниже по высоте, давая им лишь небольшое укрытие. Аврора посчитала, что это самое лучшее, что они смогут найти, если только не хотят уйти ещё дальше от города.

Киран склонился над сумкой, распаковывая для них припасы, раскладывая их в две аккуратные стопки. У него было множество пустых сосудов для сбора магии. Аврора не знала, были ли эти бутылочки, которые Джинкс заколдовала перед тем, как её схватили, или же он прибег к услугам другой ведьмы — возможно, Зефир.

В её стопку он положил несколько сердец бури, некоторые из которых принадлежали ему, другие же были копиями из коллекции их команды.

Всё ещё стоя на коленях над припасами, он посмотрел на неё и спросил:

— Что бы ты хотела попробовать в первую очередь?

Аврора внимательно присмотрелась к груде сердец бури, ожидая, что какое-нибудь призовет её, но она слишком нервничала.

Она пожала плечами и спросила:

— А ты с чего бы хотел начать?

— Может быть, начать с чего-то простого? С ветра? Или дождя?

Аврора тут же кивнула, радуясь, что он не решил начать с чего-то вроде огненного смерча. Хотя теперь она была вполне уверена в своей способности вызывать бури, она всё ещё была неопытна в своей способности управлять ими. И они были вдвоём. Если что-то пойдёт не так... она даже думать об этом не могла. Начать с малого действительно казалось лучшим вариантом.

— Ветер, — сказала она. — Может быть, заодно он высушит нашу одежду.

Он ухмыльнулся.

— Значит ветер.

Он протянул ей сердце бури, и она взяла его, повертев в руках.

— Как ты думаешь, какой силы он нам нужен?

Киран пожал плечами.

— Ветер в меру полезен. Он может стать хорошим отвлекающим манёвром.

— Он также пригодится для рассеивания тумана, в крайнем случае, — добавила она, нахмурившись при воспоминании о том дне во дворце, когда она в последний раз видела Джинкс и Нову.

— Я думаю, что мы можем приготовить смесь разных бурь и отправить их Зефир. А потом, если ей понадобится то или иное, она даст нам знать.

Аврора кивнула, затем подняла глаза на Кирана. Он смотрел на неё, и она поняла, что тянет время. Вздохнув, она сделала несколько шагов назад и закрыла глаза. Она начала готовиться к тому, чтобы опустить свои стены, но на этот раз она вспомнила слова Слай о том, что надо сосредоточиться на границах вокруг самой себя, а не просто сдерживать вторжение. Она усиленно искала эти грани, и в то же время позволила рухнуть стенам, которые она поддерживала между собой и миром.

Шквал чувств и душ был ошеломительным, но совет Слай действительно помог. Она не воздвигла ещё один барьер, а удержала его достаточно далеко от всего, чтобы не потеряться в хаосе.

Затем пришло время найти душу. Аврора могла бы выбрать любую из них, могла бы принудить к соединению души и бури, но она думала, что есть лучший способ.

Сосредоточившись, она попыталась точно определить, что чувствовала, когда была поймана в ловушку в Паване без вариантов, без будущего, кроме того, которое было решено за неё. Она вспомнила клаустрофобию дворца, то, как открывала каждое окно в своих покоях, желая впустить ветерок и притвориться, что её мир не так уж закрыт. Как только у неё появилось это чувство, как только она сформировала каждый нюанс беспомощного разочарования в своём уме, она отправила его в дикие дебри, ища душу, которая знала ту же самую боль.

Ей не потребовалось много времени, душа вынырнула из лужи неподалёку, она задыхалась, как будто тонула целую вечность, и Роар была единственной верёвкой, которую ей когда-либо предлагали. Она приняла её, предлагая утешение и уверенность.

«Знаю, знаю, — промурлыкала она. — Я чувствовала то же самое».

Душа послала ей фрагменты своей жизни — недостаточно, чтобы собрать воедино любую истинную личность, но достаточно, чтобы понять, что это была женщина. Её муж работал на верфи. И он не был хорошим человеком. Его жена очень боялась его.

Аврору засыпало вспышками воспоминаний с изображением маленького мальчика, Паванских ворот и панорамным видом на дикие земли, бурями, драматично вспыхивающими вдали.

«Ты чувствовала себя в ловушке».

Она всё ещё была в ловушке воспоминаний, возможно, видя сына, которого оставила в прошлом.

«Я хотела бы дать тебе почувствовать вкус свободы, если ты мне доверишься».

— Аврора? — голос Кирана прорезал её концентрацию, разрывая связь, и она едва смогла удержать дух женщины на месте.

Она разочарованно подняла палец и снова сосредоточилась на женщине.

«Обещаю, я не причиню тебе вреда. Ты мне веришь?»

Аврора обнажила свою душу для духа, стараясь показать, что в ней нет злобы. Наконец, дух согласился, полностью подчинившись контролю Авроры.

Аврора осторожно проделала то же самое, что и несколько раз до этого, протягивая душу через камень, который держала в ладони. На этот раз не было ничего похожего на то, что было с душой солдата во дворце. Лёгкий ветерок приподнял волосы на затылке Авроры, а затем прошёлся по деревьям, шелестя листьями. Аврора почувствовала волнение в воздухе, когда сильный порыв ветра развернулся и пронёсся над рекой, вызвав несколько волн на ранее спокойной поверхности.

Она услышала, как Киран пробормотал что-то рядом, но слова пролетели мимо неё незамеченными.

«Вот и всё, — подбодрила Аврора. — Держись поближе ко мне, но можешь дуть так сильно, как захочешь».

Она почувствовала, как вокруг неё закружился шквал ветра, открыла глаза и обнаружила, что находится в центре чудесного вихря, усеянного листьями, наполненного теплом и облегчением, которые могла чувствовать только Аврора. Она тоже почувствовала себя немного свободнее, испытав это.

* * *

Кассий не стал утруждать себя попытками скрыть свою личность, во всяком случае, не для этой вылазки за пределы замка. И стоило ему войти в раскачивающуюся дверь таверны, в зале стало тихо, и множество глаз стали следить за его передвижениями.

Группы солдат, которые, без сомнения, пьянствовали всего несколько минут назад, степенно расселись вокруг деревянных столов, внезапно демонстрируя своё лучшее поведение. Но он пришёл искать не их.

Его взгляд блуждал по залу, и толпа произвела на него впечатление. Судя по тому, что он слышал, таверна «Русалка» почти каждый вечер собирала подобный контингент. Комната была залита голубым светом, и он услышал, как где-то журчит вода. Официантки ходили по залу в длинных мерцающих юбках, несомненно, намекая на мифологическую тётку таверны.

Выросший у моря, Кассий и сам в детстве увлекался русалками. Он читал истории об их непревзойдённой, неотразимой красоте, которая вызывала интерес у большинства молодых людей. Но не только это привлекло Кассия к этим историям. Отец привил ему дух победителя с тех пор, как он научился ходить. Ни одно достижение никогда не было

достаточным, особенно когда оно могло быть сделано быстрее или лучше. Итак, молодой Кассий придумал план поимки русалки, первый шаг к покорению негостеприимных морей. Именно так он нашёл лагуну, которая, в конце концов, стала его убежищем вдали от Локи. В детстве он проводил там день за днём, расставляя ловушки, изобретая новые способы, чтобы заманить морское существо под свой контроль.

И вот однажды с побережья неожиданно быстро налетел циклон. Вода покинула лагуну, когда он работал над одной из своих ловушек. Он обернулся и увидел, как исчезает сам океан, удаляясь от суши, словно кто-то выдернул пробку. На мгновение он запаниковал, испугавшись, что русалка каким-то образом разгадала его план и в наказание уносит океан.

Затем небо почернело, и ветер начал меняться. Он едва успел вернуться во дворец, как на город обрушился ад, какого он никогда не знал. Это был первый раз, когда он помогал отцу в штормовом дежурстве, потому что ветра были такими злыми, а циклон таким сильным, что он бил по всему полуострову в течение нескольких дней, прежде чем сердце бури оказалось достаточно близко, чтобы его отец смог бросить вызов. Каждый Бурерождённый в королевстве работал посменно, пытаясь сдержать ту бурю. Но всё же наводнения и ветра нанесли городу значительный ущерб.

Именно тогда Кассий изменил своё представление о том, что значит побеждать. В отличие от отца, он перестал заботиться о земле, богатстве и статусе. Кассий Локи хотел контролировать то, что не поддавалось контролю. Ему нужна была сила, которую он видел в этой буре, сила, способная вытянуть океан из того места, где он покоился. Он хотел иметь возможность победить смерть, или как можно ближе приблизиться к такой силе.

Ему не хотелось признаваться в этом самому себе, но он хотел того чем обладал Повелитель бурь.

Но сегодня, в этой таверне, Кассию придётся довольствоваться ответами хозяйки на несколько вопросов. Он так много слышал о ней. Когда он подошёл к бару, одна из сверкающих официанток остановила его, вежливо поклонившись, насколько позволял её костюм.

— Ваше Высочество, могу я проводить вас к личному столику наверху?

Кассий вздёрнул подбородок, пытаясь заглянуть на верхний уровень. Его было видно снизу, так что опасность засады была минимальной. И он знал, что некоторые из его командиров ведут здесь дела, встречаясь с солдатами или информаторами и прочими.

— Только если владелец этого заведения встретится со мной за выпивкой.

Улыбка девушки стала натянутой, но она изо всех сил постаралась не показывать этого.

— Я не уверена, что сегодня это возможно, но для вас, Ваше Высочество, я обязательно выясню.

Он сжал губы в тонкую линию и сказал:

— Да, выясните.

Кассий позволил девушке увести себя наверх, в уединённую зону, где он сел за большой столик, предназначенный для компании из пяти или более человек. Он заказал крепкий напиток и откинулся на подушки, осматривая окружающую обстановку. Верхний этаж был изысканно украшен свисающими виноградными лозами и растениями. В сочетании с голубым светом и океанскими звуками, декор продолжал притягивать его воспоминания к прошлому, к берегам, где он бродил в детстве, а затем вырос в мужчину. Странное ощущение появилось где-то ниже рёбер, это было не слишком болезненно, словно маленькое лезвие, проскользнувшее между костями. Даже меньше, иголка, наверное. Но каждый раз, когда он

вдыхал воздух в этом месте, он чувствовал, что щиплет немного сильнее. И вместе с ним пришли простые, безобидные воспоминания — его босые ноги, утопающие в песке, постоянство волн, разбивающихся о берег, потусторонняя тишина его маленькой лагуны, нарушаемая лишь случайным криком птицы или кваканьем лягушки.

Появление воспоминаний стало настолько тревожным, что он уже подумывал уйти, когда появилась другая женщина и поставила на стол стакан. Что-то тёмное в маленьком стакане. Эта официантка была одета не так, как другая, но её платье было столь же привлекательным. Задрапированная в дорожную тёмно-бордовую ткань, официантка обладала широкими бёдрами и кожей чуть темнее его собственной. Он догадался, что она, как и он, родом из прибрежных территорий.

Он кивнул в знак благодарности и сделал глоток напитка. Он прошёл гладко, ожог стал ощутим только через несколько мгновений после того, как Кассий сглотнул, когда он уже мог чувствовать тепло, распространяющееся в его животе.

— Хорошо, — прокомментировал он.

— Я рада, что вам понравилось, — сказала женщина, её голос был глубже, чем он мог бы предположить.

Затем она скользнула в кабинку и села напротив него.

Он весь напрягся. Он был не в настроении для такого рода внимания. Он хорошо знал, что это место было популярно благодаря женскому обществу, которое оно обеспечивало, но он пришёл не за этим. Он посмотрел на женщину, её глаза были тёмными, но не такими тёмными, как соболиные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Их было так много, что даже с десятками косичек, которые она носила, оставалось более чем достаточно волос для двух фальшивых париков, если она когда-нибудь окажется в достаточно тяжёлом положении, чтобы продать их. Брови у неё были густые, почти мужские, но всё это как-то уравновешивалось в сочетании с широкими красными губами.

— Я не хочу вас обидеть, но я здесь не для компании. Я только хочу поговорить с вашим владельцем.

Эти красные губы сжались, когда она выдохнула, а затем широко раскрылись, когда она одарила его огорчённой улыбкой.

— Это может стать проблемой.

— Почему же? — потребовал он.

— У меня нет владельца.

— Тогда с вашим работодателем.

— Я и есть работодатель, Ваше Высочество, — и когда Кассий ошеломлённо посмотрел на неё, она продолжила: — Мне сказали, у вас есть ко мне вопросы.

Он быстро пришёл в себя и перевёл взгляд на неё, заметив непроницаемое выражение её лица, неуверенный наклон головы и единственную чёрную шелковую перчатку, которую она носила на левой руке. Он, несомненно, просчитался. Эта женщина была загадкой. Она была владелицей таверны? Паванский аристократ, которого он знал, описывал кого-то, держащего руку на пульсе города, обладающего способностью дёргать за любые ниточки, необходимые для получения нужной ему информации или предмета. Он снова окинул её взглядом — от элегантного платья до густых волос и пронизательного взгляда её глаз.

Она улыбнулась и заговорила:

— Простите меня, Ваше Высочество, я, конечно, буду рада помочь вам, о чём бы ни попросила корона, но вы застали меня в разгар напряжённой ночи. Вам что-то нужно?

Кассий не знал, как продолжить свою игру. Он планировал угрожать человеку, с которым столкнулся, но теперь... он не был уверен, что это именно тот способ воздействия, который ему нужен.

— Мне нужна помощь в сборе информации.

Плечи женщины на мгновение напряглись, но она без колебаний встретила с ним взглядом.

— Какого рода информации? — спросила она.

— Разной. Никогда не знаешь, что может пригодиться.

Женщина задумчиво кивнула.

— Звучит мудро.

— Когда-то я слышал, что тот, кто владеет этой таверной, имеет какое-то отношение к Глазу.

На этот раз никакой реакции. Ну, не совсем так. После секундной паузы она улыбнулась.

— Я ничего не могу сказать вам об этом, Ваше Высочество. Глаз давно исчез или ваш брат вам не говорил?

Он уставился на неё, задаваясь вопросом, может ли она знать, через какие открытые раны она тащит грязь своими легкомысленными комментариями.

— Я это знаю. Но была ли у вас... какая-то связь?

Она рассмеялась.

— Не могу сказать, что была.

— Я не собираюсь наказывать вас за преступление, которое вы, возможно, совершили или не совершили в прошлом.

— Не собираетесь? Ну, тогда я чувствую себя намного лучше.

— Как я уже говорил, я просто ищу информацию. Я слышал, что человек, который управлял этой таверной, был тем, к кому я должен был обратиться, если мне когда-нибудь понадобится информация, которую трудно получить.

— И какая же информация вам нужна?

— У меня есть сведения, что в городе присутствует... пользователь магии.

Не дрогнув, она уставилась на него.

— Пользователь магии? Разве вы не попадаете под эту категорию?

— Вы знаете, что я имею в виду.

— Боюсь, что нет. Если вы хотите получить от меня информацию, вам придётся чётко изложить требования.

— Земная ведьма. Я ищу земную ведьму, — отрезал он.

Женщина задумчиво вздохнула.

— Мне очень жаль разочаровывать вас, Ваше Высочество, но я не знаю ни одной земной ведьмы, бегающей по городу.

— А она была? — потребовал ответа он.

— До меня доходили слухи о ком-то, похожем на ту, что вы описываете, но её уже давно никто не видел.

Он заглянул ей в глаза, и она не дрогнула под его взглядом. Она смотрела прямо на него, приподняв брови, почти с вызовом.

Кассий выругался и выпил ещё немного обжигающей жидкости. Кем бы ни была эта ведьма, должно быть, она покинула город сразу после того, как спасла королеву. Он

подумал, не спросить ли прямо о принцессе, но не мог довериться такой женщине. Пока нет.

— А как насчёт новичков? Кто-нибудь новенький в городе появлялся?

Она бросила на него раздражённый взгляд.

— Около тысячи новоприбывших разбили лагерь за воротами, но внутри? Нет, Ваше Высочество, я не заметила никого нового внутри, кроме ваших солдат.

Она встала со своего места, ткань её платья искусно ниспадала вниз по её телу.

— Если у вас есть ещё вопросы, вы знаете, где меня найти.

Только когда она скрылась за дверью, Кассий понял, что до сих пор не знает её имени.

Бури бушевали не переставая. Как только король начинал сражение с одной, появлялась другая и обрушивалась на город. После нескольких дней мучений вода пробилась первые стены. Когда наводнения опустошили нижние уровни города, Финнес стоял высоко на зубчатой стене замка вместе со своим дядей и крики обжигали его душу.

— *Сказ о лорде Финнесе Вольфраме*

18

Киран всегда предпочитал дикие земли. Но дикие земли наедине с Авророй? Это было большим благословением, о каком он когда-либо мог мечтать. Днём он с благоговейным трепетом наблюдал, как она пробуждает бури на его глазах. А по ночам они оберегали друг друга от холода, закутываясь друг в друга так крепко, что было мучительно выпутываться утром.

Но он всё равно делал это, потому что чем раньше они встанут и позавтракают, тем раньше смогут отправиться вниз по реке. Это было долгое путешествие, и Киран был полон решимости насладиться каждым мгновением, которым мог. Он задал ей все вопросы, какие только мог придумать. Некоторые из них были глупыми: о еде, цветах или животных. Другие были более интроспективными: о сожалениях, достижениях и надеждах. Он хотел знать всё, что она может ему рассказать.

— Тебе это нравится? — спросил он, когда они направились к воде за очередной коллекцией.

— Что это? — спросила она, приподняв бровь и вызывающе улыбнувшись.

Он потянул за руку, которую держал, притягивая её достаточно близко, чтобы украсть поцелуй.

— Не это, принцесса. Я имею в виду твою магию. Теперь, когда ты разобралась в ней. Тебе нравится она?

Она обдумывала этот вопрос, пока они шли, а их переплетённые руки слегка покачивались между ними.

— Думаю, что да, — она продолжила. — Конечно, это всё ещё странно. И я предпочла бы вообще избегать тёмных душ. Но всё остальное... это просто душераздирающе, их так много, и их жизни такие полные, реальные и подробные, и в то же время сведены к серии импульсов и эмоций. Это как если бы кто-то сделал затенённую копию гравюры на листе бумаги, а потом копировал эту бумагу снова и снова, пока не были потеряны все черты, кроме самых заметных. Многие из духов именно такие. Они цепляются за травмы в воспоминаниях, которых у них больше нет. Я чувствую, что могу даровать им свободу. И я не знаю, может быть... может быть, некоторые из них найдут свой путь в следующую жизнь.

— Ты думаешь, что это возможно?

Аврора пожала плечами.

— Я даже не знаю, существует ли следующая жизнь. Я только знаю, что эти духи

застрали здесь и их не должно быть тут.

— А ты не думала... — Киран запнулся, не зная, как она отреагирует, но потом решил не позволять себе недомолвок с ней. — А ты не думала о том, выдержишь ли ты ещё одну бурю? Подобно небесному огню?

Аврора сглотнула.

— Если бы ты спросил меня об этом несколько недель назад, я бы возмутилась. Это было бы твёрдое «нет». Я всё ещё хочу, чтобы ответ был отрицательным. Но... — она вздохнула. — Но... всё очень сложно и приходится идти на компромиссы. Я не могу думать о том, что все остальные будут воевать, пока я буду стоять в стороне. Я... я не знаю.

Он сжал её руку.

— Тебе и не нужно этого знать. Мы можем делать всё шаг за шагом. По всем направлениям.

Он сожалел о том, что его расспросы привели к такому повороту разговора, потому что она помрачнела к тому времени, как они подошли к месту, где работали. Как и все предыдущие дни, он разложил их припасы, но не торопил её. По правде говоря, он даже не мог назвать то, что они делали, охотой.

До сих пор большинство бурей, которые она вызывала, оставались спокойными, совсем не похожими на хищные бури, к которым он привык. Часто Авроре удавалось даже направить духа к нему и попросить оставаться неподвижным, пока он собирает магию, а затем она отправляла его на некоторое время на свободу, прежде чем притянуть обратно для следующего сбора. Это было больше похоже на загнанного в угол растерянного ребёнка, чем на бурю.

Но он не жаловался.

Аврора была просто великолепна, когда творила магию. Какие бы эмоции она ни испытывала, она излучала их, словно была его личным солнцем. Большую часть времени она была счастлива, что заставляло его опасаться возможного взрыва. Но в самом начале, когда она соединялась с духом, она часто чувствовала себя одинокой. Горе накатывало на неё волнами, и ему казалось, что он снова в ледяной реке и борется за то, чтобы не утонуть.

Сегодня она ласково положила руку ему на спину и наклонилась, чтобы рассмотреть варианты сердец бури. Они уже собрали изрядное количество ветра, дождя и небесного огня. Работать здесь было довольно комфортно. Она опустила пальцы на колени, проведя пальцами по гладкой, блестящей чёрной поверхности сердца торнадо. Он огляделся по сторонам, думая, что им, возможно, придётся найти более открытое пространство, если они собираются попробовать призвать торнадо. Вода ставила их в слишком невыгодное положение.

Но затем её пальцы оставили это сердце, пройдя мимо ещё нескольких, прежде чем коснуться кристаллического красного осколка сердца огненного шторма. По правде говоря, им не нужна была магия огненного смерча. Они нуждались в сердцах огненных смерчей в качестве помощи, когда обрушивались природные огненные штормы, но он не был уверен, как она отнесётся к их созданию, учитывая, что это означало бы уничтожение душ, которых она призывала.

Она заколебалась, её пальцы скользнули к сердцу серого тумана, который лежал следующим в очереди. Его желудок сжался. Он знал, что рано или поздно им придётся заняться туманом, но это не означало, что он с нетерпением ждал этого момента. У него не было своего сердца тумана, это сердце принадлежало Дьюку. Но у них осталось достаточно порошка только для одного использования, так что у него будет один день, чтобы собрать

как можно больше магии. Но это была ещё одна буря, в сердце которой они нуждались так же сильно, как и в магии. Так что, в конце концов, ему придётся встретиться лицом к лицу со своим страхом и принять сердце туманной бури, даже если ментальное вторжение, которое ему потребуется, заставит его чувствовать себя неловко.

Он увидел понимание того, что нужно сделать, на лице Авроры, когда она посмотрела на него, на её лице отражалась боль.

— Я знаю, что ты не хочешь, — пробормотал он. — Но, возможно, есть и компромисс. Ты можешь вызвать любую душу, какую захочешь. Тебе не нужно выбирать тех, кто хочет искупления. Вместо этого, возможно, ты могла бы использовать одну из тёмных душ. Я знаю, что ты ненавидишь их, но если я возьму сердце одной из этих бурь, то на одного злого духа станет меньше, и мы сможем использовать его против Повелителя бурь.

— Это правда. Но... я не уверена, что у меня будет такой же контроль над этим духом. Тебе придется быть осторожным.

— Я охотник, любовь моя. Осторожность приходит с опытом, — сказал он, поглаживая её под подбородком костяшками пальцев, решив не показывать своих нервов.

Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Ладно. Но тогда мы начнём с тумана. Я не рискну огненным смерчем, который может вырваться из моей хватки.

Они разделили порошок тумана и оставили под рукой, давая каждому из них иммунитет от изменяющей сознание магии бури. Затем они приготовились к битве.

Этот раз отличался от всех предыдущих. Когда Аврора закрыла глаза и начала уходить от него в тот мир, который она чувствовала и видела, она вела себя не так спокойно и мирно, как раньше. Её плечи были напряжены, а кулаки сжаты. Через несколько минут на её лбу проступил пот и вместо горя, жалости или сострадания, которые он привык видеть, когда она притягивала к себе душу, выражение её лица исказилось в гримасе, а нос сморщился, как он мог только догадываться, в отвращении.

Он смотрел, как она борется, и чуть было не прекратил всё это. Ему нравилось, как она выглядела, когда использовала магию — воздушная, искрящаяся, самая лучшая в этом мире. Но сейчас... сейчас всё было совсем не так. Когда она стиснула зубы, покалывание магии начало распространяться и вокруг. Всё стало ощущаться... испоганенным. Воздух стал густым и липким, как будто он дышал смолой, и хотя было утро, казалось, что тёмный мрак затмевает солнце перед тем, как разразится буря.

Тогда он увидел это. Словно ползучие пальцы, вырывающиеся из неглубокой могилы, длинные завитки густого молочно-белого тумана начали подниматься из леса вокруг них. Он посмотрел на Аврору, её лицо покраснело от усилий, которые она прилагала, и понял, что теперь его очередь.

Киран шагнул вперёд, готовый встретить зловещий шторм на полпути.

* * *

Аврору трясло. Её внимание было разделено между контролем над самой бурей, чтобы она не решила повернуть в другую сторону в поисках мест для разрушения, и поддержанием целостности самой себя. Эти границы, о которых говорила ей Слай, становились всё более чёткими в последние дни, когда она работала над своими собственными эмоциями вместе с душами, которым она помогала. Она представляла каждый свой зов душам как возможность для очищения, шанс освободиться от эмоций, которые связывали их здесь. Но этот опыт был очищающим и для неё. Каждый раз она изливала эмоции, за которые держалась,

освобождаясь от старых обид, давней вины и невысказанных страхов. И каждый раз, когда она повторяла этот процесс, границы её собственной души становились всё чётче.

Они не всегда были идеальными. У неё были рваные и потрёпанные места, где только ей было безопасно ступать, но, если быть честной с собой, эти вещи потеряли часть своей прежней силы, дав ей больше контроля, в котором она нуждалась.

И она радовалась этому сегодня, потому что не была уверена, что смогла бы прикоснуться к этой душе, приблизить её так близко к своей собственной. Душа извивалась и вырывалась даже под её присмотром, то пытаясь выбраться, то вцепляясь в неё, как пиявка. Это был хрупкий баланс, ей нужно было удержать душу достаточно близко, но не настолько, чтобы она могла проникнуть в её собственные мысли и желания.

Она почувствовала момент, когда Киран вошёл в туман, потому что буря яростно вспыхнула из-за своей неспособности повлиять на него. Словно зная, что она в чём-то виновата, буря обратила всё своё внимание на неё, колотя по барьеру её разума. Она роилась вокруг неё, сжимаясь, добираясь до любых видимых слабых мест, пытаясь втиснуться в пространство, которое принадлежало только ей.

Её челюсть замерла в судорожном вздохе, но она изо всех сил попыталась втянуть воздух. Она пыталась выбрать дух, который был бы испорчен, но не был сильно опасен. Похоже, она недооценила решимость души причинить вред. Но пока её внимание было сосредоточено на ней, это должно было облегчить задачу Кирану. Разделённую душу ему было бы легче победить.

Она сосредоточилась на том, что приобрела за последнее время: к ней вернулась уверенность, её мать была в безопасности, они с Кираном восстановили свои отношения, она знала о своей магии больше, чем считала возможным несколько месяцев назад. Небеса, она обладала магией. Это было больше, чем она могла себе представить несколько лет назад. Она была не просто принцессой Авророй. И она не была охотницей Роар, которая лгала своим друзьям. Она была совершенно другой, той, что приняла все эти переживания и вышла с другой стороны цельной, и она будет продолжать делать это, независимо от того, что этот мир подкинет ей.

Буря внезапно прекратилась, и она почувствовала, как тлеющий крик ярости пронзил её разум. Аврора, наконец, смогла сделать столь необходимый вдох, и она знала, что настоящая битва началась — Киран отправился за сердцем бури.

Всё давление, которое медленно давило на неё, исчезло, оставив лишь головокружение от этой перемены. Она открыла глаза и увидела, что поляна полностью погружена в туман. Она подняла руку, заметив, что её контуры исчезли, как только она вытянула её во всю длину. Она знала, что вода была слева от неё, но больше не могла её видеть. Киран был где-то впереди. Она чувствовала напряженность его души, решительной и сильной. В отличие от той ночи в пустыне, на этот раз она не боялась. Он выиграет эту битву, и она знала это. Это был только вопрос времени, когда туман уступит своё сердце.

Она была так сосредоточена на битве, на приближающейся победе Кирана, что перестала обращать внимание на всё остальное вокруг. Было уже слишком поздно что-либо предпринимать, когда она почувствовала чьё-то присутствие за своей спиной, чью-то душу, сложную и большую, связанную из разных частей, как лоскутное одеяло.

Чья-то рука зажала ей рот и дёрнула назад с такой силой, что она потеряла равновесие. Другая рука обвилась вокруг неё, сковывая её движения, и горячее дыхание проникло ей в ухо.

Она вздрогнула, когда низкий мужской голос произнёс:

— Успокойся или я вызову другую бурю для твоего друга, пока он отвлечён. Как думаешь, что произойдёт, тогда? Он либо умрёт от моей бури, либо потеряет концентрацию и умрёт от твоей.

Сердце Авроры сжалось, провалившись куда-то в желудок. И тогда она сделала единственное, что могла сделать. Аврора кивнула в знак согласия и позволила Повелителю бурь забрать себя.

Вода продолжала подниматься всё выше, унося с собой всё больше жителей города, всё больше невинных жизней и последние остатки веры Финна в своего дядю. Король продолжал отступать, оставляя всё большую и большую часть битвы солдатам, которые слишком устали, чтобы сдерживать бурю. Финнес больше не мог смотреть на медленное разрушение своего дома. В ту же ночь он начал набирать людей для своей миссии. Он либо спасёт Калибан, либо погибнет, пытаясь это сделать.

— Сказ о лорде Финнесе Вольфраме

19

Дверь в комнату Новы и Джинкс распахнулась без предупреждения. Так было всегда, даже во время обеда, солдаты старались показать им, что здесь им никогда не будет слишком комфортно, даже если их принц приказал накормить девушек и обращаться с ними хоть немного уважительно.

К счастью, они занимались своими опасными делами только по ночам, практикуясь с магией Новы, из-за которой им чаще всего приходилось вдвоём тесниться на одной из четырёх кроватей в комнате. Никто из них никогда не обсуждал привычку спать в одной постели после тренировки. Это случалось не каждую ночь, но когда случалось, они неизменно попадали в одну и ту же ситуацию.

Но сегодня они были на противоположных концах комнаты, когда дверь распахнулась. Джинкс делала сложные растяжки, она занималась этим каждое утро, а Нова украдкой наблюдала за ней, ковыряясь в остатках завтрака.

— Ты, — сказал солдат, указывая на Нову. — Идём со мной.

Джинкс немедленно прекратила свою растяжку и вскочила на ноги.

— Куда ты её ведёшь?

— Тебя это не касается, — усмехнулся солдат. — Ты останешься здесь. Принц просил только её.

Нова постаралась не залезть глубже в кровать от страха. В последнее время ей стало намного лучше. Её тревога никуда не делась; она сомневалась, что это когда-нибудь случится. Но с контролем и принятием её магии, влияние беспокойства уменьшилось. Стало легче определить, когда вмешивается тревога, и Нова научилась не придавать ей значения, жить с ней рядом.

Пока солдат пересекал комнату, направляясь к ней, Джинкс встала перед Новой, отрезав ему путь.

— Нет. Ты можешь забрать нас обеих или не забирать никого.

Мужчина с силой отпихнул Джинкс, и она рухнула на кровать напротив Новы. Спрыгнув с кровати, Нова приготовилась дать отпор, но кто-то вошёл в комнату, оборвав её намерения.

— Довольно, — рявкнул принц Кассий. Он подождал, пока Джинкс поднимется на ноги, и, увидев, что она цела и невредима, продолжил: — Я не хочу причинить Нове

никакого вреда.

Джинкс усмехнулась.

— Можно подумать мы можем доверять всему, что ты говоришь.

— А следовало бы. Я решил освободить её.

Нова стояла в ошеломлённом молчании, уверенная, что ослышалась.

— Освободить меня?

— Да. Я решил, что верю твоей первоначальной версии событий, связанных с похищением принцессы. Как и верю, что ты не участвовала в этом плане. Поэтому я немедленно освобождаю тебя из-под стражи.

Нова покачала головой.

— Я ничего не понимаю.

Он смотрел на неё так, словно она была простодушна, как ребёнок, который ещё не научился читать.

— Тебя больше не будут держать здесь против твоей воли. Боюсь, что твоё место у портнихи уже занято, но тебе будет предоставлена возможность вернуться к своим обязанностям горничной. Старая комната будет предоставлена тебе снова. Ты можешь продолжать жить так, как жила до этого несчастного стечения обстоятельств.

Это несчастное стечение обстоятельств. Вот как он назвал её заключение?

— А как насчет Дж... — Нова умолкла раньше, чем произнесла имя Джинкс, и вместе с этим указала на неё.

Принц нахмурился и покачал головой.

— Боюсь, что она — это совсем другое дело. Она незаконно проникла во дворец и напала на нескольких моих людей. И я думаю, что в ней есть ещё много такого, чего я ещё не знаю.

Нова колебалась, не желая верить, что всё так просто, как он говорил, и ещё больше не желая уходить без Джинкс.

— Она просто пыталась мне помочь. И поскольку теперь вы решили, что я, скорее всего, была несправедливо заключена в тюрьму всё это время, её единственное преступление — это попытка исправить вашу ошибку.

Губы принца вытянулись в ровную жёсткую линию.

— Предлагаю тебе принять моё великодушное предложение, Новайя. А то я решу выяснить, почему кто-то с предполагаемыми связями среди повстанцев был так заинтересован в твоём освобождении.

Она знала, что он ничего не делает из великодушия. Он был себе на уме, в этом она была уверена. Вероятно, он надеялся, что отпустив её, она приведёт его к восстанию. Может быть, он собирался понаблюдать за ней и использовать в качестве приманки.

— Иди, Нова, — прошептала Джинкс, встав рядом с ней. — Со мной всё будет в порядке. Ты же меня знаешь.

Вот в чём была проблема. Нова только начала узнавать другую ведьму и она не хотела, чтобы это закончилось сейчас. Она предпочла бы оказаться в заточении в этой комнате с Джинкс, чем вернуться в мир дворца без неё.

Джинкс поймала несколько пальцев Новы своими и нежно сжала. Земная ведьма закрыла телом их связь от взгляда принца, но Нова почувствовала, как её огонь поднялся в ответ. Они могли бы сражаться, и их объединенная магия даст им шанс выбраться отсюда. Но Джинкс ещё раз сжала её пальцы и отпустила их.

— Иди, — прошептала Джинкс. — Ты уже достаточно долго сидишь взаперти. Будь свободна. Возвращайся к работе. Восстанови связь с друзьями. Вот увидишь. Всё будет хорошо.

Слова были лёгкими, её тон осторожным и небрежным, но Нова услышала послание среди этих фраз. Вне этих стен Нова могла продолжать работать над своей магией. Она могла бы найти Аврору, если отыщет способ ускользнуть от принца, конечно. И вместе... вместе они вернутся за Джинкс, за принцем Кассием, за всем тем, что они ещё не успели сделать.

Наконец, Нова кивнула и позволила увести себя из комнаты, где она была пленницей с момента своего почти что бегства. Она не возненавидела эту комнату, в отличие от камеры, что была внизу, в подземелье. Для неё эта комната не стала местом страданий. Именно тут её пробудили. И она будет отчаянно скучать по всему этому.

Она остановилась у двери и ещё раз взглянула на Джинкс. Она уже скучала по проведённым вместе ночам, даже не успев выйти из комнаты.

— До скорой встречи, — сказала Нова ведьме, прежде чем отступила назад и позволила солдату закрыть и запереть за собой дверь, на этот раз с Новой снаружи.

Принц проводил её до её прежней комнаты в крыле для прислуги, где она нашла уже застеленную постель и множество своих старых вещей в том же виде, в каком оставила их. Однако кровать в другом конце комнаты была пуста.

— В целях предосторожности, ты пока останешься во дворце. Ты будешь делать свою работу, принимать пищу и заниматься любыми другими видами деятельности, представляющими интерес при дворце. Но до тех пор, пока ты полностью не заслужишь доверие, которое я тебе сейчас оказываю, тебя не выпустят в город, дабы ты не доказала, что я ошибаюсь, и снова не ввязалась в сомнительные дела.

Нова выдавила из себя тонкую улыбку. Значит, это был просто другой тип плена.

— Как долго?

Кассий улыбнулся.

— Пока я не прикажу иное. Если кто-то захочет увидеть тебя, ему придётся навещать тебя здесь.

Едва заметно наклонив голову, он повернулся и вышел из её комнаты, оставив её одну, в месте, которое должно было казаться домом, но больше походило на тюрьму, которую она только что покинула.

* * *

Аврора медленно приходила в себя, сбитая с толку, с сильно пульсирующей болью в голове. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь деревья, обжигал её глаза. Она попыталась отвести взгляд, оглядеться вокруг, но мир был таким ярким, и ей казалось, что каждый раз, когда она двигалась, кто-то колотил по её черепу изнутри.

Постепенно к ней начали возвращаться обрывки воспоминаний — туманная буря на поляне, Киран, сражающийся за сердце, и Повелитель бурь, застигший её врасплох. Богиня, его душа была не похожа ни на что, что она когда-либо чувствовала раньше. Когда он уводил её прочь, она пыталась понять его с помощью своей магии, понять его так же, как она понимала другие души, но он был выше её понимания. Она не знала, сколько бурлящей тьмы в нём было от душ, которые он забрал, и сколько было от того человека, которым он был раньше. Аврора усомнилась, что это различие вообще существовало.

Какое-то время она соглашалась с его требованиями, пока не убедилась, что они

достаточно далеко от Кирана, что он был вне опасности, а затем она начала бороться в попытке освободиться. Она брыкалась, кричала и била кулаками, одновременно притягивая каждую порядочную душу, которую чувствовала поблизости, готовая вызвать сотни бурь небесного огня, если это понадобится для освобождения. Он был сильным и поджарым, и он обхватил рукой её горло сзади, остановив крик.

Прежде чем ей удалось вытащить хотя бы одну бурю небесного огня на помощь, что-то твёрдое и тяжёлое ударило её по затылку. Она не знала, что произошло после этого, и сколько времени прошло с тех пор, как она приняла удар. Она лишь понимала, что её голова звенела от боли, и каждый луч света, каждый звук были невыносимы.

Она пыталась прислушаться к любым признакам Повелителя бурь, но слышала только звуки природы. Где-то поблизости журчал ручей, а ветер дул через деревья так сильно, что сначала его звук походил на отдалённый дождь. Рядом были несколько птиц, но даже они вели себя тихо, как будто знали, что находятся на опасной территории.

В конце концов, Аврора снова открыла глаза. И хотя боль была невыносимой, а глаза наполнились слезами, ей удалось продержаться их открытыми достаточно долго, чтобы понять, что она одна, и что её руки и ноги были скованы железными кандалами и прикреплены к металлическим кольям, вбитым глубоко в землю. Привязь давала ей достаточно свободы, чтобы переворачиваться с боку на бок, но не позволяла сесть.

Аврора глубоко вздохнула, и когда этого оказалось недостаточно, чтобы остановить захлестнувшую её панику, она сделала ещё несколько вдохов. Она не будет плакать. Она не сойдёт с ума от страха. Она не была беспомощной.

Она не могла использовать свой небесный огонь против кандалов, скорее всего, он лишь нагреет металл и обожжёт её. Она полагала, что теперь, когда её похититель ушёл, она может вызвать бурю небесного огня и надеяться, что у неё хватит сил победить его, когда он вернётся. Но она была слаба и утомлена, и в его распоряжении были куда более разнообразные бури, в то время как у неё была только одна. Он сможет убить её в одно мгновение.

Но если это было то, чего он хотел, почему бы не сделать это именно там, где он нашёл её? Зачем вообще утруждать себя похищением?

Она могла вызвать бурю не для своей защиты, а чтобы привлечь внимание к этому району. Может быть, если они достаточно близко к городу, и кто-нибудь увидит. Может быть, Киран увидит и пришлёт помощь.

Но Киран даже не знал, что с ней случилось. Она втянет его прямо в самую опасную из всевозможных засад. Или же Повелитель бурь мог увести её достаточно далеко, так что никто не увидит.

В итоге она сделала единственное, что пришло ей в голову. Она попросила о помощи. Опустив некоторые из своих ментальных барьеров, она послала потоки боли, изо всех сил пытаясь представить себе область, где она была. Она умоляла храбрую душу прийти к ней на помощь. Это было задание не для робкого, страдающего духа. Ей нужен был воин, кто-то, кто помог бы ей сражаться, кто-то, кто мог бы помочь ей послать весточку друзьям.

«Пожалуйста, пожалуйста. Меня зовут Аврора, и я в опасности. Мне нужна помощь. Если сможете, пожалуйста, найдите меня».

Снова и снова она посылая сообщение, время от времени меняя его и надеясь заманить кого-нибудь к себе на помощь. Она понятия не имела, как далеко находится от города, или в каком направлении её забрал Повелитель бурь, поэтому попыталась распространить своё

послание во всех направлениях, насколько позволяли её способности.

И хотя она могла чувствовать обычный гул духов вокруг неё в природе, большинство из этих духов уже обрели покой и не хотели покидать его. Она могла бы попытаться заставить их, но не была уверена, что это сработает.

Когда кто-то, наконец, пришёл, это был не дух, желающий помочь ей, а похитивший её человек, и Аврора впервые по-настоящему увидела Повелителя бурь. Он вышел из леса, его глаза остановились на ней. И вместе с ним пришла толпа других душ, следующих за ним.

Он выглядел... знакомым, и все же она была уверена, что если бы когда-нибудь видела этого человека в своей жизни, то никогда бы не забыла его. Волосы у него были чёрные, как мазут, подстриженные короткими неровными прядями. Его кожа не была бледной — она была почти такой же тёмной, как у Кирана, — но присутствовала некоторая болезненная бледность, которая заставляла его выглядеть... нездоровым. Его глаза казались чёрными провалами, ещё более устрашающими из-за большого шрама, прорезавшего правую бровь, веко и угол рта. Его тело было длинным и худым, и он двигался с лёгким подпрыгиванием, как будто знал какую-то великую тайну, которую не знали все остальные.

— Ты должна знать, — сказал он, — когда посылаешь эти взрывные мольбы о помощи, возможно, стоит быть более проникательной. Любой, кто потрудится слушать, может поймать твой призыв.

Он улыбнулся ей, и от этого у неё скрутило живот. Её затошнило, но она сомневалась, что внутри у неё есть что-то, что можно было бы извергнуть. Она сильно дёрнула за кандалы, скреплённые над её головой, зная, что они не сдвинутся с места, но не в силах остановить этот порыв.

— Расслабься, — вздохнул он. — Я не собираюсь убивать тебя, если ты так думаешь.

— Нет? — сказала Аврора дрожащим голосом. — Тогда зачем ты уложил меня на землю?

— Чтобы удержать тебя, — сказал он, как ни в чём не бывало, как будто это было вполне разумно.

Он подошёл к ней поближе и бросил перед ней мёртвую лису.

— Я принёс еду.

Аврора в замешательстве, молча, наблюдала, как он разжёт костер, не используя кремень или какой-либо другой метод, а так же, как и она, с несколькими искрами небесного огня. Он был более сдержан, не обжигал землю, как она, а только разжигал пламя, в котором нуждался. Затем он принялся свежевать пойманную дичь и жарить её на костре.

Большую часть работы он не обращал на неё внимания, но и не был одинок. Она наблюдала, как он ходит по лагерю, замечая, когда он останавливался и пристально смотрел в сторону, как будто разговаривал с кем-то, кого она не могла видеть. Он проделывал это снова и снова, иногда подолгу, а иногда лишь бросал короткий многозначительный взгляд через плечо. И хотя она не могла слышать его разговоров — он слишком хорошо скрывал свой разум, — она чувствовала рой тёмных духов, которые собирались вокруг него. Они двигались вместе с ним, как свита, цепляясь за него, как будто он был их Богом. И она предполагала, что в некотором смысле так оно и было. Они хотели только смерти и разрушения, и он предоставил им такую возможность.

Она напряглась, чтобы сохранить свои щиты против чистого напора душ вокруг неё. Некоторым из них, должно быть, были столетия. Разложение, которое она чувствовала, было настолько глубоким, что его невозможно было не распознать. Неудивительно, что

заклинания Повелителя бурь всегда так сильно действовали на неё, если всё дело в душах, что он использовал. И судя по тому, что она чувствовала, у него их были десятки и десятки. Если он выпустит эти души, весь мир сгорит, а не только Паван.

Наконец он снял мясо с огня и поднёс к ней палку, опустившись рядом на колени. Он оторвал кусочек плоти пальцами и поднёс к её губам. Она ждала подвоха, но он только ближе придвинул кусок мяса, и в его глазах промелькнуло нетерпение.

Это было унижительно, но она обнаружила, что её желудок яростно урчит в ответ, как будто она не ела несколько дней. Она вспомнила, что понятия не имеет, как долго была без сознания. И в ближайшее время будет безопаснее, если она не станет открыто сомневаться в его доброте. Ей нужно было понять, почему он забрал её. Поэтому она открыла рот и взяла предложенное мясо, став медленно жевать. Он сел на корточки и оторвал кусок для себя.

Она взяла второй кусок мяса, приятно удивлённая тем, что боль в голове немного утихла. Когда он откусил свой кусок, она набралась смелости спросить:

— Зачем ты это делаешь?

Он склонил голову набок, и это изменение привлекло её взгляд к открытому вороту его рубашки, где она могла видеть едва заметный намёк на мерцание на его груди, как и на её собственной. Только у него был не только небесный огонь. Свет вспыхивал множеством цветов, красным от огненной бури, чёрным от смерча, ослепительно белым от снежной бури. Снова и снова она видела это мерцание, порядок менялся, и не было никакой последовательности, которую она могла бы уловить. Она задавалась вопросом, боролись ли все души, которые он принял, за господство внутри него. Это объяснило бы хаотичность его души. Он казался ей слишком сложным, слишком большим, чтобы она могла его понять. Его душа была наполнена осколками и зияющими пропастями, которые в другом духе она попыталась бы исцелить. Но она была уверена, что это не те раны, которые можно или нужно лечить.

— Я исполняю волю богини, — в итоге ответил он, возвращаясь к еде, отрывая ещё один кусок и протягивая ей.

Она поколебалась и спросила:

— Богини?

Он сунул ей мясо, и она взяла его, жуя так быстро, как только могла.

— Ты, получившая её величайший дар, веришь в это? — спросил он, пристально глядя на неё с опасным предупреждением во взгляде.

Она старалась не смотреть на шрам, пересекавший его глаз. Напряжённость потрескивала в воздухе вокруг него, и у неё было предчувствие, что если бы она могла видеть бури над его сердцем, они бы дико мерцали.

— Верю, — сказала она, независимо от того, было ли это правдой. Честно говоря, она уже не была уверена, во что верит. Её воспитывали в убеждении, что богиня — это суеверие прошлого, миф, но всё остальное, что она знала, было перевернуто с ног на голову. Она больше ни в чём не была уверена.

— Я верю, что есть что-то большее, чем мы, что-то большее, чем те мелочи, на которых так сосредоточен мир. Но ты имеешь в виду... ты разговариваешь с богиней?

Он усмехнулся.

— В этом нет необходимости. Она дала мне способность, которой до меня обладали только боги. Выпускать бури по моей воле. В последний раз такое умение проявлялось во Времена Потрясений, и богиня была предана теми самыми последователями, которых она

благословила. Теперь, спустя столько лет, то же самое происходит снова. Те, кто благословлён богиней, забыли своё происхождение, забыли, откуда пришли их силы. Они впали в алчность, извращённость и жестокость. Пришло время снова всё исправить, очистить мир от тех, кто позорит богиню, избавить мир от бурь раз и навсегда. Я — оружие, которое она послала для этого.

— А кто тогда я? — спросила Аврора, чувствуя, как колотится её сердце.

Повелитель бурь забыл об их еде в своей длинной речи, и теперь он вернулся к ней, предлагая Авроре ещё один кусок еды с пронизательным, прищуренным взглядом.

— С этим я и хочу разобраться. Ты такая же, как я. Я почувствовал тебя с того самого дня, как ты приблизилась к городу. Я ждал, наблюдал, чтобы увидеть, что богиня хочет, чтобы ты сделала. Когда я почувствовал, что ты вытащила одну из моих душ в лесу, я не мог больше ждать. Что привело тебя сюда?

Аврора судорожно сглотнула, зная, что ей предстоит пройти по аккуратной дорожке.

— То же самое, что и тебя. Я сотрудничаю с повстанцами, чтобы свергнуть Локи. Вот почему мы были в диких землях и собирали магию. Мы готовились к нападению.

Он склонил голову, взглядом скользнув куда-то поверх её плеча, и она поняла, что он снова ведёт один из этих разговоров.

— Почему бы не использовать свои способности? — спросил он, вновь пристально посмотрев на неё.

— Я... я использовала. Но, предоставляя магию для восстания, больше людей смогут выполнить волю богини. Разве ты не понимаешь? Даже сейчас неударённые люди могут атаковать Локи без меня, потому что я дала им средства.

Он сжал губы в тонкую линию, и она поняла, что должна сделать больше, чтобы убедить в правдивости своих слов.

— Я не так сильна, как ты. Я только недавно открыла свои способности. Сейчас в моём распоряжении только небесный огонь. Я зависима от сердец бурь и не могу без них вызвать иную бурю.

Встав, он оторвал зубами большой кусок мяса. Он вернулся к костру, жуя, с непроницаемым выражением лица. Положив палку рядом с костром, он повернулся и снова посмотрел на неё. Его глаза метнулись к нескольким точкам в воздухе вокруг неё, а потом он пожал плечами.

— Полагаю, я мог бы научить тебя. Должна быть причина, по которой богиня послала тебя. Она хочет, чтобы мы работали вместе в этой миссии.

Аврора решительно кивнула.

— Да, наверное, так и есть. Как иначе два человека с такими редкими способностями оказались бы в одном месте?

— Верно. Я планировал снова напасть сегодня ночью. Может быть, ты присоединишься ко мне и покажешь, как ты умеешь обращаться с небесным огнём.

Сердце Авроры билось так сильно, что казалось, будто оно занимает всю грудь.

— Помнишь, что я говорила о восстании? В Паване есть люди, которые ненавидят Бурерождённых так же сильно, как и ты. Нам не нужно причинять им боль, чтобы добраться до Локи. На самом деле, я точно знаю, что мятежники похитили Казимира Локи с намерением передать его тебе.

Его лицо стало жёстким, шрам на лице натянулся.

— Это так? И как мне добраться до этих твоих бунтовщиков?

Аврора старалась говорить спокойно, чтобы не выдать своего нетерпения.

— Я могу связаться с ними. Я знаю о секретном посреднике, который есть у них в лагерях.

Он скрестил руки на груди, и хотя его взгляд не отрывался от её лица, голова его слегка склонилась набок, и Аврора подумала, не шепчет ли ему другой дух, не видят ли они её насквозь.

— Нет, — заявил он через некоторое время. — Не думаю, что отпущу тебя так легко. Нет, пока не буду уверен, что могу доверять тебе. Если бунт будет полезен, я решу это сам.

Затем он повернулся и вновь направился в лес, снова оставив её одну. Но, по крайней мере, живой.

* * *

Дни. Именно столько времени Киран потратил впустую. Он не мог думать о том, что могло случиться с Авророй за это время. Сначала он подумал, что, может быть, она приняла недостаточно порошка, что туман каким-то образом добрался до неё. Потому что когда он пришёл в себя, сжимая в кулаке туманное сердце бури, Авроры на поляне не было.

Плотные облака всё ещё окружали его, хотя магия, которая управляла ими, давно исчезла. Он подумал, что она могла уйти, её разум был изменён магией туманной бури, поэтому он искал её, выкрикивая её имя достаточно громко, что его голос стал хриплым. Он искал всю ночь и до следующего утра. Когда он так и не смог найти её следов, он вернулся к их лагерю, думая, что, возможно, она ушла с поляны, но пришла в себя, и когда вернулась на поляну, его там не было. Логично было предположить, что следующим местом, куда она отправится, будет их лагерь. Но её там тоже не было. Насколько он мог судить, в лагере никто не появлялся со времени их ухода.

Он бродил по дикой местности ещё целый день, каждую минуту опасаясь, что может наткнуться на её тело. Было так много способов умереть в дикой местности. Он знал их все, видел так много вблизи и лично. Он гордился тем, что ничто из этого не пугало его, он был готов встретить смерть, как бы она ни пришла.

Но мысль о том, чтобы найти Аврору, погибшую каким-то из этих способов? Это было хуже смерти, хуже любой пытки, которую он мог придумать. Когда он искал почти два дня без сна и не обнаружил никаких признаков её присутствия, он поддался дурному предчувствию, которое скрутило его желудок, и решил вернуться в Паван. Киран нуждался в помощи. Он нуждался в Дьюке и Рансу, Бейте и Скай, и, чёрт побери, он нуждался в Джинкс. Она знает, что делать. С её земной магией, она всегда могла узнать, что другие не могли. Она прислушивалась к деревьям или касалась земли, и каким-то образом узнавала вещи.

Он нуждался в своей семье.

К тому времени, как он пешком добрался до лагеря оборышей за городскими воротами, уже шёл третий день после исчезновения Авроры, и наступила ночь. В лагере была какая-то суматоха. Солдаты вышли в полном составе, но им всё ещё было трудно сдерживать толпы людей, собравшихся вокруг чего-то в центре лагеря.

Киран протиснулся ближе. Несмотря на усталость, его большое тело позволяло ему легко прокладывать себе путь, пока он не достиг переднего края толпы. Огромное количество солдат Локи сражалось, чтобы отеснить толпу достаточно далеко и помешать им увидеть то, что лежало за ней, но то, что увидел Киран, никак нельзя было заблокировать, независимо от того, сколько солдат выстроилось, чтобы отеснить толпу назад. Там, на

самом краю лагеря, лежала груда тел, все в синей униформе Локи. Они были сложены в гротескный холм, и на вершине торчала пика, белый флаг развевался сверху с кроваво-красными письменами, слишком маленькими, чтобы он мог прочитать их.

Он наклонился и спросил пожилую женщину:

— Вы знаете, что здесь произошло?

— Это ночная стража. Они все были на своих местах прошлой ночью, когда мы легли спать. А сегодня утром были обнаружены такими.

— Есть подозреваемые? — спросил он.

— О, они хотели бы обвинить в этом всех нас здесь, можете не сомневаться. Они были бы рады предлогу избавиться от нас всех. Но он подписал своё имя, как будто это было художественное произведение. Назвал это подарком.

— Кто это сделал? — спросил Киран.

— Вы знаете, — прошептала женщина, указывая пальцем на небо. — Это он.

Киран кивнул, и это ужасное предчувствие в его животе усилилось в десять раз. Он должен был поверить, что это совпадение. Не было никаких оснований полагать, что это связано с исчезновением Авроры. Он продолжал убеждать себя в этом. И всё же... он не мог избавиться от ужасного страха, который пустил в нём корни.

Он оставил толпу глазеть на трупы и отправился искать знакомые лица. Он нашёл несколько человек, которых узнал по их короткому пребыванию в лагерях по прибытии в Паван. Как можно осторожнее и тише он расспрашивал всех об Этель и её визитах, пока не нашёл кого-то, кто поддерживал постоянный контакт со старухой. Её последний визит был два дня назад, так что формально она должна была появиться здесь сегодня, но высокий уровень безопасности, вероятно, помешал ей приехать, и Кирану ничего не оставалось, кроме как ждать.

И надеяться.

Время Потрясений было долгим, катастрофическим периодом бурь, не похожим на те, что когда-либо видел континент Каэлиры. Записи того времени немногочисленны, но, по оценкам, оно длилось почти десять лет. Когда всё закончилось, никто из первоначальных пользователей магии, не остался в живых.

— *Изучение Первородной Магии*

20

Прошло ещё два дня, прежде чем Киран установил контакт с Этель и к тому времени те немногие надежды, которые ему удалось создать, превратились в пыль. Остаток дня они потратили на то, чтобы тайком доставить его обратно в город той же дорогой, по которой он его покинул.

Он взял с собой всю магию, которую они собрали, и постарался не расклеиться при мысли о том, что войдет в реку без Авроры в его руках. Когда он добрался до причала, его уже ждали не только Зефир и Рахим, но и вся команда, за исключением Джинкс.

Он мысленно репетировал то, что скажет во время путешествия по реке, он обдумал все факты, все самые насущные проблемы. Но как только его взгляд упал на Дьюка, всё пошло наперекосяк.

— Я потерял её, — прохрипел он, и рыдания застряли у него в горле. — Она была там, а потом исчезла. Как я мог потерять её?

Его друзья мгновенно оказались рядом с ним, снимая тяжёлый мешок с его плеч и поддерживая его. Речная вода всё ещё лилась с промокшей одежды, а конечности сильно

дрожали от холода.

— Помедленнее, приятель, — сказал Рансу.

Дьюк оказался перед ним, его лицо было суровым и встревоженным.

— Сделай глубокий вдох и начни с самого начала, мой мальчик.

Киран рассказал им всё. Всё вышло не так упорядоченно и логично, как он планировал во время своего путешествия. Вместо этого, это была мешанина воспоминаний и эмоций, догадок и страхов, связанных вместе в бессмысленном порядке.

Когда он закончил, все уставились на него, ни один из них не шевельнулся, чтобы заговорить.

— Ну что? — потребовал он. — Я пришёл за вашей помощью. Я искал её везде, где только мог, но не смог найти. Мне нужна помощь людей в поисках, если у вас нет других предложений.

Наконец Зефир нарушила молчание с их стороны.

— Киран, есть кое-что, что ты должен знать. Несколько дней назад в лагерях оборышей произошёл инцидент. Погибло большое количество дежурных солдат.

Киран махнул рукой.

— Да, да, я знаю. Я пришёл в то утро, когда были обнаружены тела. Именно из-за них мне пришлось так долго ждать встречи с Этель. Мы не можем позволить себе больше терять время.

— Нападение было совершено Повелителем бурь, — продолжила Зефир.

— Я же сказал, что знаю.

— Ты знаешь, что он оставил записку? Для восстания?

Киран застыл.

— Что? Что там было написано?

— Он сказал, что знает, что у нас есть подарок для него и хочет предложить подарок в ответ. Мы предполагаем, что он имеет в виду Казимира, но с увеличением патрулей, никто с нашей стороны в данный момент не пытался связаться с Повелителем бурь, чтобы предложить ему принца Локи. Мы думали, что он получил информацию другим способом, возможно, с помощью магии. Но...

— Но... — Киран замолчал, пытаясь собрать всё воедино. — Теперь ты думаешь, что Аврора рассказала ему?

— Это имело бы смысл. Почему она пропала, почему ты не смог найти никаких следов, и как Повелитель бурь узнал о чём-то, что считалось совершенно секретным. Может быть, Аврора преподнесла это в качестве разменной монеты.

Кирану нужно было сесть. На причале не было стульев, поэтому он сдался и сел на деревянные доски, желая почувствовать под собой что-нибудь прочное. Ему нужно было знать, что мир не исчезнет, независимо от того, как он себя чувствует.

— Мы можем это сделать? — спросил Бейт. — Обменять Казимира на Аврору?

— Мы можем попробовать, — сказала Зефир. — Но, по правде говоря, мы даже не знаем, у него ли она.

— Она у него, — пробормотал Киран, наконец, уступая тёмному, бурлящему страху, который преследовал его в течение многих дней.

— Ты этого не знаешь, — сказал Дьюк, похлопав Кирана по плечу.

— Знаю. В тот день мы сделали кое-что иначе. Она использовала только доброжелательные души, чтобы вызвать бурю, но в тот день мне нужно было взять сердце

бури, поэтому мы решили, что будет лучше использовать тёмную душу. Одним монстром меньше. Должно быть, это привело его прямо к нам, — он поднялся на ноги, чувствуя прилив адреналина, несмотря на усталость, охватившую всё его тело. — Мы должны что-то сделать. Я принёс магию. Мы должны начать планировать нападение, спасение.

Зефир протянула руку в красной перчатке.

— Успокойся, Торн, — сказала она. — Давайте начнём с торгов и посмотрим, к чему это приведёт.

Он перевёл взгляд с водяной ведьмы на членов своей команды и был рад увидеть решимость и мужество, с которыми они смотрели прямо на него. Они найдут её. Они не остановятся, пока не приведут её домой. Он был уверен. Вот что даёт семья.

* * *

Время бежало само по себе. Долгие часы Аврора проводила наедине с собой, а Повелитель бурь занимался бог знает чем. С её растянутым и связанным телом, она была во власти стихий. Кожа вокруг её губ стала сухой и потрескавшейся. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ей давали пить воду. Вчера? Может быть, за день до этого?

Её бледная кожа не шла ни в какое сравнение с пылающим над головой Каэлирским солнцем. Ей казалось, что оно скоро её зажарит. Она пыталась сосредоточиться, сохранить свои границы, найти заслуживающую доверия душу и скрыть всё это от Повелителя бурь, но её способность концентрироваться быстро ухудшалась.

В первый день она так много думала, так волновалась, но теперь очень быстро уставала. Она спала чаще, чем бодрствовала. Тёмные пятна омрачали её зрение, а голод превратил её живот в грызущее, урчащее чудовище. Каждый миг она чувствовала, что вот-вот расплчется, но была совершенно уверена, что в ней осталось слишком мало жидкости, чтобы плакать. Она распознала признаки обезвоживания после первого столкновения с Зефир, только на этот раз симптомы появились не внезапно. Они медленно догоняли её, заставляя ревновать к быстрому страданию, которое она испытала от рук водяной ведьмы.

Именно беспомощность сводила с ума больше всего. Она не могла ни почесаться, ни изменить позу, когда болело тело, ни избежать палящего солнца, когда стучало в голове. Она попыталась заставить себя думать о чём-то другом, забыть о боли, жажде и голоде, но постоянный гул духов вокруг неё был слишком отвлекающим. Она боялась, что если позволит себе расслабиться, то никогда не найдёт дорогу назад. Так что она жила с болью каждое мгновение.

Она никогда не думала, что будет жаждать появления Повелителя бурь, но это случилось. Он редко бывал в лагере, а если и бывал, то не совсем с ней. Он существовал в реальности, которую она не могла видеть, он постоянно взаимодействовал с душами вокруг него, но он был настолько искуснее, что не давал ей ничего слышать. Потом он уходил с решительным выражением в глазах, и она никогда не знала, как долго он будет отсутствовать. В первый раз он оставил её почти на два полных дня.

Тогда она ещё была достаточно разумна и рассудительна, чтобы беспокоиться обо всём, что может пойти не так в его отсутствие. Она была лёгкой добычей для любого животного, которое могло бродить рядом. Если бы разверзлась природная буря, у неё не было бы никакой возможности найти укрытие, никакой возможности защитить себя вообще. Чистое безумие от невозможности отмахнуться от насекомых, которые садились ей на глаза и нос, заставляло её кричать и умолять его вернуться. Может быть, она так и сделала, мысленно, и даже не поняла этого, потому что вскоре после этого он снова пришёл. Его одежда была

перепачкана кровью, и он даже не потрудился взглянуть на неё. Он просто прошёл мимо неё и вошёл в реку, чтобы искупаться.

Она старалась не думать о том, что может означать эта кровь. Был ли Киран всё ещё где-то там, ищет ли её? Неужели он подобрался слишком близко? Богиня, судороги голода сочетались с мучительным дискомфортом страха, и она поняла, что всё ещё может плакать.

Когда Повелитель бурь вернулся в лагерь, на нём был мундир солдата Локи, хотя он был весь в чёрных обугленных пятнах и дырах. Она не хотела выглядеть слабой, но отчаяние перевесило расчёт.

— Воды, пожалуйста, — прохрипела она.

Повелитель бурь дёрнулся от её вмешательства, как будто совершенно забыл о её присутствии. Но он сделал, как она просила, вытащил бурдюк с водой и направился к ней. Он поднёс его к её губам, и дал ей попить. Она была слабой и неуклюжей, и вода стекала по её подбородку, но она не возражала. Вода приятно охлаждало её сгоревшую кожу. Она пила до тех пор, пока бурдюк не опустел, и едва сдержалась, чтобы не попросить ещё.

— Я... я думала, ты будешь учить меня, — пробормотала она, снова падая на землю, измученная одним лишь поднятием головы, чтобы напиться.

— Научу, — сказал он. — Когда придёт время.

— Ты можешь освободить меня? Хотя бы ненадолго. Тебя так долго не было, и мне нужно... мне нужно...

Список того, что ей было нужно, был бесконечен, но единственное, что приходило ей в голову в тот момент, это мысли о Киране и пропитанной кровью одежде, которую носил Повелитель бурь, появившись в лагере. Ей нужно было знать, что он в безопасности.

— Ты должна чувствовать себя беспомощной и одинокой, — отрезал он. — Вот так всё и начинается. Только когда ты по-настоящему одинок, когда от тебя отказались те, кто любит тебя, и те, кто должен защищать тебя, и бросили твои товарищи... вот тогда ты узнаёшь ценность своего дара.

— Это то, что случилось с тобой?

— Локи позаботились об этом. Оставили меня умирать в джунглях. Они не знали, что я никогда не бываю один. Спасибо богине.

Он ушел раньше, чем она успела попросить еды, и её желудок резко сжался в знак протеста. Она всё ждала и ждала, надеясь, что он вернётся с другой лисой, кроликом или птицей, но когда она собралась с силами, чтобы обыскать души в окрестностях, она не нашла его, чёткой и запутанной.

Вот тогда-то она и закричала. Она взвыла к небу, её горло саднило, и всё в ней содрогалось от непревзойдённого страха и ярости. Она кричала до тех пор, пока птицы не разлетелись с окружающих деревьев, и водоворот в её груди не превратился в изнеможение. Это было приятно. Но это лишь снова погрузило её в сон.

Проснувшись в следующий раз, она увидела темноту и дождь, которые пытались поглотить её целиком. Земля под ней стала грязной, а поток был таким сильным, что ей казалось, будто она тонет на суше. Каждый раз, когда она пыталась дышать, её заливало водой, она поворачивала голову в сторону, задыхаясь, но это повторилось снова, тогда начала образовываться лужа, поднимаясь всё выше и выше, пока всё её тело не оказалось почти под водой, и ей пришлось напрячь шею, чтобы дышать.

Неужели он хотел убить её? Если такова была его цель, то она хотела, чтобы он сделал это. Что за человек оставит кого-то связанным, совершенно беззащитным, а потом исчезнет

на несколько дней?

Сумасшедший, вот кто. Она слышала эти слухи так же, как и все остальные. Но назвать его сумасшедшим казалось способом оправдать его жестокость и все те страхи и разрушения, которые он причинил. И всё же она не могла думать о нём как о злодее. По правде говоря, до всего этого она старалась думать о нём как можно меньше. Потому что это означало, что она должна была усомниться в своём сходстве с ним. Было ли безумие неизбежным результатом того, кто говорил с духами больше, чем говорил с живыми? Если да, то, что это значит для неё?

Дождь, хлеставший по её лицу и телу, не давал ей уснуть, а кровь быстро бежала по венам. Это было самое бодрое и живое чувство, которое она испытывала за последние дни, поэтому она направила всё своё отчаяние на что-то стоящее.

Она вспомнила тот дух, который помог ей во дворце, тот, что был смелым, сильным и благородным. Он дал ей не так уж много. Она не знала, кем он был в своей прежней жизни, и почему не двигался дальше. Но она помнила его ярость, и сейчас ей это было необходимо. Поэтому она сосредоточилась на этих воспоминаниях, на каждой детали, которую могла вспомнить в присутствии духа, и затем она позвала его, только его.

Аврора взывала к солдатской душе снова и снова в течение ночи, каждый раз, когда холод терзал её тело, или страх поднимался так же высоко, как вода, омывавшая её, но она не слышала ответа.

Когда дождь утих, она спала урывками, но ничего не давало ей настоящего покоя. Просто её тело сдавалось, когда доходило до такой степени, что даже страдания не могли удержать её в сознании.

Очнувшись в очередной раз, она поняла, что уже стоял день, почва под ней всё ещё была влажной, но солнце светило ярко, и тепло ощущалось как спасение на её коже. Потребовалось много времени, чтобы жар просочился вниз, к слоям холода, которые полностью захватили её прошлой ночью. Она слышала лязг кандалов каждый раз, когда дрожь пробегала по её телу.

Повелитель бурь стоял у костра, над которым уже жарилась какая-то дичь. Её желудок болезненно сжался, а рот наполнился слюной. Он посмотрел в воздух, разговаривая с другой душой, догадалась она, и тут же повернул голову к ней.

— Ты проснулась.

Она не знала, что ответить. Поэтому она кивнула, и мир закружился от этого простого движения. Когда её зрение восстановилось, она посмотрела на мясо с неприкрытым отчаянием. От запаха еды, стоявшего так близко, к горлу подступала тошнота, и она знала, что ей понадобится всего один укус, чтобы избавиться от неё.

Наконец он взял палку, на которую было насажено жареное животное, и подошёл к ней.

— Сегодня у тебя первый урок. Так что тебе нужно поесть.

Он держал палку прямо перед её лицом. Она ждала, что он отпустит её руки или оторвет кусок, но когда он не сделал ни того, ни другого, она уступила своему голоду. Вытянув шею, она вцепилась в мясо зубами. Сок брызнул ей на лицо, но она была слишком голодна, чтобы обращать на это внимание. Снова и снова она грызла пищу, которую он подавал, отрывая большие полоски зубами. Её челюсть устала после нескольких укусов, но она продолжала жевать.

Каким бы ни было его представление об уроке, она знала, что ей понадобится вся её сила для этого.

Когда она съела достаточно, чтобы ей стало плохо, она остановилась и кивнула ему, чтобы он убрал всё. Он так и сделал, бросив всё обратно в огонь, вместо того чтобы съесть самому.

Затем, к её удивлению, он опустился на колени и начал отмыкать её кандалы. Первое прикосновение воздуха к её запястьям обожгло, и она потянула их вниз, обнаружив сырые, красные ссадины там, где раньше были кандалы. Повелитель бурь двигался быстро и рационально, встав, чтобы снять кандалы с её лодыжек. Когда он полностью освободил её, то выпрямился и посмотрел на неё.

Она подтянула ноги к животу, её босые ступни закопались в грязь.

— Какой же это урок? — спросила она и почувствовала облегчение, когда её голос почти не дрогнул.

Он указал на её грудь, и, посмотрев вниз, она увидела неистовую вспышку своего небесного огня сквозь ткань рубашки.

— Если ты хочешь быть мне полезной, тебе нужна не одна буря в подчинении.

Аврора замерла, стараясь не выдать своего ужаса.

— Ты... ты хочешь, чтобы я приняла ещё одну душу?

— Да. И я выбрал идеальный вариант.

При этих словах по воздуху пробежал холодок, сопровождаемый тихим, скользящим шипением зловещих намерений. Ветер усилился вокруг них, достигая воющего крещендо, и Аврора заставила себя подняться на ноги. Её ноги болезненно дрожали под её весом, и быстро падающая температура резала её обнажённую кожу. Ветер становился всё яростнее, срывая с неё одежду и поднимая волосы, вызывая слёзы на глазах. Небо над ними бурлило, облака темнели, словно их взбили.

Постепенно она начала замечать крошечные белые пучки, подхваченные порывами ветра. Она прищурилась, пытаясь разглядеть, что это такое, но через несколько мгновений ей уже не нужно было ничего видеть. Она могла чувствовать. Холодный снежный поцелуй коснулся её лба, затем щеки, затем обнажённой руки. Она моргнула, и крошечные снежинки превратились в лавину.

Кусочки снега и льда захватили ветер, превратив яростные порывы в тянущиеся руки пронизывающего холода. Земля вокруг неё была покрыта снегом и, казалось, будто она босыми ногами вошла в кучу иголок.

Аврора сделала глубокий вдох, и холод обжёг её лёгкие. Ощущения в глазах и носу были такие, словно она сунула лицо в огонь, а не в метель. Воздух вокруг неё был белым, и она едва могла видеть больше, чем на несколько шагов в каждом направлении.

Она попыталась найти Повелителя бурь, но больше не могла видеть его в туманной зиме, которую он создал. Её тело сотрясала сильная дрожь, тонкие слои рубашки и брюк не могли остановить пронзительную боль от холодного воздуха вокруг неё.

Аврора попыталась представить, что бы сделал Киран в такой ситуации. Ей нужно было найти сердце бури, иначе она никогда не сможет покончить с этим. И через какое-то время, эти температуры убьют её. Она сомневалась, что Повелитель бурь вмешается, но, учитывая его склонность исчезать, она не собиралась полагаться на его помощь.

Найди сердце бури.

Как она нашла сердце?

Она должна была либо добраться до эпицентра бури, что было невозможно, учитывая, что вершина бури была высоко в небе над ней, либо ей нужно было обмануть сердце, чтобы

оно пришло к ней. Охотники делали это, убеждая бурю, что другая буря была поблизости, используя сердце бури. У неё такого не было. Но у неё было кое-что получше.

Закрыв глаза, она изо всех сил старалась отгородиться от холода и сосредоточиться на электрической жаре бури небесного огня внутри себя. Он откликнулся на её внимание, как только она потянулась к нему, и она позволила ему заполнить себя. На несколько мгновений жар полностью прогнал холод.

Она открыла глаза, небесный огонь искрился из её рук, и она закричала в бушующий ветер:

— Ну? Чего же ты ждёшь? Приди и забери меня!

Она вытянула руки и использовала те немногие силы, которые у неё были, посылая стрелы небесного огня, устремляющиеся к бурлящей буре над головой. В ответ она почувствовала обжигающий прилив враждебности и ненависти, обрушившийся на неё сверху.

Она проигнорировала это, выпустив ещё один разряд небесного огня в воздух, хотя на этот раз смогла справиться только с одним. Ветер донёс дикий вопль, но когда она подняла голову, то увидела, что приближается что-то раскалённое в небе над ней.

Это так отличалось от предыдущего раза, когда она была так близко к сердцу бури. Тогда это была невинная, весёлая буря небесного огня, которая несла в себе душу ребёнка. Эта душа... чем ближе она подходила, тем больше Авроре хотелось бежать. Присутствие духа было отвратительным и могущественным, она не чувствовала ни гнева, ни жадности, ни горечи, ни каких-либо других обычных эмоций, которые исходили от тёмных душ. Вместо этого он излучал жестокое любопытство. Эта душа хотела причинить боль не из мести или зависти, а потому, что ей это нравилось.

Она не хотела, чтобы эта душа вошла в неё, стала её частью. Это разложит её изнутри. Но разве у неё был выбор? Если она откажется, Повелитель бурь поймёт, что она не собирается помогать ему, и у него не будет причин оставлять её в живых. Он возможно даже пошлет бурю, которую уже создал, на Паван. Если ей удастся взять душу, а это было большое «если», учитывая, насколько слабой она была в этот момент, это будет означать, что одной тёмной душой меньше для Повелителя бурь и он не сможет использовать её против Бурерождённых. Хотя она знала, что у него их ещё много.

Когда сияющее сердце приблизилось — вихри яркого света имитировали большую бурю, бушевавшую вокруг неё, — она поняла, что должна сделать.

В пустыне она до некоторой степени могла контролировать бурю небесного огня. Когда охотник забирал сердце бури — это была тотальная битва, где сражалось человеческое сердце и буря. Но своей первой душе она приказала подчиниться и та послушалась.

Она не знала, сработает ли то же самое и сегодня. У неё было чувство, что эта душа будет сопротивляться гораздо сильнее. Но всё же она сделала шаг вперёд, её босые ноги болезненно увязли в сугробах снега.

— Приди ко мне, — приказала она, взывая к той неуловимой способности внутри, которую она использовала для общения с духами.

Сердце бури придвинулось ещё ближе, теперь оно парило на расстоянии вытянутой руки над её головой.

— Ближе, — потребовала она, выталкивая свою волю наружу, к извращённой, ядовитой душе, которая управляла всё ещё падающим снегом.

Как только шар опустился достаточно низко, Аврора использовала свой последний

запас сил и прыгнула, запустив свою руку прямо в сердце бури.

Её первой мыслью было то, что холод, который она чувствовала раньше, был ничем по сравнению с ледяным морозом, пронизывающим её сейчас. В прошлый раз сердце, которое она забрала, было потрясено и опечалено, даже испугано. На этот раз другая душа была голодной. Она хотела всего, что было у неё — жизни, власти и свободы, и она пойдет на всё, чтобы заполучить их.

Её сердце сильнее, напомнила себе Аврора. Не имело значения, что она замёрзла, устала и ослабла. Ей не нужно было самое сильное тело, чтобы выиграть этот бой. Ей нужно было только самое сильное сердце. И другая душа, возможно, жаждала победы, но она боролась только за свою собственную жадность.

Аврора же боролась за гораздо большее.

Аврора должна была победить, чтобы вернуться к Кирану и сказать ему, что любит его. Она хотела произнести эти слова снова. Ей нужно было снова увидеть маму и Дьюка. У неё было так много вопросов, которые она хотела задать им о времени, проведённом вместе, когда они были молоды. Она хотела знать всё, что Дьюк расскажет ей о своей жизни в качестве Финнеса. Она должна была выжить, чтобы спасти Джинкс и Нову. Это была её вина, что её друзья оказались в такой опасности, и она однозначно не могла умереть здесь и оставить их одних. Она хотела ещё немного послушать, как Рансу и Бейт препираются, и наконец-то лучше узнать Слай. Осторожная охотница была её опорой во дворце после того, как Джинкс и Нова оказались схвачены, а она так и не поблагодарила её должным образом. Она должна была это сделать.

Вскрикнув от напряжения, Аврора ещё глубже вонзила свою руку в эту губительную душу и потребовала:

— Подчинись. Я управляю духами, и ты будешь повиноваться.

Мир взорвался светом, и яростное давление со стороны её противника исчезло. Аврора испытала мгновение дикого облегчения, прежде чем что-то новое и неправильное встало на место внутри неё. Она попыталась закричать, но ноги подкосились, и мир вокруг неё распался на части.

С приходом бурь появился новый тип магии, и её пользователи назвали себя Бурерождёнными. Но канули десятилетия в этом изменившемся мире, и оказалось, что некогда пропавшая первородная магия не исчезла навсегда. Поползли слухи о маленьких детях с даром к стихиям. Вопрос был в том, дарованы ли были эти силы богиней или же некоторые из первоначальных пользователей магии всё-таки пережили Время Потрясений. И поскольку сезоны бурь не ослабевали, многие верили, что бури никогда по-настоящему не прекратятся, пока не будут уничтожены все ведьмы. В городах под защитой Бурерождённых использование стихийной магии было под запретом, и тем, кто родился с даром, пришлось учиться жить в тайне.

— *Изучение Первородной Магии*

21

Очнувшись, Аврора обнаружила, что её руки и запястья снова скованы наручниками, и не осталось никаких следов снега, который ранее покрывал всё это место. В горле у неё пересохло, а в желудке появилось ощущение пустоты, которое было глубже голода. В последний раз, когда она забирала душу, она проспала несколько дней.

Она огляделась, пытаясь определить, сколько времени прошло. Повелителя бурь нигде не было видно, а костер давно погас. Не пахло ни дымом, ни пеплом.

Краем глаза она заметила обычную вспышку молнии в груди, но теперь картина изменилась. Между вспышками небесного огня виднелись вздымающиеся спирали перламутровых снежинок, которые выглядели так, словно их подхватил ветер.

Поколебавшись, она поискала внутри себя это новое дополнение и отпрянула, почувствовав то же самое ненасытное, кипящее присутствие, которое она почувствовала в буре. Теперь дух был слабее, но всё равно остался каким и был, но теперь уже вплетённым в её собственную душу.

Она крепко зажмурилась, слёзы катились по её вискам, пока она лежала ничком в грязи, скованная и навсегда изменившаяся.

В конце концов, она почувствовала, что кто-то приближается — а точнее, двое. Её сердце подпрыгнуло к горлу, и на мгновение она осмелилась надеяться.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Но когда они приблизились, она почувствовала массу тёмных духов, которые могли следовать только за Повелителем бурь. Она была слишком слаба, чтобы определить, кто этот другой человек, не сделав себя уязвимой для всех этих духов. Её сердце бешено колотилось, опасаясь худшего. Что если он схватил и Кирана тоже... она сглотнула, пытаясь не поддаться панике, но потерпела неудачу.

Когда Повелитель бурь вынырнул из-за деревьев, таща за собой ещё одного полубессознательного человека, она поняла, что он привёл с собой не Кирана. Но она узнала этого мужчину. У него были тёмные вьющиеся волосы и бронзовая кожа. Кровь заливала ему нос и рот, и последнее, что она слышала о нём, так это то, что его схватили её друзья.

Казимир.

Повелитель бурь вступил в контакт с мятежниками. Теперь вопрос заключался в том, оказался ли этот контакт дружеским. Он подтащил Казимира поближе, ноги мужчины с трудом поспевали за его шагом. Он продолжал тянуть, пока не поравнялся с Авророй, а затем бросил Казимира на землю.

— Не двигайся или умрёшь, — прорычал Повелитель бурь, угрожающе подняв руку, в которой потрескивал небесный огонь.

Казимир крепко сжал челюсти, его глаза презрительно сверкнули, но он даже не пошевелился, чтобы подняться с земли, когда Повелитель бурь подошёл к Авроре, наклонился и начал снимать с неё наручники. Её сердце дрогнуло, а затем ускорилось до бега, когда освободилась одна нога, затем другая. Не говоря ни слова, он подошёл к её рукам. Когда он отпустил её, из её рта стали вырываться тяжёлые вздохи, и она осторожно выпрямилась, её мышцы протестовали против такой перемены после столь долгого пребывания в одном положении. Она с опаской переводила взгляд с Повелителя бурь на принца Локи. Её похититель выпрямился между ними, скрестив руки на груди и смотря на неё.

Его покрытый шрамами глаз слегка сузился, и он сказал:

— Ну?

— Что ну? — спросила она, её голос был едва слышен.

— Ты сказала, что поддерживаешь волю богини. Пришло время проявить себя, — он протянул руку, в его ладони лежал нож.

У Авроры дрожали руки, а после нескольких дней обезвоживания во рту так пересохло, что ей показалось, будто у неё перехватило горло. Или, может быть, это было просто её нежелание говорить.

— Ты хочешь быть свободной, — продолжил Повелитель бурь. — Ты хочешь завоевать моё доверие и победить Локи. Сделай это и получишь всё и сразу.

— Ты хочешь, чтобы я убила его? Сейчас?

Она лихорадочно искала выход, какое-нибудь спасение.

Повелитель бурь пожал плечами.

— Если хочешь, чтобы я продолжил учить тебя воле богини, я должен знать, что ты на правильной стороне.

Он снова протянул ей нож, и на этот раз она взяла его, гадая, успеет ли использовать его против Повелителя бурь, прежде чем он призовет против неё легион бурь. Она встала, её колени дрожали от неподвижности. И она знала, что если попытается бежать, то наверняка упадёт. Она была так слаба.

Аврора посмотрела на Казимира. Он был весел, когда она впервые встретила его, но всё это было притворством. Она слышала, как он разговаривал с Кассием за её спиной, и тогда он уже не казался таким добродушным. Она видела жестокость, с которой он обращался с оборышами, и знала, что он стоял за уничтожением Глаза, но было ли этого достаточно для неё, чтобы оправдать отнятую у него жизнь? Чего она ожидала, став королевой? Ей придётся принимать такие решения, самые трудные из них, о том, кто виновен и чего заслуживает, но она не будет той, кто назначит наказание. Станет ли от этого меньше крови на её руках?

Казимир вздёрнул подбородок и уставился на неё, быстро моргая.

Аврора заметила, что в тот момент, когда он узнал её, его прищуренные глаза распахнулись от шока.

Она попыталась глазами показать, что не собирается причинять ему боль.

Только не так. Она поддержала план мятежников отдать Казимира, но теперь, проведя, богиня знает, сколько дней в обществе безумца, она знала, что в такой судьбе нет справедливости, только жестокость.

Она открыла рот, чтобы сказать Повелителю бурь «нет», но его внимание внезапно переключилось с неё на дорогу, по которой он пришёл. Он выругался, и через мгновение небо взорвалось. С ясного голубого неба во все стороны разнёсся порыв ветра. Крохотная тёмная точка превратилась в водоворот густых тёмных облаков, которые тянули за собой вселенную, затягивая облака, деревья и всё вокруг. По мере того как в небе сгущались тёмные тучи, начал формироваться смерч и его рёв на ветру заглушал всё вокруг.

Она даже не слышала, как шевельнулся Повелитель бурь. Всё произошло так быстро. Она только почувствовала, как он выдернул нож из её руки, увидела блеск лезвия на солнце и подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как он полоснул им по горлу Казимира. Она увидела, как глаза принца расширились, почувствовала брызги крови на лице и передней части тела.

Она не знала, когда начала кричать, только то, что кричала. Но это, как и всё остальное, было потеряно в чудовищном смерче, который засасывал всё на своём пути неподалёку.

Повелитель бурь спрятал нож за пояс и направился к ней. Она попятилась назад, царапая руками грязь и камни. Ей удалось подняться на ноги, и она побежала. Как бы это ни было невозможно... она побежала к смерчу. Она сделала всего несколько шагов, прежде чем рука схватила её за запястье и потянула назад.

Она издала крик о помощи — слышный и неслышный, — и резко дёрнулась, больно вывернув плечо. Вдалеке она увидела, что смерч увеличился в размерах, и на мгновение, она могла бы поклясться, что увидела человека, захваченного его жестокими ветрами, но затем

ть оказалась вне её поля зрения, и она засомневалась в том, что увидела.

Что-то зловеще загрохотало вдалеке, и Повелитель бурь разочарованно зарычал позади неё. Пока она наблюдала, вращение смерча начало замедляться. Ветер завывал, словно протестуя. В момент отвлечения Аврора свободной рукой выхватила всё ещё окровавленный нож из ножен на поясе Повелителя бурь. И с непоколебимой уверенностью она вонзила клинок ему в грудь.

Его пальцы ослабили хватку на её запястье, и она вырвалась и побежала к деревьям. Она не останавливалась, пока не добралась до края поляны, и только тогда быстро оглянулась, чтобы увидеть, как близко её похититель.

Поляна, на которой он держал её, была пуста, если не считать распростёртого тела мёртвого Казимира Локи.

Она вцепилась в ближайшее дерево, не зная, следует ли ей бежать дальше, или же ей следует развернуться и побежать в другую сторону, принимая во внимание смерч, проносющийся через лес впереди. Она получила ответ несколько мгновений спустя, когда почувствовала взрыв магии, и лес затих, больше не было воющих ветров, не было вихря из обломков деревьев. Только спокойствие после хаоса.

Кто-то остановил шторм и пришёл спасти её. И хотя каждый мускул в её теле хотел сдаться и соскользнуть на лесную подстилку, она оттолкнулась от своего дерева и направилась к следующему. Она делала это снова и снова, спотыкаясь о корни деревьев и кустарники, полная решимости увидеть тех, кого ей так сильно не хватало.

Вскоре она услышала впереди треск ветки, и у неё перехватило дыхание, а по лицу потекли слёзы. Она оглядела деревья, ожидая момента, когда Киран появится между ними, молясь богине, чтобы никто не пострадал в битве с бурей.

Той тенью могло быть что угодно, кроме человека, захваченного ветрами смерча. Она должна была в это поверить. Это должно было быть правдой.

Снова раздался хруст сапог, и затем появилась высокая фигура. Аврора вцепилась в ближайшее дерево, отказываясь идти дальше.

Но во второй раз за этот день человек, вышедший из-за деревьев, оказался не тем, кого она ожидала увидеть. Он был высоким, с тёмными волосами и глазами, и светло-коричневой кожей, почти такой же, как у Кирана, и в тот момент, когда он увидел её, он побежал, выкрикивая команды кому-то, кого она не могла видеть. Она ослабила хватку на дереве и упала на колени, но он успел подхватить её раньше, чем она упала на землю.

— Аврора. Боги, Аврора, с тобой всё в порядке?

Она посмотрела в лицо Кассию Локи и сказала правду:

— Нет. Я не в порядке.

* * *

Кассий упал на колени, уронив свой меч, чтобы обнять худое окровавленное тело Авроры Паван, когда она потеряла сознание. Он чувствовал себя так, словно его разум был захвачен вихрем, с которым они столкнулись несколько мгновений назад, потому что он, казалось, не мог понять, что видит. Она была здесь, перед ним, после всего этого времени.

Её одежда была изорвана и грязна, а сама она была забрызгана кровью. Её волосы были короче — спутанные и грязные. Её щёки казались впалыми, как будто они давно забыли свою последнюю трапезу. Он яростно искал любые повреждения, которые могли бы быть источником всей крови, но через несколько мгновений понял, что это не её кровь.

Ворот её рубашки был разорван и он увидел испачканную грязью кожу и что-то похожее

на вспышки света. Он смотрел, зачарованный и сбитый с толку. Проявления магии, которые он видел только в небе, двигались там, где должно было быть её сердце. Это было невозможно; только Повелитель бурь носил такие знаки. Они явились сюда за ним, желая разобраться с ним. Один из оборышей сообщил, что видел подозрительного мужчину с кем-то, кто, как он был уверен, был Казимиром Локи. Учитывая, что его брат сделал своей миссией пытки оборышей, вынуждая их уйти, он не знал, почему кто-то захотел помочь, но это была первая реальная зацепка, которую они получили о его брате.

А теперь он нашёл здесь Аврору? В этом не было никакого смысла.

Кто-то окликнул его впереди. Затем последовали новые крики. Он поднял Аврору на руки и пошёл на шум. Она была слишком лёгкой в его объятиях. Её кожа слишком холодной, но тепло, которого он не знал уже долгое время, начало распространяться по нему от уверенности, что она в безопасности в его объятиях.

Затем он вышел на поляну и увидел то, что привлекло внимание его солдат, и то небольшое тепло, которое он приобрёл, покинуло его.

Его брат лежал распостёртый на траве со вскрытой шеей, под ним скопилась багровая лужа. Он отвёл взгляд, усиленно моргая, чтобы избавиться от этого зрелища. Но эта кровавая лужа задержалась в его сознании.

Он никогда не был особенно близок с братом. В его семье это не приветствовалось. Но, чёрт побери, он так устал. Насилие жило под его кожей, оно было частью того, кем он был, но это не означало, что он не хотел иногда выцарапать его. Он хотел обратить это насилие внутрь себя и сжечь всё, пока не останется ничего, кроме пепла, и он, наконец, сможет отдохнуть.

Он заставил себя открыть глаза и огляделся вокруг. Его взгляд упал на пару наручников, воткнутых в траву, примерно в двух шагах друг от друга. Он посмотрел вниз, где руки Авроры безвольно лежали на коленях, и увидел грубые ссадины вокруг запястий. Он поднял одну руку и увидел те же ссадины на её лодыжках.

А потом это насилие, которое он так хорошо знал, с криком вернулось — чёрное и жгучее.

Если её тоже держали здесь в плену, значит, этот ублюдок всё ещё где-то здесь.

— Общайте лес, — потребовал он. — Если понадобится, общайте каждое кровоточащее дерево. Найдите его.

Он глубоко вздохнул, его мысли метались в разные стороны — он хотел участвовать в охоте, но знал, что ему нужно отвезти Аврору к лекарю, и он боялся снова увидеть безжизненное тело брата.

Он повернулся к двум солдатам, которые всё ещё стояли на коленях рядом с телом его брата, и дал им указания.

— Заверните тело и верните его во дворец. Спрячьте где-нибудь в укромном месте, пока я не сообщу эту новость своей семье.

Мужчины кивнули в знак согласия и приступили к выполнению его приказов.

В его объятиях осталась только девушка, которая была слишком неподвижна.

Ему следовало быть заботливее. Он на мгновение опустил её на землю, сбросил пальто и накрыл её сверху, стараясь скрыть тонкий кусочек плоти, который светился необъяснимым светом. Затем он снова взял её на руки и зашагал к дому.

Ему хотелось бежать, как можно скорее доставить её в безопасное место и помочь, но он знал, что расстояние слишком велико, он мог бы причинить ей ещё больше боли,

потревожив её. Поэтому он держал её так бережно, как только мог, пока шёл назад через то место, где победил появившийся из ниоткуда смерч. Ему придётся послать ещё людей на поиски сюда, потому что он был уверен, что людей унесло ветром.

Но сейчас он не обращал внимания на искорёженные и поваленные деревья и на беспорядок, оставленный бурей. Он с трудом оторвал взгляд от тонких костей рук Авроры. Неужели она всегда была такой хрупкой? В его воспоминаниях она была сильной и уверенной в себе, но девушка в его руках теперь выглядела увядшей и такой хрупкой.

Он хотел развернуться, выследить этого ублюдка Повелителя бурь и заставить его заплатить.

Он заплатит. Кассий поклялся, что даже если это будет последнее, что он сделает, то чудовище заплатит за это.

* * *

Аврора не могла припомнить, когда в последний раз так хорошо спала. Она потянулась, её руки и ноги скользнули по гладкому, прохладному постельному белью. Матрас и подушка под ней были изготовлены из такого прекрасного материала, что она не хотела двигаться. Она протянула руку, ожидая найти твёрдое, обнажённое плечо Кирана рядом в этом волшебном мире снов, но кровать оказалась пуста.

Она медленно открыла глаза и растерянно заморгала от знакомой обстановки. Кровать была широкой и экстравагантной, с плюшевым белым постельным бельём, которое напоминало ей облака. Прошло очень много времени с тех пор, как она мечтала снова оказаться в своей старой постели. Она улыбнулась и растянулась на мягком матрасе, пока её внимание не привлекла резкая боль в запястье. Она поднесла руку ближе к лицу и с недоумением поглядела на красные пятна, и только потом недавние события вернулись к ней, как ужасный кошмар, и она поняла, что это не сон.

Она тут же резко выпрямилась в постели, её затекшие мышцы отчаянно протестовали против этого движения. Глаза распахнулись, когда она оглядела комнату... её комнату, она выглядела точно так же, и всё же ощущалась совершенно иначе. Она не могла объяснить, как изменилась комната. Она всегда была скромной, немного холодной, с каменными полами и стенами, и впечатляющими окнами. Но комната больше не ощущалась своей.

Стук в дверь заставил сердце Авроры учащенно забиться. Её последние воспоминания были туманны. Она ясно помнила, как Повелитель бурь перерезал Казимиру горло и убежал, когда кто-то приблизился. Она вспомнила, что он послал торнадо, чтобы замедлить чьё-то приближение, и она так заволновалась, что кто-то пострадал.

А потом... Потом она вспомнила Кассия. И больше ничего.

Снова раздался стук, и она дико огляделась по сторонам, не зная, что ещё можно сделать, кроме как узнать, кому и что от неё надо. Теперь она была здесь. Этого уже не изменить. И по правде говоря, она предпочла бы остаться здесь, а не возвращаться к Повелителю бурь. Но она понятия не имела, что будет дальше.

Она подняла подбородок, стараясь вести себя как можно храбрее, и крикнула:

— Войдите.

Деревянная дверь со скрипом отворилась, и снова за дверью оказался не тот, кого она ожидала увидеть, хотя человек, проскользнувший в дверь, был тем, кого она видела много раз. Вместо высокой фигуры принца Локи она увидела робкую улыбку своей лучшей подруги.

Рыдание сорвалось с её губ раньше, чем она успела осознать, что издала хоть звук.

Аврора попыталась слезть с кровати, но её конечности не слушались, она споткнулась и едва не растянулась на полу.

Нова быстро закрыла за собой дверь и поспешила через комнату.

— Оставайся в постели. Отдыхай. Тебе это нужно.

Аврора села обратно на кровать, не споря, главным образом потому, что была ошеломлена.

— Как ты... как?

— Меня прислал принц.

Аврора разинула рот.

— Из подземелья?

Нова скривила губы и пожала плечами.

— Он вернул меня в мою бывшую комнату чуть больше недели назад.

Моргая, Аврора спросила:

— А Джинкс?

Нова покачала головой.

— Он сказал, что, участвуя в моей попытке спасения, она стала известной участницей восстания, и он не может освободить её.

— Но он захотел освободить тебя?

— Не сразу. Однажды он сказал, что верит в мою непричастность к твоему похищению. Но он запретил мне покидать дворец, иначе я пришла бы и нашла тебя. Мы должны вытащить Джинкс. Они не причинили ей вреда, пока мы были вместе, но я ничего не знаю о том, что с ней происходит с тех пор.

Аврора схватила подругу за руку, и когда ей стало лучше, она обхватила Нову другой рукой.

— Я знаю. Я всё исправлю. Понимаешь? Я сделаю всё, что должна сделать. Мне так жаль, что я так поступила с тобой, Нова. Нет слов, чтобы выразить, как сильно я сожалею о том, что причинила тебе боль.

Её подруга забралась на кровать рядом с ней и крепко обняла Аврору. Она не осознавала, как отчаянно жаждала этого контакта, пока не получила его, и тогда Аврора вцепилась в Нову, так радуясь, что больше не одна. А потом из неё полилась вся история — всё хорошее и ужасное, что случилось с ней с тех пор, как она оставила Нову несколько месяцев назад с её дурацкой идеей инсценировать собственное похищение. Она рассказала подруге обо всех невероятных вещах, которые видела и которыми хотела поделиться со своей самой старой подругой. Она говорила о том, каково это — влюбиться в человека, который ничего не знает ни о тебе, ни о твоей семье, ни о твоих ожиданиях.

Нова задавала ей бесконечные вопросы об её чувствах к Кирану, и Аврора рассказала ей об их ссоре, когда он обнаружил её истинную сущность, и она горячо покраснела, когда вспомнила, как они помирились, находясь в дикой местности.

— Значит, вы снова вместе? — спросила Нова.

— Да, — ответила Аврора. — Ну, технически, я здесь, а он где-то там и, вероятно, сильно волнуется, потому что я не видела его с тех пор, как Повелитель бурь похитил меня.

— Мы найдём способ связаться с ним, — пообещала Нова. — За мной часто следят, но, может быть, мне удастся уговорить друга тайком передать сообщение.

В какой-то момент в дверь снова постучали, и Аврора снова напряглась, испугавшись прихода Кассия, но это была всего лишь горничная, принесшая еду. Пустой желудок Авроры

болезненно отозвался эхом, как только запах ударил в нос. Они перешли в гостиную, чтобы поесть, и Аврора заметила, что в комнате всё ещё сохранились следы присутствия Кассия. Она не заметила ничего из его вещей в спальне и надеялась, что это означает, что он спал где-то в другом месте, пользуясь только её гостиной в её отсутствие.

Пока они ели, Аврора продолжала свой рассказ, поглощая принесённый для них небольшой пир. Странно, но она чувствовала себя так, словно её вырвали из времени. Вся боль, стресс и беспокойство последних недель растаяли в присутствии её подруги, и на какое-то время она снова почувствовала себя нормальной. Она рассказала Нове о своей магии и о том, что она может с ней сделать — хорошее и плохое, добавив подробности, на которые у них не было времени во время попытки спасения. Она без колебаний стянула с себя рубашку и показала Нове изменчивое подобие двух разных бурь, которые теперь несла в себе.

Аврора чуть было не рассказала Нове о тьме второй души, которую она вобрала в себя, но не смогла заставить себя нарушить радость их воссоединения. Когда-нибудь она скажет своей подруге, как сильно боится души, которая теперь стала частью её собственной, как боится, что та запятнает её, будет манипулировать ею, превратит её в нечто, чем она не хочет быть.

Но это может подождать до следующего дня.

— А ты? — спросила Аврора. — Ты не должна говорить о том, что с тобой случилось, если не хочешь. Особенно мне. Но если ты хочешь... я здесь, чтобы выслушать.

Нова опустила взгляд и улыбнулась.

— Всё было не так уж плохо.

Глубокий, розовый оттенок начал распространяться по шее её подруги, но прежде чем Аврора успела наброситься с вопросами, раздался ещё один стук в дверь. Предположив, что это ещё одна горничная, Аврора крикнула:

— Войдите.

Дверь распахнулась, и как только она услышала стук тяжёлых сапог по камню, то поняла, что это не горничная. На ней всё ещё был простой халат, который она даже не помнила, как надела накануне вечером, и она сидела за маленьким столиком с Новой, её тарелка была начисто выскоблена. Она сжала кулаки на краю стола и выпрямилась, как шомпол, когда в комнате появился Кассий Локи.

Он был совсем не таким, каким она его помнила.

Он всё ещё был красив, хотя его коротко стриженные волосы слегка растрепались, и он выглядел усталым. В его присутствии всё ещё чувствовалась мрачная угроза, напомнившая ей, что этот человек способен на ужасные вещи. Но то, как он стоял у двери, почти неуверенный... это было совершенно ново.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, оставаясь у открытой двери.

— Лучше, — честно ответила она.

Сон и еда сотворили чудеса, хотя она была бы не прочь снова забраться в постель и провести в ней ещё день или два, если бы ей не угрожала смертельная опасность. Слишком уставшая, чтобы ходить вокруг да около, она прямо спросила его:

— Чего ты хочешь от меня?

Его брови приподнялись в удивлении.

— Спасти тебя? Это всё, что я пытался сделать с той минуты, как тебя похитили. Я искал тебя повсюду, месяцами. Где бы, по моим предположениям, ты могла быть, я посылал

туда солдат.

И она это знала. Она встретила нескольких солдат в маленькой деревушке Толема, прежде чем их уничтожил смерч, который она случайно вызвала.

— А моя мать? Сомневаюсь, что ты пытался спасти её, вводя наркотиками в бессознательное состояние.

Он сделал ещё один шаг вглубь комнаты, его длинные ноги поглотили слишком много дистанции за один этот шаг.

— Я не имею к этому никакого отношения. Это был мой отец, он...

— Ох, пожалуйста. А Нова? Это тоже твой отец посадил её в тюрьму за моё похищение?

Кассий стиснул зубы, мускулы на его шее вздулись от напряжения. Его взгляд метнулся за неё, туда, где, как она знала, всё ещё стояла Нова.

— Нет. Это был я. Я пытался выяснить, что с тобой случилось, и...

— Я убежала, потому что не хотела выходить за тебя замуж! Никакого похищения не было. Я ушла по собственной воле, потому что увидела проблеск равнодушия и жестокости, на которые способен ты и твоя семья, и решила, что заслуживаю большего. Но я глупая девочка, которая слишком поздно поняла, что оставила свою мать на милость волков.

— Аврора, я никогда не хотел, чтобы это случилось. Я хотел править рядом с тобой, а не позволить моему отцу уничтожить ещё один город. Как только бы мы поженились, я смог бы не дать ему совершить переворот. Я всё ещё могу это сделать. Мой отец не смог бы противостоять нашему с тобой союзу.

Аврора поплотнее запахнула халат и покачала головой.

— Я не хотела выходить замуж за тебя тогда и не выйду сейчас. Никогда.

— Тогда, полагаю, нет смысла тебя опекать, не так ли? — голос донёсся из-за открытой двери, но когда она оглянулась, там никого не было.

Мгновение спустя отец Кассия вышел из-за угла, его взгляд был жёстким, а губы застыли в той же насмешливой ухмылке, которую она видела на лице Казимира.

— Добро пожаловать домой, Аврора, — сказал он, входя в комнату и закрывая дверь с тихим щелчком. — Твоё исчезновение вызвало настоящий переполох, хотя не могу сказать, что возражал. На самом деле всё получилось довольно хорошо.

— Вы недостойный человек.

Глава рода Локи пожал плечами.

— Кто-то же должен был, — затем он повернулся к сыну и спросил: — Ты хочешь убить её? Или я должен это сделать?

У Авроры пересохло во рту, и она знала, что если кто-нибудь из них посмотрит достаточно внимательно, то сможет увидеть свет бурь, яростно вспыхивающих в её груди. Пусть подходит. Она не была беспомощной. Если он прикоснётся к ней, она закачает в него достаточно небесного огня, чтобы остановить его сердце или заморозит изнутри, в зависимости от того, что произойдёт раньше.

Когда Кассий не ответил, пожилой мужчина повернулся к ней и направился через комнату с расчётливым взглядом в глазах. Она позволила своим рукам свободно свисать по бокам, но чувствовала жужжание энергии, уже собирающейся в кончиках её пальцев.

Он бросился на неё, и она подняла руки вверх, готовясь к удару, но его так и не последовало. Вместо этого Кассий схватил его сзади и двое мужчин врезались в стол, отправив вазу и другие безделушки на пол. Аврора ахнула, а Нова схватила её за руку и оттащила к стене, подальше от дерущихся отца и сына.

Они перекатывались друг через друга, борясь за господство и, в конечном счете, Кассий оказался сверху. Он отпрянул назад и нанес отцу сильный удар в челюсть. Король схватил один из осколков вазы и с яростным рычанием ударил им Кассия по щеке. Красные капли забрызгали ковёр, и Кассий отполз назад, оказавшись вне досягаемости. Они стояли, тяжело дыша, кружа вокруг друг друга.

— Ты будешь драться со мной из-за неё? — прорычал король.

— Я всю жизнь ждал возможности сразиться с тобой, — сказал Кассий. — Ты сам готовил меня к этому... побеждать всё, что встанет на моём пути.

— Я не стою у тебя на пути. Я пытаюсь дать тебе королевство без другого могущественного наследника, который сможет оспорить твои притязания.

— Ты всё только разрушаешь. Ты погубишь это королевство, как погубил наше. Мне не нужна твоя помощь.

Король снова сделал выпад, и Кассий схватил руку, державшую осколок, который порезал его прежде, крутанул и больно согнул руку назад, пока хватка отца не ослабла, выронив импровизированное оружие. Король потянулся назад свободной рукой и схватил Кассия за волосы, а затем они вдвоём врезались в стену, извиваясь и пытаясь взять верх.

Король вырвался на свободу и схватил стоявший рядом таз с водой, вылил содержимое, а затем замахнулся куском керамики в голову сына. Кассий пригнулся и ударил отца плечом в живот, отчего они снова растянулись на полу.

— Ты неблагодарный...

Сильный удар оборвал остальные его слова, и они снова покатались, ударяясь о мебель и разрывая одежду друг друга. Король оказался сверху, его кулак крепко ударил Кассия по лицу, один раз, затем два, затем ещё несколько раз, каждый с почти радостным лаем ликования, и как раз в тот момент, когда Аврора собиралась подбежать и тоже броситься в бой, старший мужчина напрягся и дёрнулся, его рука на мгновение повисла в воздухе там, где она приготовилась нанести очередной удар. Затем всё его тело было отброшено в сторону. Оно распласталось на окровавленном ковре с кинжалом, по самую рукоять вонзённым в грудь.

Кассий, окровавленный и тяжело дышащий, сел и посмотрел на Аврору, его лицо отекло от ударов отца. Между тяжёлыми вздохами, он сказал:

— Он сделал меня параноиком, когда я ещё был ребёнком. Теперь у меня повсюду припрятано оружие. В том числе и здесь.

Он ткнул рукой под диван рядом с тем местом, где они дрались. Кассий протянул руку и вытер кровь, текшую по его лицу, затем посмотрел на неё. Всё его лицо стало багровым и быстро опухало.

— Теперь ты поверишь мне, когда я скажу, что не желаю тебе зла?

Аврора смотрела на него ошеломлённо и с облегчением, и какая-то часть её — эта новая, тёмная, ненавистная часть, — наслаждалась насилием, которое она только что увидела, которое было совершено ради неё.

Она вздрогнула, ужаснувшись этому чувству, и быстро заявила:

— Я всё равно не выйду за тебя замуж.

— Хорошо, — проворчал Кассий, поднимаясь на ноги и морщась от боли. — Но, может быть, партнёрство другого рода? У тебя, похоже, больше талантов, чем я осознавал, — сказал он, указывая на её сердце понимающим взглядом. — Но я готов поспорить, что ты не сможешь справиться с Повелителем бурь в одиночку. Признайся, я тебе нужен, Аврора.

Кто ей был нужен, так это Киран. И её мать. И Дьюк. И Джинкс. И все остальные члены её новообретённой семьи. Но она смотрела на него, на серьёзное выражение его лица, на кровь, которую он носил как знак почёта. Он убил своего отца ради её защиты. Это должно было даровать ему хоть какое-то доверие.

— Я не ищу партнёра, но возьму солдата, если ты не против.

Она протянула руку, и Кассий сделал шаг вперёд. Он возвышался над ней, и даже весь в крови и синяках, этот мужчина выглядел опасным. Он проигнорировал протянутую руку и вместо этого опустился перед ней на колени.

— Как пожелаешь, моя королева.

— КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ —